

0 РЕИЗ

VK.COM/STAGEDIVE

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

ТИММИ КОУЛ

Для того, чтобы вернуть прежнюю жизнь, нужно сначала посмотреть в лицо смерти... Один мужчина лишен своей свободы, своей морали... своей жизни. Находясь в неволе, где только калечат, убивают и режут, заключенный 818 больше не испытывает вины и становится непревзойденным, непобедимым бойцом на ринге. Насилие — это все, что он знает. Смерть и жестокость стали хозяевами его судьбы. После нескольких лет заключения в подземном аду, только одна мысль занимает его ум: месть... кровавая, медленная и жестокая. Месть человеку, который солгал. Месть человеку, который уничтожил его. Месть человеку, который осудил его и превратил его в это: машину для убийств, подпитываемую яростью. Монстра, лишённого человечности; Монстра, переполненного ненавистью. И никто не встанет на пути к тому, чего он хочет. Одна женщина лишилась своей свободы, своей морали... своей жизни. Киса Волкова единственная дочь Кирилла «Глушителя» Волкова, главы печально известной русской мафии в Нью-Йорке «Триада». Ее жизнь в безопасности. Но в реальности — это виртуальная тюрьма. Жестокое отношение отца к своим соперникам и его прибыльная, вызывающая зависть, подпольная азартная организация — «Подземелье» — причины того, что у их двери всегда скрываются враги. Она мечтает быть свободной. Киса знала только жестокость и потери в своей недолгой жизни. Она работает управляющей в смертельном предприятии ее отца, и только горем и болью наполнены ее дни. Ее отец мафиози, в ее мире все по жестким правилам. И ее жених, Алик Дуров, не лучше; Пятикратный чемпион «Подземелья», непоколебимый убийца, бесценный сын лучшего друга ее отца и ее собственный — что больше всего возмущает — личный охранник. Непревзойденный в силе и социальном положении, Алик управляет каждым аспектом жизни Кисы, контролирует каждый ее шаг; держит в подчинении и не дает свободы... однажды ночью все меняется. Во время работы в церкви — только там можно избавиться от постоянного наблюдения — Киса натывается на татуированного, в шрамах, но потрясающе красивого бездомного человека. Что-то в нем вызывает у нее глубокие чувства; знакомые, но донельзя запрещенные желания. Он не говорит. Ни с кем не общается. Он человек, которого она спасла и человек, которого она должна быстро забыть... для их общего блага. Но когда неделю спустя, нежданно-негаданно он заменяет бойца в «Подземелье», Киса понимает, что у нее большие неприятности. Он безжалостно ломает и убивает своих оппонентов, оставляя в результате страх от вида смерти в его глазах. Киса одержима им. Тоскует по нему. Жаждет его прикосновений. Желает обладать этим загадочным человеком... этим мужчиной, которого они называют Рейз.

Название: Тилли Коул, «Рейз», серия «Души в шрамах», книга 1.

Переводчики: Лена Виц. и Агнесса С. (пролог — 8 глава)

Редактор: Irina Valerevna и Лена Виц. (пролог — 8 глава)

Вычитка: Matreshka

Обложка и оформление: Mistress

«Ты мчишься по жизни, как бушующий огонь.
Я проливаюсь, словно грозовой ливень...»

LittleBigTown , LiveForever

«Им было предназначено быть вместе, один мальчик и одна девочка, две половинки сердца, посланные странствовать по свету. Бог захотел проверить, насколько искренней была любовь и сможет ли она выдержать испытания. Он хотел увидеть, как половинки одной души смогут найти друг друга, несмотря ни на что. Пройдут годы, каждому из них будет больно, они будут грустить, но в один из дней, когда они меньше всего ожидали, их пути пересекутся снова. Вопрос в том: смогут ли их души узнать друг друга? Сможут ли они найти путь, чтобы возродить любовь...?»

Его сердце билось, как барабан — быстро, сильно и громко.

Дыхание было таким же сильным как шторм, а грудная клетка сжималась от тяжелых вдохов.

Страх просачивался сквозь кости, ощущался каждой клеточкой тела, руки дрожали как осиновый лист, пот стекал по телу.

— Добро пожаловать в ад, пацан.

Эти четыре слова первое, что услышал ребенок, когда он был вынужден спускаться в сырой подвал, от охранника, стоящего впереди. Все вокруг было черным; все было черным черно. Охранники одеты в черное, стены грузовика, который привез его сюда, были черными, небо снаружи было черным и комната без окон, где они сейчас стояли, тоже черной. Застойный воздух был влажным и плотным, в помещении было невероятно жарко. Вонь от грязи, пота и не пойми еще чего обжигала ноздри мальчика и заставляла желудок сжиматься. Ноги застряли в липкой, грязной земле.

«Черт», — подумал ребенок, вспоминая слова охранника. Это было живое дыхание ада.

Затем охранник снова толкнул его вниз по крутой скользкой лестнице, вдоль которой горели тусклые факелы, прикрепленные к стенам. Стены были высокие, желто-коричневого цвета, а старый вентилятор скрипел где-то там и тщетно пытался охладить горячий воздух. Из подвесных труб на бетонный пол капала грязная сточная вода, крысы и другие паразиты роились у его ног.

Это место было гребаной дырой.

И снова тяжелая рука опустилась на спину мальчика, подталкивая его в узкий коридор. С каждым шагом, дыхание охранника все сильнее било по ушам. С каждым шагом, он чувствовал, как его сердце бешено бьется в груди, практически рая. С каждым шагом, ребенок все отчетливей слышал хриплый, неприятный звук, исходивший прямо с той стороны толстой, на вид железной, двери. Люди визжали и ржали, к тому же все это сопровождалось неповторимым лязгом металла о металл.

Глаза мальчика широко открылись, ноздри расширились от страха, когда он посмотрел на дверь. Все в этом месте кричало о том, что здесь явно не безопасно; на самом деле, при каждом новом повороте все, что он чувствовал, — это настоящий ужас.

Охранник остановил мальчика. Медленно и громко он дважды постучал в железную дверь. Каждый стук отдавался в груди, как в пушке. Открылся замок, зазвенели ключи и,

наконец, железная дверь приоткрылась.

Глаза ребенка расширились от недоумения, когда он рассмотрел присутствующих. В переполненном зале находились только мужчины, в нем не было ни одного свободного дюйма, потные тела толкали друг друга от одной стены к другой.

Мужчины пили водку, обменивали деньги, размахивали в волнении руками, как вдруг все они остановились и уставились прямо перед собой; их внимание привлекло что-то, находящееся впереди.

— Пацан, подвинься, — приказал охранник.

Мальчик передвинулся, но резко остановился, не желая переступить порог этого «ада». Ребенок не смог сдвинуться даже на миллиметр. Он застыл на месте, у него затряслись ноги и закружилась голова.

Охранник схватил ребенка за загривок на шее, заставив его вздрогнуть, и настойчиво потащил в толпе. Мужчины смерили его взглядом; одни с одобрением, другие, в большинстве, с пренебрежением. Постепенно окружающие ребенка стали превращаться в неясные очертания — увиденное им и ужасные запахи сыграли свое дело.

Мальчик почувствовал слабость во всем теле. Легкие горели даже от крошечных вздохов, от страха затряслись пальцы, но он встряхнул головой, выкинул неприятные мысли, и, вспомнив уроки отца, гордо вскинул голову, смело встречая каждый любопытный взгляд.

Когда толпа медленно, но все-таки разошлась, паренек на мгновение вздрогнул на месте от открывшегося перед глазами вида — на огромной площадке располагалась стальная клетка от пола до потолка, сверху обматываемая по периметру острой колючей проволокой. Какие-то движения происходили внутри. Крики боли и брызги крови исходили из клетки. Капли крови попали на грудь и лицо серой униформы. На этот раз он вообще забыл, как дышать. Мальчик замер, замер на месте от шока, металлический запах крови ворвался в нос.

Он не поверил своим глазам. Его мозг просто не мог переварить то, что мальчик увидел: боль, куски плоти, плачь, кровь... так много боли и крови.

Вдруг он ощутил гнилое дыхание возле своего уха. Ребенок вздрогнул и вдохнул тошнотворный запах несвежей пищи и едкого табачного дыма.

— Выпей это парень. То, что ты увидел в клетке, слишком для тебя.

Мальчик затаил дыхание насколько мог. Он резко выдохнул, подавляя желание закашлять или закричать.

Его с самого раннего возраста учили никогда не показывать свои эмоции. Отец наказал бы его, если бы он посмел пожаловаться, не говоря о том, чтобы заплакать. Ребенок взял себя в руки. Мальчик решил вести себя спокойно, серьезно и стойко.

Из клетки донесся громкий рев, потом звук удара, а затем рвоты. Когда большой зритель внезапно развернулся, улыбаясь от счастья, все стало ясно. Бойцы в клетке были дети... мальчишки, выглядевшие не старше, чем он сам.

И они боролись... насмерть...

Не веря глазам, ребенок метнулся к клетке. В клетке находились оружия всех видов: ножи, цепи, молотки, топоры. И это только малая часть.

Один из маленьких бойцов отшатнулся, схватившись за живот, а его противник кружил над ним как животное, безумные выпуклые глаза говорили о том, как он сосредоточен на своей жертве. Не сомневаясь, что он сильнейший из двух бойцов, нападающий еще сильнее обхватил нож с длинным лезвием. С него капала кровь.

Жертва, шатаясь, повернулась лицом к толпе и вцепилась руками в толстую сетку,

которая окружала клетку. Только тогда можно было увидеть, как из зияющей раны сочилась кровь и виднелись внутренние органы.

Мальчик боролся с тошнотой, наблюдая затем, как смертельно раненный боец, мучается в агонии. Желудок ребенка болезненно сжался, и вдруг его вырвало на уже грязный пол. Вытирая рот рукавом серой формы, мальчик выпрямился, только для того чтобы увидеть, как проигравший боец делает свои последние вдохи.

Толпа мужчин разразилась смесью криков успеха или стонами разочарования, пачки денег быстро сменяли своих хозяев. Бой окончился. Шум в подвале усилился, но люди были сосредоточены только на своих победах и игнорировали победителя в центре клетки.

Но мальчик не мог отвести взгляда. Его взгляд был прикован к бойцу, оставшемуся в живых.

Он наблюдал, как победитель, весь в крови и кишках соперника, упал на колени. У него не было сил. Глаза были красными, тело дрожало.

Мальчик видел, как победитель напрягся от гнева, откинул голову и закричал от боли, глядя на вытекающую кровь своей жертвы.

Он наблюдал, как победитель обронил свой окровавленный нож, как он перестал двигаться.

Ребенок встретился взглядом с победителем. Он уже знал, какое будущее его ожидает. В тот же миг гнилое дыхание коснулось щеки ребенка, и он услышал.

— Отныне тебя будут звать боец 818, и если ты хочешь жить, то знаешь, что надо сделать, чтобы выжить в этом аду.

И 818 сделал.

Спустя какое-то время 818 стал непобедимым.

818 стал смертью.

Чертовым.

Холодным, как лед.

Убийцей.

1 глава

Киса

Наши дни...

— Черт, мышка, ты такая чертовски тугая...

Сильные руки моего жениха прижимали меня к кровати, в то время как его член двигался во мне с невероятной силой. Его бедра держали меня на месте. Я попыталась двигаться. Уперлась руками ему в грудь, но он не сдвинулся с места даже на миллиметр.

Так всегда было, когда он брал меня — жестко, грубо, резко... я теряла контроль.

Голубые глаза Алика горели огнем, когда я сопротивлялась ему. Ему нравится мое сопротивление в постели. Он любит трахать. Мы никогда не занимаемся любовью. Просто трах — жесткий и так долго, как он может.

Правой рукой он обхватил мою шею, не слишком плотно, чтобы не задохнулась, но достаточно плотно, чтобы удержать меня на месте, после чего я вцепилась в его спину и плечи ухоженными ногтями с французским маникюром.

Я дернула бедрами, но он своими удержал меня, его член врезался в меня, затрагивая эрогенную зону и заставляя кричать от удовольствия. Алик усмехнулся моей неудачной попытке освободиться, его рот был в дюйме от моего лица.

— Только попробуй, мышка. Только попробуй избавиться от меня... Я, бл*дь, владею тобой, — прорычал он мне на ухо, и его член дернулся во мне, заставляя меня кричать и до крови кусать его плечо. Пальцы Алика сжали мое горло, чтобы стоны не были так слышны. Его дыхание участилось, челюсти напряглись, глаза впились в меня.

— Давай, мышка, кончай! — приказал он, врезаясь в меня еще три раза, почти рняя клитор. Когда я кончила, мышцы лона обхватили его так плотно, как только можно.

Я ненавидела, что он так хорошо знал мое тело. Ненавидела, что он знал, как получить меня, как заставить меня кричать. Когда я кончила, Алик понял это, как свидетельство моей любви к нему, а сейчас он мне еще раз показал, кто господин и какой властью обладает надо мной.

Рука двинулась с моего плеча и зарылась в волосах, Алик жестко дернул одну из длинных светло-каштановых прядей, закрыл глаза и открыл рот. Затем с оглушительным ревом стал жестко врезаться в мое лоно. Тело выгнулось дугой, когда мои твердые соски коснулись его рельефной, накачанной груди.

— Киса... бл*дь! — Алик застонал и медленно вонзился в последний раз. Он тяжело задышал, мышцы его большого тела напряглись.

Не отпуская шею и волосы, он прижался к моим губам, наши языки переплелись. Я, как всегда, стонала так, как хотел этого он, пока его член работал возле моего чувствительного клитора.

Алик отстранился, удовольствие отразилось на его лице.

— Мышка, тебе нравится, когда я трахаю твою киску?

Его рот опустился к моему уху, а язык лизнул мочку.

— Любишь, когда тебя трахают грубо? Любишь, когда я оставляю синяки?

Алик отпустил шею, только для того чтобы сжать мою грудь, потянув напряженный сосок. Я зашипела и закричала, отчего Алик улыбнулся.

— Я тоже люблю трахать тебя, мышка, — пробормотал он. Затем резко достал из меня еще жесткий член, оставив лежать меня на его широкой кровати в роскошной квартире в Бруклине. Я попыталась отдышаться и прийти в себя. Он пересек комнату, блистая своим совершенным телом, и взлохматил рукой темные волосы.

Алик схватил полотенце из шкафа и обернул его вокруг бедер. Я переместилась в постели и посмотрела на него.

Он так изменился с того момента как мы были детьми. Его тело, благодаря тому, что он стал борцом, было громоздким, кожа — слегка загорелой. Аристократическое, словно высеченное лицо, даже можно назвать красивым. Алик Дуров — человек, который решил присвоить меня себе, когда мы были просто парочкой детей Братвы, пытающихся пробраться через испытания и невзгоды грубой жизни мафии. Когда он был ребенком, я считала его не больше, чем просто другом, пока он не заставил меня взглянуть на него по-другому.

Мы выросли вместе. Наши отцы были двое из трех «Красных» королей Нью-Йоркской мафии. Мой отец, Кирилл Волков, или Пахан, Большой Босс, который управлял российской преступной организацией в Нью-Йорке. Отец Алика, Абрам Дуров, или коллектор, был вторым в этой иерархии. Его дело убивать и запугивать. Садистский, неумолимый и

жестокий...

Каков отец, таков и сын.

В течение многих лет Алик хотел меня. С детства он всегда хотел, чтобы я была рядом. Он всегда был агрессивным, первым начинал драки, все время попадал в беду. Он говорил мне, что слышит голоса в голове; голоса, которые говорят ему навредить людям, но, когда он со мной, то спокоен, голоса уходят.

Мне стало жаль Алика. И всегда было. Имея такого отца, как Абрам, кажется, что ты живешь с самим дьяволом. Но у меня был другой мальчик, которого я любила, обожала его... была рождена, чтобы любить его. Тогда трагедия забрала нас друг у друга. В течение нескольких дней Алик сделал свой ход и, в свою очередь, сделал меня своей.

С тех пор мы вместе.

Как принц и принцесса мафии для всего российского общества Нью-Йорка мы выглядели «идеальной» парой. У Алика не было другого выхода. Он одержим мной, контролирует каждый мой шаг. Я мышка — его маленькая мышка.

Я не смела искать другого. Алик убьет любого, кто встанет между нами. И это была ни угроза; это было то, что Алик сделал.

Он убил.

Он живет, чтобы убивать.

Я знала, что Алик, будучи бойцом, убивал за Братву, да и за пределами клетки тоже. Ему нравятся чужие страдания.

Алик Дуров — «Мясник» — был бесспорным пятикратным чемпионом Подземелья. В двадцать пять, почти двадцать шесть лет, он был самым опасным человеком в Нью-Йорке.

Я никогда не смогу покинуть его. Я не смога бы даже, если бы захотела. В жизни Братвы мужчины всегда были во главе, женщины же поступали так, как они этого хотели. Это было сутью жизни Братвы, и никто ничего не менял, она всех устраивала.

Сентиментальные чувства и понятия «истинной любви» не имеют значения в этой жизни. Это было общество, основанное на уважении и поддержке «семьи».

Алик посмотрел на меня, и его светлые глаза снова вспыхнули. Он погладил свой твердый член под красным полотенцем от Версаче. Медленно покачав головой, он разрывался между своим желанием и тем, что сейчас важнее.

— Мне нужно принять душ, мышка. Я должен быть на месте в десять. Серж приедет, чтобы отвезти тебя домой. Я не могу трахнуть тебя снова, даже если хочу. — Его взгляд смягчился. — Ты же знаешь, что я хочу тебя. Мне всегда будет этого мало, малышка.

— Значит, мы сегодня не поужинаем вместе? Ты ведь помнишь, какая сегодня дата? — нахмурившись, я осторожно спросила.

Я пыталась показать, что разочарована. Но все, что я чувствовала, — это облегчение. Облегчение, что Алику не придется жаловаться на то, что я что-то неправильно сделала, а последующий жесткий трах будет оправдан тем, что это мое наказание.

Он подошел ко мне и схватил меня за подбородок так, чтобы наши взгляды встретились.

— Есть дело, мышка.

— Где? И как долго? — спросил я, желая сразу все узнать.

Лицо Алика окаменело.

Хватка на моем подбородке усилилась, и я поняла, что перешла грань. Моя челюсть заболела, и я вздрогнула от тупой боли и давления.

— Бизнес есть бизнес. Он занимает много времени. Нужно — значит нужно, — сказал

Алик и от досады покачал головой.

Я опустила глаза в слепом подчинении и кивнула, что все поняла, он подавлял меня своей непоколебимой волей. Алик протяжно вздохнул. Затем впился в мои губы, легонько прикусывая их и вырывая у меня стон. Секундой позже он разорвал поцелуй.

— Бл*дь! Я не могу злиться на тебя, мышка. Ты так чертовски красива.

Я осторожно подняла дрожащую руку и погладила покрытую щетиной щеку.

— Я люблю тебя, Алик, — прошептала я сквозь слезы.

Он все, что у меня было. Мое единственное будущее. И я люблю его в некоторой степени... он был мне нужен. Я хотела кому-нибудь принадлежать и хотела, чтобы меня любили. Взгляд Алика немного смягчился. Он не мог показать мне свою слабость. Но я знала, что он любил слышать эти три слова из моих уст. Они успокоили монстра внутри него.

Еще один жесткий поцелуй в губы, потом он встал и пошел в ванную. Сердце забилося, нервы были на пределе, и я спросила:

— Можно мне пойти сегодня с отцом Хрущевым раздавать милостыню? Он распределяет гуманитарную помощь бездомным.

Алик остановился, а потом повернулся, чтобы посмотреть на меня и со снисходительной ухмылкой на лице пошутил:

— Ступай, моя хорошая маленькая мышка. Иди служить Богу! Иди спасать отбросов на улицах.

Его снисходительный смех продолжал слышаться из ванной, но я проигнорировала унижение и решила воспользоваться этим коротким разрешением. Я ощущала себя... нормально.

В церковь мой отец и жених не посылали своих людей, чтобы шпионить за мной. Никто не посмеет поднять на меня руку в священной церкви. Это было единственное место, где я чувствовала себя по-настоящему свободной. Здесь я могла жить спокойно со своим прошлым и воспоминаниями, которые мне дороги.

Поднявшись с огромной кровати, я посмотрела на свое отражение в богатом позолоченном зеркале. Я с трудом узнала девочку передо мной. Она заблудилась где-то на протяжении многих лет, скрываясь ото всех и спасая свою жизнь. Ее голубые глаза были мертвы, обычно загорелая кожа стала бледной, а некогда длинные светло-русые волосы потускнели.

Я тень той девочки, что когда-то была.

Небольшие синяки уже были видны на шее. Значит, придется носить водолазки с высоким горлом, хотя сейчас лето. С подросткового возраста водолазки стали главными вещами в моем гардеробе. Слишком рано я узнала о сексуальных пристрастиях Алика.

Быстро переодевшись, я провела руками по волосам, убедившись, что все нормально. Алику не понравится, если я не буду выглядеть идеально. Перейдя в гостиную, я села на старинное кресло времен революции, принадлежавшее бабушке Алика. Я ждала, чтобы покорно попроситься.

Осмотрела роскошную мебель XX века. Это место просто кричало о статусе и богатстве. Мой желудок сжался в страхе. В свое время, через год, это место станет моим домом. Я буду королевой этого пентхауса, это золотая клетка станет моей тюрьмой. Конвенция Братвы сказала, что мы не можем жить вместе, пока не женаты. Все это шло от Отца нашей Русской православной церкви. Я каждый день благодарю за это Бога.

Мой отец одобрил брак. Он подходит нашему образу жизни. Он не видел плохую сторону Алика, и даже если видел, то предпочитал не замечать. Он видел только сильного и безжалостного человека. Алик был под стать своему отцу. Моему отцу важно только то, чтобы он доказал, что достоин быть в Братве. Ведь он должен взять бразды правления и быть хорошим лидером. Моя мама умерла, когда мне было пятнадцать. Мой папа сломался, но Алик стал моей поддержкой, мальчиком, который заботился обо мне, когда все ушли в ад. Папа любил его за это.

Я вернулась к мысли, что еще год у меня будут мимолетные моменты свободы, прежде чем я стану идеальной женой единственного наследника Братвы. Алик, в скором времени, будет контролировать весь российский преступный андеграунд, ведь к этой должности он готовился всю жизнь.

Мимолетом отметила, что вода больше не шумит, и это значит, что не пройдет и минуты, как Алик выйдет в гостиную искать меня.

Его напряженное лицо расслабилось, когда он увидел, что я покорно ожидаю его, сидя в кресле бабушки. Алик наклонил голову и прищурил глаза.

— На минуту я подумал, что ты ушла, не получив при этом моего разрешения и тем самым бросила мне вызов, мышка... На минуту я подумал, что ты потеряла последние мозги.

Встав с места, я улыбнулась и подошла к нему. Мой палец медленно скользил вниз по его груди.

— Никогда, малыш, — я чуть ли не мурлыкала, чтобы успокоить его. — Я никогда не брошу тебе вызов, никогда не бросала и вообще не собираюсь этого делать.

Алик обнял меня за талию и притянул к влажной груди, так сильно, что я не могла дышать. Он крепко держал меня за волосы, не давая возможности двигаться.

— Ты станешь идеальной женой, Киса. Я давно хотел тебя в своей постели, хотел спать с тобой рядом. Чертовски давно. Я ненавижу, когда приходится каждую ночь возвращать тебя обратно отцу, не имея возможности трахать тебя в течение нескольких часов, привязать тебя к кровати, заставлять кричать, не иметь возможности подчинить тебя... и опять трахать, пока ты не сможешь ходить. Я хочу полностью обладать тобой, чтобы освободить тебя от власти Пахана и полностью контролировать тебя... все время.

— Скоро, малыш, — успокоила я.

Алик ослабил хватку и отпустил мои волосы, его напряженные голубые глаза на секунду смягчились.

— Да, — ответил он, сильно хлопнув по заднице, оставляя новые синяки, и собственнически поцеловал в опухшие губы.

Затем Алик разорвал объятия. Уже на пути в спальню он крикнул через плечо:

— Серж внизу. Он отвезет тебя в церковь.

Я расслабилась, но замерла, когда он приказал:

— Только сначала переоденься. Ты не можешь ходить в таком виде. Я выйду из себя, если ты ослушаешься!

— Не буду. Я люблю тебя, малыш. Всегда, — быстро выпалила я.

Алик расслабился.

Он повернулся, скинул подбородок, насмешливо ухмыльнулся и сказал:

— Мышка, я тоже тебя люблю.

Мои плечи опустились от облегчения. Он поверил в спектакль с привязанностью. Успокоился. Именно в эти сентиментальные моменты, можно было увидеть капельку

человечности в Алике. Это были заветные моменты. Будучи ребенком, Алик был встревоженным, часто сердился и любил причинить боль другим; он часто заставлял других детей страдать. Абрам воспитал его таким. Я понимала, люди Братвы не могут быть другими. Но годы боев и убийств в Подземелье ожесточили Алика. Его темная сторона уверенно заслонила свет, который в нем остался. В той жизни, что ведет Братва, нет другого пути. Тем не менее, я хотела, чтобы его светлая сторона показывала себя чаще.

Это было глупо для меня, а для других — непонятно. Но я любила Алика по-своему, насколько позволяет мое раненое сердце. Я хотела, чтобы у него был свой мирок. Он так страдал... я хотела облегчить его жизнь.

Потерявшись в красивой улыбке Алика, мое сердце взлетало на волнах надежды, я так хотела видеть в нем хоть что-то хорошее, что я, наконец, достучалась до него, но мои мечты быстро разбивались вдребезги, когда он показывал свою жестокость.

Безумное желание Алика обладать мной вышло на первый план, и он предупредил меня: — Ты должна мне будешь сказать, если с тобой сегодня вечером кто-то заговорит или посмотрит в твою сторону. Я буду действовать соответствующим образом. Ни с кем не разговаривай... только с Отцом Хрущевым. Не хочу, чтобы моя женщина выглядела как шлюха.

Я покорно кивнула. Его глаза сузились, когда он посмотрел на мое тело.

— Носи то, что скрывает твою фигуру, всю тебя. Я не хочу кого-нибудь убить, только, если он посмотрит на твои сиськи. Не забывай об этих вещах, мышка. Когда ты станешь моей женой, когда я буду владеть тобой полностью, не будет никаких ошибок. Ты станешь такой, какой я захочу тебя видеть и будешь примером для всех жен Братвы.

— Хорошо, малыш, — прошептала я с трепетом.

Алик прикусил нижнюю губу, глаза потемнели, его выпуклый член приподнял полотенце.

— Убирайся отсюда, Киса, прежде чем я не послал на хрен все дела и твой папа еще более не обозлился на меня за опоздание.

С этого разрешения я развернулась и побежал вниз по лестнице, где меня ожидал черный Lincoln Navigator. Серж, мой водитель и моего папы, был самым надежным из Быков, мой телохранитель. Он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и вежливо спросил:

— Куда, мисс Волкова?

Я любила Сержа. Он был мне как дядя: возил куда нужно и одновременно защищал. Он никогда не был женат и не имел детей. Я думаю, что он считает меня в некотором роде дочерью. Могу рассказать ему любой секрет, и уверена, что его не узнает ни одна живая душа. Ему уже за семьдесят, но я знала, что он будет с моим папой, пока он не умрет.

— Сначала домой, а затем в церковь, пожалуйста, — ответила я.

Серж долго смотрел на меня в упор в зеркало заднего вида. Он был обеспокоен. Конечно, он не посмеет сказать что-либо вслух, но я знала, что он не любил Алика. Он знал, что я беспокоюсь о своем долге, судьбе и жизни, будучи женой Алика. Его молчаливый страх за меня, казалось, рос каждый день.

Засунув куда подальше свое беспокойство, Серж бесшумно поехал по улицам Бруклина. Я наблюдала за яркими огнями через темное окно.

По крайней мере, сегодня, в церкви я могу получить на несколько часов столь желанную свободу.

Киса

— Киса, ты будешь раздавать пакеты с едой на улицах, хорошо?

Я с энтузиазмом улыбнулась Отцу Хрущеву, но внутри все сжалось. Ненавидела раздачу пищи на улицах, предпочитая обслуживать в безопасной близости от грузовика. На улице было слишком влажно. Я не любила ходить по темным переулкам и узким улочкам Бруклина — они были забиты бездомными, не у всех из них были хорошие намерения.

Грузовик с едой, наконец, остановился, и я подошла к Павлу: седому, маленькому, толстому человеку из нашей церкви.

— Похоже, мы сегодня вечером будем одни, Паш.

Бледный, с морщинами на лице, Павел мне тепло улыбнулся.

— Господь отблагодарит тебя, Киса. Ты делаешь богоугодную работу. Это почетное дело. Хорошее дело для тебя.

Я боролась с желанием закатить глаза и сказать ему, что моя жизнь и так полное дерьмо, и я не думаю, что Богу есть дело до меня. Вместо этого я кивнула. Пусть думает, что я согласна. Павел подчеркнул слова «хорошо» и «почетный» из-за моего папы. Слово «хорошо» и Кирилл Волков — «Глушитель» — как правило, не совместимы. Павел давно находился среди нас, часто был свидетелем разборок Братвы и Пахан с врагами.

Но как бы люди не боялись отца, я любила его и хотела всего лучшего для него. Я ходила в церковь и раздавала милостыню, потому что:

(а) мой папа приказал мне успокоить Отца Хрущева (он вечно беспокоится о жестокости бизнеса и его влиянии на наши души);

(б) если Бог есть, то мне надо делать побольше добрых дел, чтобы мне было что предоставить Ему в судный день. По моим расчетам, сейчас наши весы крайне несбалансированные, и чаша наклонилась в сторону плохих дел, а, значит, мы все будем прокляты и станем гореть в пламени ада.

Зовите меня оптимисткой, ведь я надеялась, что эти маленькие еженедельные добрые поступки отдалят нас от звания «вечных грешников». Кроме того, мне действительно нравилось помогать нуждающимся. Плюс я была избавлена от надзора головорезов моего папы, либо Алика, которые следят за мной двадцать четыре часа семь дней в неделю. И еще, когда я занимаюсь благотворительностью, она напоминает мне, что, может, я и живу в «тюрьме», у меня всегда была еда, я жила в лучших домах, носила лучшую одежду... Я имею все материальные блага, и мне нравилось ощущение того, что я могу изменить к лучшему чью-то жизнь.

— Итак, мы можем начинать, — подал знак Отец Хрущев.

Все волонтеры начали расстегивать свои ремни безопасности. Вздохнув, я расстегнула ремень, посмотрела на свою тонкую водолазку и свободные брюки. Встав, подошла к задней части грузовика. Отец Хрущев передал мне мою первую часть пакетов помощи и улыбнулся в знак благодарности.

— Держитесь сегодня рядом со своей группой, Киса. Опасные люди приходят, когда город наполняется подобными благими намерениями.

Подарив ответную улыбку, я повернулась и подалась подальше от машины в кипящую летнюю ночь.

Первый грузовик уже разгрузили, и моя лучшая подруга, Талия, подошла ко мне. Единственная дочь третьего босса мафии — Ивана Толстого. Она шла в мою сторону, высокая, со светлыми волосами и ярко-кариими глазами. Смех пробрал меня, когда я увидела, что она идет ко мне на своих четырехдюймовых каблуках. Даже раздача колбасы и одеял бездомным не стала поводом для отказа обуть кожаные сапоги от «Гуччи».

— Киса! Я думала, что ты сегодня с Аликом выходишь в свет. Или он отпустил тебя на время со своего короткого повадка?

Я проигнорировала стервозный комментарий Талии, пытаясь казаться беспечной.

— Папа вызвал его по делу, а я решила приехать сюда. Отец Хрущев спросил меня, могу ли я приехать в церковь в воскресенье, чтобы помочь. — Я указала на пакеты помощи в моих руках. — И вот я здесь.

Взгляд Талии смягчился, она притянула меня к груди, осторожно, чтобы не раздавить узелок с едой и одеялами. Я вздрогнула, когда ее плечо коснулось большого синяка на моей руке, оставшегося с прошлой недели, когда я не угодила Алику. Я говорила с деловым партнером своего отца «слишком долго», и он выговаривал мне, держа в тисках и говоря грубые резкие слова на ухо о том, как он «недоволен». Но я сдержалась: приняла боль и смолчала. Мне дорога моя жизнь.

Когда Талия отстранилась, то посмотрела на меня скептическим взглядом и спросила:

— Ты в порядке, Киса? Мне кажется, что ты где-то летаешь, пока я говорю об Алике. Это предсвадебный мандраж? Или что-то большее? И какого черта ты так одета? Жара такая! — ее карие глаза просканировали мой наряд.

Я улыбнулась во все тридцать два и взмахнула рукой.

— Мне холодно, поэтому я так одета. Мне кажется, что у меня грипп или что-то еще. Кстати, Талия, это благотворительность, а не показ мод. И я в порядке, просто грустно, что эту ночь проведу без Алика. Вместо этого, я снова здесь... — я закатила глаза. — Стараюсь загладить грехи своей семьи.

Талия еще долго пристально смотрела на меня, а потом взяла за руки.

— Нашей семьи! Ну хорошо, давай сделаем вот что: мы пойдем в бар и напьемся! Отец Хрущев отправил меня в другую команду. Он знает, что мы слишком много болтаем и пренебрегаем нашими обязанностями, если находимся вместе. Сделай все быстро. Встретимся здесь. Мне срочно нужно выпить!

— Посмотрим, — ответила я, зная, что нужно сделать, чтобы отделаться от приглашения. Алик сходит с ума, если думает, что я была в баре. Ему все кажется, будто я ищу себе мужчин. И Талия. Алик ненавидел ее, считая, что она на самом деле шлюха. Он ненавидит, когда ее брат находится рядом со мной, ненавидит, что она продолжает говорить о нем. Последнее, что нужно Братве и моему папе, это чтобы он кого-нибудь убил. Если ярость Алика вырвется наружу, его не остановить, но мой отец держит судебную систему под контролем, чтобы не было неприятностей. Павел позвал меня и я, не забыв напоследок послать Талии воздушный поцелуй, ускорила шаг, чтобы присоединиться к группе добровольцев по спасению заблудших душ.

***

— Да благословит тебя Бог, дитя... Да благословит тебя Бог... Ты всегда так заботишься обо мне.

Я улыбнулась старику, когда он засунул голову в свой пакет, вытащил плотно завернутый в пищевую пленку бутерброд с ветчиной, после чего стал есть его. Он жил тут на протяжении многих лет. Нет, исправила я себя, по меньшей мере, те три года, что я служу в церкви. Павел сказал, что вроде бы старик жил на этом месте три года. Он всегда прятался здесь, в этом маленьком переулке, как испуганная мышь, которая боится оставить свою нору. Я отошла от своей группы, чтобы отдать ему пакет. Что-то в этом старике стимулировало меня на то, чтобы спасти его. Он всегда выглядел так... бедно, так грустно.

Какая-то связь.

— Киса? Киса, ты где? — далекий голос привлек мое внимание.

Я сразу узнала его. Он принадлежал Павлу.

Посмотрев на старика, я улыбнулась, когда заметила, что он был завернут в теплые одеяла и завален массой коробок, скрывавших его из поля зрения.

— Киса? — прикрыв глаза, я застонала, когда безумный голос Талии присоединился к Павлу.

Отлично.

Взглянув в сторону места сбора волонтеров в конце длинного переулка, я только решила присоединиться к ним, как вдруг, грязный, бородатый мужчина вышел из темноты и преднамеренно толкнул меня на грязный холодный асфальт.

Не имея ни единой возможности закричать, я ударилась об землю, поцарапав ладони. Потом он навалился мне на спину и попытался вырвать сумочку. От него пахло алкоголем и грязным телом. Я попыталась сдержать рвоту. Он точно не один из тех бездомных, которые часто посещают эту аллею. И он не имел ни малейшего понятия, чью дочь он трогал!

— Нет! Отстань от меня! Помогите! — я пыталась кричать, но тяжесть тела приглушила звуки в пустом переулке. Волонтеры не видели меня, слишком далеко и темно. Нападавший продолжал удерживать меня, заставляя посмотреть на него. Я попыталась освободить свою руку из-под его живота, чтобы вытащить кошелек, но рука была обездвижена.

Я резко замерла, когда почувствовала острое лезвие на своей шее.

— Руку на кошелек, сука, или я перережу тебе горло, — приказал низкий голос, но я не смогла освободить руку. Страх переполнял меня.

Лезвие ножа ползло все дальше, и я закрыла глаза, ожидая худшего. Вдруг мне послышался глубокий рев, и моего нападавшего оттащили от меня. Где-то там я услышала вопль и хруст, раздающийся на мили вокруг.

Я отчаянно поползла вперед, чтобы избежать шума, поднялась на колени и повернулась задницей... и сразу же перестала дышать от того, что увидела.

Злоумышленник был прижат к стене, а огромный человек в капюшоне бил его в живот кулаками. Я не могла оторвать глаз от увиденной картины. Человек в капюшоне был неумолим, каждый удар наносился с точностью, грудь вздымалась от волнения, ноги раскачивались из стороны в сторону, как будто он наслаждался тем, что делал. Он наслаждался боем... Получал удовольствие от насилия...

Это те же самые признаки, которые я видела, наблюдая за Аликом, когда он дрался в клетке. Подходя к стенке переулка на дрожащих ногах, я споткнулась о кирпич. Подняв голову, чтобы посмотреть на человека в капюшоне, который теперь держал руки на челюсти нападавшего.

Когда я поняла, что он собирается делать, я рванулась вперед и крикнула:

— Нет!

Резкий рывок больших рук, хруст, безжизненное тело нападающего упало на землю у моих ног со сломанной шеей.

Я смотрела на неподвижное тело. Смерть обычно не беспокоила меня. Я видела много мертвых тел в своей жизни, больше, чем большинство гробовщиков видят за свою карьеру, но легкость, с которой человек в капюшоне убил, наполнила меня чувством страха и трепетом. Было очевидно, что он уже убивал; первое убийство не может быть таким гладким.

Я посмотрела на убийцу в капюшоне, который по-прежнему выглядел устрашающе. Он взглянул на свою жертву, сжимая кулаки по бокам, его рельефная грудь ритмично поднималась и опускалась под толстовкой, которая обрисовывала каждый мускул накачанного тела.

Он стоял рядом со мной. Так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от него волнами. Я тяжело дышала, желая свалить отсюда подальше. Но не смогла двинуться с места, оказавшись под влиянием восхитительного ощущения, когда я смотрела на него, грозно маячившего передо мной.

Он сделал шаг вперед — мое тело напряглось в ожидании.

Еще один шаг.

Моя спина ударилась о стену, когда я в страхе отодвинулась.

Человек в капюшоне сделал последний шаг, наши тела почти соприкоснулись.

Я широко открыла глаза и посмотрела на темную фигуру в капюшоне. Дыхание участилось от его непосредственной близости. Человек в капюшоне не двигался, просто стоял, как статуя.

Он был огромен, широкий и высокий. Из-за капюшона мне открылся вид только на нижнюю часть его лица — полные губы, волевой подбородок, покрытый щетиной... обнаженная верхняя часть его широкой груди, демонического вида татуировки, покрывающие его красиво обрисованные рельефные грудные мышцы.

Незнакомец наклонил голову в бок, из-за чего еще большая часть лица скрылась в тени. Мое сердце забилось сильнее, я хотела увидеть его лицо полностью, но капюшон висел слишком низко, прикрывая глаза.

Я заметила, как мужчина прикусил зубами нижнюю губу. Собрав последние капли храбрости и действуя вопреки приказу Алика, я осторожно вышла вперед и выпалила:

— Вы... вы спасли меня.

Мои руки и ноги дрожали, голос был слабым, но каким бы опасным и жестоким он не казался, мой страх ослабевал. Казалось, он хотел изучить меня, быть ближе ко мне.

Челюсть человека в капюшоне сжалась, а его голова наклонилась в сторону, он как будто обдумывал то, что я сказала. Я не могла оторвать от него глаз, у него была животная, дикая аура, но при этом он казался каким-то... другим. Я не могла этого объяснить.

Когда я медленно подошла ближе, его аромат ворвался в нос. Он был опьяняющим, запах свежего луга, как, если бы он был на открытом воздухе в течение нескольких месяцев, запах первого снегопада, выпавшего на холодную траву в Центральном парке. Но зловоние в аллее перебило замечательный аромат, вызывая дрожь на спине.

— Как... как вас зовут? — спросила я, голос постепенно набирал силу.

Человек в капюшоне вдруг выпрямился, как если бы его ударило током. В первый раз я услышала его тяжелое дыхание в тихом переулке. Он задыхался, вдыхая воздух в грудь. Он волновался из-за моего вопроса. Незнакомец сделал шаг назад, потом еще, и еще, пока не

переступил тело нападавшего. Я подалась вперед, вдруг сообразив, что он ни разу не снял капюшон. Его голова всегда была опущена. Он не собирался показывать свои глаза.

Человек в капюшоне наклонился и перевернул труп нападающего ногой. Он пнул тело в темный угол переулка, как будто это пустая пивная банка. Потом начал отступать.

Мое сердце сжалось, и я выкинула руку вперед, знаком показывая, чтобы он остановился.

— Нет! Пожалуйста, я просто хочу поблагодарить вас за спасение. Этот человек... Я думаю, что он собирался убить меня. Вы спасли мою жизнь...

Но мои слова не имели никакого эффекта. Человек в капюшоне отступил, сжав кулаки еще раз. Затем бросился прочь к противоположной стороне переулка.

— Подождите! — я пронзительно крикнула, но все, что я увидела, как его темное одеяние исчезает в тени.

Чья-то холодная рука вдруг схватила мою. Я в ужасе закричала и обернулась, но увидела лишь Талию. Ее лицо было бледным, а карие глаза широко открыты.

— Киса... что, черт возьми, только что произошло? — прошептала она, ее голос повысился на октаву.

Шок от случившегося прошел, наступила реакция, слезы закапали из моих глаз.

— На меня... на меня напали...

Я заплакала, и Талия крепко обняла меня.

— Черт! Что за человек убежал отсюда?

— Я не знаю. Но он спас мне жизнь.

Я отстранилась и посмотрела на Талию.

— Он у-убил этого человека, чтобы спасти мою жизнь.

— Черт! — снова прошипела Талия. — Я позвоню человеку отца, он придет и разберется с телом.

Это остановило слезы.

— Он расскажет моему отцу или Алику. Они сойдут с ума, если узнают, что я оторвалась от группы, чтобы идти одной.

Талия посмотрела на меня, как на сумасшедшую, но неохотно кивнула.

— Хорошо. Я знаю, буду держать язык за зубами. Я не скажу им, что ты имеешь к телу какое-то отношение.

— Спасибо, — сказала я с облегчением.

Талия погладила меня по спутанным волосам.

— Мы можем идти? Ты в порядке?

— Просто шок, — ответила я. — Я буду в порядке, Тал. Просто не хочу, чтобы папа или Алик об этом узнали.

В течение нескольких секунд Талия тащила меня по переулку прочь от той сцены.

Бросив последний взгляд на мужчину, я позволила Талии привести меня обратно к грузовику, но все мои мысли были об убитом на аллее мужчине.

Отец Хрущев увидел мое приближение и покачал головой в осуждении. У грузовика стояли волонтеры, явно злясь на меня из-за опоздания. Ни на кого не глядя, я плюхнулась на освободившееся место у окна, приложив горячий лоб к стеклу. Талия села рядом со мной и схватила мою руку в молчаливой поддержке, но я продолжала смотреть в окно, даже когда грузовик медленно поехал.

Я лениво наблюдала за рядами бездомных мужчин и женщин, притаившихся в

самодельных укрытиях на ночь. Я содрогнулась при мысли о том, что недавно произошло, мне очень хотелось домой.

Мое сердце сжалось от сочувствия к бездомным и их несчастной доли. Затем я краем глаза увидела большую, нет, огромную темную фигуру, сидящую в конце захудалой улицы. Огромная темная фигура, одетая в спортивный серый свитер с капюшоном, сидела со скрещенными ногами, потупив голову. Огромная, темно-мужская фигура сжимала в руках большую стеклянную банку. Грузовик стал заворачивать, и я в смятении положила руки на стекло. Я стала глазами искать его, хотелось рассмотреть лицо. Прохожий, который шел мимо, кинул пару бумажных купюр в банку.

Я застыла от понимания.

Человек, который спас меня... Человек, который только что спас мне жизнь был... бездомным?

Человек, который боролся, как животное, освободившееся из клетки, убийца... просил денег на улице?

Я обязана своим спасением таинственному бездомному на улице.

Бездомному, который сражался, как убийца.

3 глава

818

Месяц назад...

Выстрелы.

Ранения.

Крики.

Выстрел за выстрелом, крики — все это я слышал, вышагивая по небольшому пространству своей сырой камеры. Надо мной была давка, топот сотен ног; заключенные на свободе, а я оказался в ловушке этой чертовой клетки!

Мне нужно выйти отсюда. Я должен выйти! Я кричал об этом в мыслях, проводя рукой по металлической решетке, удерживающей меня внутри.

Атакуя дверь своей клетки, я врезался правым плечом в металл. Она даже не шелохнулась. Плотно обхватив решетку на «окне», я посмотрел в тускло освещенный коридор, мерцающие в нем тусклые лампочки покачивались назад и вперед из-за тяжелых шагов наверху. Этот уровень тюрьмы, известный среди заключенных как ГУЛАГ, отведен для нас, наиболее ценных чемпионов. Чертовы киллеры, убийцы, монстры, не созданные для чего-то другого, кроме как чувствовать гнев и проливать кровь. Нас держали в тюрьме этого чертового ада, без единой возможности на спасение. Клетки, где нас держали, находились слишком далеко друг от друга, чтобы мы не могли видеть другого бойца, за исключением случаев, когда мы тренировались.

Дыхание стало неровным. С ревом разочарования я с силой вцепился в стальные стержни, пытаясь их вытащить. Мои выпуклые, созданные наркотиками мышцы, с усилием напряглись. Я снова заорал, когда стержни отказались сдвинуться с места.

Звук выстрела напомнил, что мне сегодня предстоит бороться, бороться с кем-то другим, таким же, как я. Я не чувствовал ничего, кроме гнева. Мне нужно убивать, это

единственный способ остановить ярость.

Мне показалось, что первый выстрел был произведен около тридцати секунд назад. Не уверен, насколько это точно, время здесь не имело значения.

Я слышал, как кричали другие бойцы, которые были свободны, слышал скрип открытых дверей камер, вопли умирающих мужчин.

Я был чертовски разгневан.

Хотел крови.

И мне необходимо убивать!

Моя кровь закипела, подготавливая для борьбы со смертью. Чтобы я мог сделать то, что делаю лучше всего: калечить людей, резать... убивать.

Взревев, я выпустил стальные стержни и снова зашагал по клетке. Мои глаза, даже в темноте, были сосредоточены на стене и имени, выгравированном на ней.

Алик Дуров.

Под ним был адрес: Бруклин, Нью-Йорк.

Ниже, цель: Месть.

В самом конце была команда: Убить.

У меня не было никаких воспоминаний о жизни до того, как я попал сюда. Не знаю, была ли она у меня. Мой мозг блокировал все, кроме необходимости убивать, стирая любые знания, кто я, где я жил, и почему оказался в этом дерьме. Но одно было ясно. Я написал это имя, этот адрес, эту цель и эту команду. Когда я смотрел на буквы, вырезанные на стене прямо передо мной, то ощущал гнев каждой клеточкой своего тела. К тому же я, без сомнения, знал, что должен сделать то, что говорила надпись.

Но в первую очередь мне нужно выбраться отсюда.

Звук хлопнувшей двери эхом пронесся по коридору. Я бросился к решетке, чтобы увидеть, что, нахрен, происходит. Мне до чесотки хотелось выбраться отсюда и вступить в борьбу, чтобы отомстить.

Звук открывающейся двери заставил сердце биться быстрее. Руки сильнее сжали решетку.

— Вытащи меня! — сказал я, услышав тяжелые шаги, приближающиеся к моей камере. Прижавшись щекой к холодному металлу, я подвинулся, чтобы увидеть, кто идет. От напряжения раны на руках открылись, пошла кровь.

— Иди! Иди! — приказал мужской голос пленнику, и я услышал, как человек побежал. — Они нас одолели. Иди к восточным воротам.

Они нас одолели. Услышав эти, сказанные вслух слова, я вышел из себя. Огонь разлился по венам огненной волной. Подбежав к задней части камеры, я с силой бросился на дверь, вывихнув плечо.

Воспользовавшись правой рукой, вправил его.

— ВЫТАЩИ МЕНЯ ОТСЮДА! — рявкнул я. Мой голос звучал резко, как бритва.

Свет в камере постепенно погас, погружая меня во тьму, но это не имело значения. Я слышал все, что мне надо. Глухой стук по каменному полу подбирался ко мне. Мой рев и проклятия усилились.

Вдруг шаги остановились, и я смог услышать звук тяжелого дыхания около моей камеры.

— Выпустите. Меня. Отсюда, — предупредил я, ощущая с правой стороны нервное движение.

Двое мужчин.

Они со страхом смотрели на меня

— Это он, — прошептал один из них, и я в ярости сжал челюсти. — 818.

— Я не повторяю дважды. Выпустите меня, на хрен, или когда я найду вас, вырву вам позвоночник, — пригрозил я низким голосом, в то время как решетка задрожала сильнее.

Мужчины по-прежнему не двигались. Я чувствовал их страх, это бесило меня еще больше.

— Вытащите его! — приказал голос сзади. Внезапно я увидел знакомое лицо — 362 — мой главный соперник, но человек, которого я и многие другие уважали.

362 схватил ключ и открыл дверь. Его широкая грудь была голой, черные спортивные штаны обхватывали ноги, а длинные черные волосы висели за спиной. Он распахнул дверь, и я встретился с ним лицом к лицу. Его карие глаза впились в мои, при этом моя грудь тяжело вздымалась из-за перенесенного адреналина. Затем он ухмыльнулся и, смеясь, похлопал меня по руке. Покачав головой, я смерил взглядом двух мужчин, которые преградили мне путь, и улыбнулся. Я мог бы убить этих двух слабаков за секунды. Они бы не успели моргнуть, как я бы сломал им шеи.

Запах мочи ворвался в ноздри, когда двое мужчин, как статуи, посмотрели на меня. Напряженность момента была разрушена, когда наверху прозвучал выстрел.

362 обернулся.

— Мы пойдем через восточные ворота. Охранники были убиты, но они отправят в ближайшее время других. Мы последние, остальные уже ушли. Никто из ублюдков не пришел к нам, кроме этих двоих. Они понятия не имели, кто мы.

362 побежал по лестнице обратно наверх, оставив меня потрясенным у камеры. Я посмотрел на невидимую линию, которая отделяла меня от коридора, когда взглянул вниз, то увидел, что мои руки дрожали.

Они тряслись...

Я никогда раньше не покидал свою камеру по собственному желанию, никогда не был за пределами этой комнаты, если только не дрался, подвергался пыткам или ходил из одной комнаты в другую.

Я провел рукой вдоль всего тела по многочисленным шрамам, доставшимся мне от пыток. Я все еще чувствую боль, которую мне причиняли, если я пытался вспомнить прошлое. Охранники металлическими прутьями наносили удары до тех пор, пока я не терял сознание. Каждый раз, когда пытался вспомнить что-нибудь из своего прошлого, я ощущал боль, которая бушевала во мне.

Услышав крики наверху, мои кулаки сжались, я вернулся обратно в камеру, срывая с крючка на стене свой кастет. Наклонившись к баку с грязью, окунул в него два пальца и провел две грязные, черные полосы под глазами. Я всегда скрывал их. Не знаю почему, но я всегда это делал. Охранникам нравилось, думая, что это делало меня более порочным и приносили грязь. Они говорили, что так я напоминаю им больше животное, чем человека.

Пробежав взглядом по своему оружию, я провел пальцами по резной надписи на стене и прочитал свою мантру.

Алик Дуров.

Бруклин, Нью-Йорк.

Мечь.

Убить.

Услышав на лестнице знакомый звук тяжелых шагов охранников, я набросил капюшон кофты на голову, засучил рукава, чтобы было легче драться и, стиснув зубы, побежал в полную силу, атакуя трех охранников, перекрывших мне дорогу.

Годы жизни в клетке, борьба насмерть ради развлечений больных ублюдков — мои удары были быстры и эффективны. Я — чемпион. Я — лучший, поэтому на меня всегда ставили... Я — машина... Я — смерть.

Кастетом продырявил грудь первому охраннику, а видимые теперь его сердце и легкие, были гарантией скорой смерти. Удар по голове второму — безжизненное тело упало на землю. Третий охранник ломанулся обратно, когда узнал меня. Он должен умереть. Этот ублюдок все время бил меня и пытал. Теперь моя очередь.

Он пробежал только четыре шага, когда я схватил его за плечи, подставил подножку и наклонял его тело назад до тех пор, пока позвоночник не разломился надвое. Бросив труп, я пролетел семь лестничных пролетов, даже не запыхавшись.

Мечь.

Убить.

Мечь.

Убить.

Алик Дуров.

Бруклин, Нью-Йорк.

Убить.

Эти слова занимали все мои мысли, пока я передвигался по узким коридорам, избегая тел под ногами. Впереди бежали другие бойцы разных возрастов... и маленькие дети, только что привезенные в этот ад. Вместе с другими я вырвался наружу, легкие горели, мне едва удалось справиться с незнакомым ощущением свежего воздуха. Ветер хлестал по лицу, кислород наполнил мои легкие.

Свежий воздух.

Я не был на улице... Я не знаю, как долго. Годы. Годы в клетке без проблеска дневного света, вдыхая застойный воздух из смеси сырости, плесени и крови....

И смерти.

Смерть имела неповторимый запах, неповторимый вкус. Я вдыхал его день и ночь так долго, что теперь на чистом воздухе мне было тяжело дышать.

Видя, что другие бойцы собираются бежать через восточные ворота, охранник расставил руки, пытаясь их задержать, и лишился жизни, получив ножевое ранение в живот. Глаза 362 кровожадно блеснули, с его сая (прим. перев. вид оружия) капала кровь.

362 подошел ко мне.

— Мы свободны, 818! — с волнением крикнул он.

Его слова эхом отзывались в моих ушах. Я сам не верил в это.

— Ч-что теперь? — спросил я, оглядывая двор, наполненный трупами. Земля тонула в крови, вдалеке были слышны вой сирены ГУЛАГа.

362 опустил напряженные плечи и подвинулся ко мне.

— Вот оно, 818. Это то, чего мы так долго ждали. То, ради чего жили.

Его глаза ярче заблестели, и он сказал.

— Пришло время отомстить.

М — Е — С — Т — Ъ... Я проговорил каждую букву в голове, чувствуя, как гнев завладел мной. И я понял, что мой шанс наступил. После нескольких лет убийств, я

собирался отомстить.

— Куда ты пойдешь? — спросил я 362.

— На запад, — ответил он мрачно. — Моя месть свершится на западе.

362 был тем, кто заставил меня писать имя Дурова на стене клетки, я не помнил, как он делал это, но он говорил об этом, когда я впервые прибыл. На его стене тоже было имя. Эти надписи всегда были с нами. Они подарили нам прошлое, когда не было ни одного, ни единого воспоминания в голове. Они подарили нам цель, чтобы жить.

Мы стояли там, смотрели друг на друга, потом 362 крепко сжал меня за плечо.

— Убей того, кто притащил тебя в этот ад, 818. Ты готов. Ты давно готовился к этому дню.

Я также похлопал его по руке.

— Ты тоже.

362 опустил руку, но обернулся и сказал:

— Надеюсь, мы еще встретимся, 818. Если нет... верни себе свою жизнь, которую потерял.

Кивнув головой, он повернулся и побежал за большие металлические ворота.

Наклонившись к лицу лежащего охранника, схватил его за рубашку. Увидел вспышку узнавания на его лице, я разозлился.

Ему должно быть страшно. Я собирался выпотрошить ублюдка, который превратил мою жизнь в ад. Я вспомнил те вещи, которые он делал со мной, когда я был ребенком.

— Не надо... мне больно! — закричал он, и мои губы скривились от отвращения.

Ощутимо тряхнув щуплое тело, пока его зубы застучали, я потребовал:

— Куда мне идти, чтобы попасть в Нью-Йорк?

Охранник побледнел, а мои кулаки сжались, угрожая задушить ублюдка.

— В каком направлении мне идти?

Рот охранника открылся и закрылся, он задыхался. Я достаточно ослабил хватку, чтобы он мог говорить.

— Восток. Нью-Йорк находится на востоке.

Звук приближающихся машин побудил меня наклониться и спросить:

— А где, бл*дь, мы находимся?

Охранник стал слабеть, кровь хлынула из его живота. Я понял, что это вопрос секунд, когда он потеряет сознание.

— Бл*дь, ответь мне! — прорычал я. — Где, черт возьми, мы находимся?

— Аль... Аляска, — ответил он.

Я бросил его на землю. Этот ублюдок мне больше не нужен, я получил, что хотел. Грузовики приближались к ГУЛАГу, я знал, что у меня есть несколько минут, прежде чем охранники закроют выход.

Алик Дуров.

Бруклин, Нью-Йорк.

Месть.

Убить.

Напомнив себе о своей цели, я поднялся на ноги, когда ублюдок засмеялся. Я в упор посмотрел на него.

— Мы... мы сделали тебе тем, кем ты сейчас являешься... — прошептал он, теперь кровь капала из его рта. — Мы сделали тебя сильным... непревзойденным... чемпионом...

Он замолчал, кашляя и брызгая слюной, захлебываясь в собственной крови.

Красная пелена стала перед глазами.

Разозлившись на его слова, я поднял кулаки с кастетами и, зарывав, толкнул шипы прямо в грудь. Рот охранника широко открылся, с его губ сорвался тихий крик. Я огрызнулся и медленно повернул шипы кастетов. Мной уже ощущался вкус победы, когда он выпучил глаза и стал задыхаться. Охранник сделал последний вдох. Невидящий взгляд устремился ввысь.

Я наслаждался этим, ведь меня создали для этого, учили этому. Медленно поднявшись на ноги, я побежал. В течение нескольких минут пробирался сквозь заросли деревьев, направляясь на восток.

И я не остановлюсь, пока не достигну своей цели. Не остановлюсь, пока не убью его...

Алика Дурова.

Бруклин, Нью-Йорк.

Мечь.

Убить.

4 глава

818

После месяца плавания на рыбацких судах, кражи еды и незаконных поездок в грузовых составах, я приехал в Нью-Йорк.

Я не был готов к тому, что ждало меня: яркие огни, шумный город, с постоянно спешащими людьми — все было полной противоположностью тому, что я когда-либо знал. Тем не менее, как ни странно, те чувства, что я ощущал, были знакомыми и комфортными — густой смог, вонь, пары табака и спиртных напитков, рев быстрых автомобилей.

Только я дошел до последней аллеи на краю Бруклина, как жгучая боль пронзила мою голову. Я прижал пальцы к вискам. Стали мелькать разные образы: группа играющих детей, пожилые мужчины целуют трех гордо улыбающихся мальчиков в головы, представляя их народу. Мне казалось, что моя голова скоро взорвется от тех воспоминаний, что промелькнули у меня. Целый месяц ничего не было: ни воспоминаний, ни наркотиков, которыми охранники меня ежедневно пичкали, чтобы держать сильным и агрессивным, но сейчас все больше и больше незнакомые образы вставали перед глазами.

Картинки ушли также быстро, как и пришли, и я понял, что уже давно стою, облокотившись на стену, пот градом стекал с меня. То оцепенение, которое я чувствовал всю мою жизнь, вернулось.

Я припомнил имя и адрес. Несколько секунд бежал вниз по незнакомой улице, точно зная, куда идти. Ноги несли меня вперед в район с большими особняками, дорогими автомобилями и хорошо одетыми людьми.

Когда я оказался на одной конкретной улице, дрожь волнения пробежала по моему телу. Я быстро просматривал номера домов... пока не очутился за пределом района с роскошными апартаментами. Я был уверен, что это нужный адрес.

Охранники угрожающе ходили перед домом со стеклянными стенами. Я отпрянул на соседнюю улицу, сливаясь с тенями и не сводя глаз с двери.

Я ждал несколько часов, прячась около здания, пытаюсь найти вход. Но его не было, дом

был слишком защищен. Потом, когда рассвело, большой темноволосый мужчина, выглядевший так, как будто жил в середине 20-х годов, вышел из здания с таким важным видом, словно ему принадлежал весь этот гребаный мир. От ярости у меня каждый волос на голове зашевелился.

Понадобился всего один взгляд, чтобы понять, что передо мной стоял Алик Дуров, сволочь, которую я собираюсь убить. Все в нем — от славянского лица до полностью бритой головы — кричало о богатстве и высокомерии, я ненавидел ублюдка и с удовольствием убил бы его. Мне захотелось причинить ему страшную боль.

Через несколько секунд большой черный автомобиль остановился перед зданием. Этот мудака, Дуров, шагнул в сторону водителя, сел и поехал вниз по улице. Как молния, я побежал за ним, прижимаясь к затемненной стороне. Я старался не отставать от автомобиля, но при таком быстром темпе не мог уследить за ним. Проехав еще два квартала вниз, автомобиль попал в пробку. Другие машины сигналили мне, когда я перебежал оживленную дорогу, но мне нужно было торопиться.

Автомобиль повернул направо, и я последовал за ним. Он проехал три квартала до пустынной стоянки, остановился напротив большого склада, находившегося там же, и Дуров вылез из машины.

Засунув руки в карман, я коснулся ценных клинковых кастетов и сжал кулаки, наслаждаясь холодным прикосновением металла к коже. Я смотрел на спину Дурова, представляя, как воткну шипы кастетов ему в голову, так чтобы видеть, как вытекает кровь из верхней части его шеи, кружась вокруг его тела; чтобы видеть, как медленно жизнь покидает его тело, постепенно отказывают внутренние органы или сразу сердце: быстро, эффективно, смертельно.

Украдкой перемещаясь по периметру стоянки, я остановился только для того, чтобы последовать своему инстинкту — намазать грязью под глазами. Вдруг боковая дверь распахнулась, из проема вышел суровый старый человек.

— Дуров! Тащи свою задницу сюда. Ты опоздал!

Дуров.

Это был Алик Дуров.

Моя цель... мое убийство.

Дуров засмеялся, а через несколько секунд уже был в здании. Проклиная себя на чем свет стоит из-за упущенной возможности, я огляделся вокруг, убедившись, что за мной никто не следит. Затем побежал по теплему асфальту, на ходу проверяя, чтобы капюшон закрывал голову и лицо. Почему-то мне казалось, что я был здесь раньше. Как будто это не я провел свою жизнь в аду ГУЛАГа, убивал, чтобы выжить, разрывал плоть и забирал жизнь. Но что-то говорило мне, что адрес Бруклин, Нью-Йорк имеет большее значение для меня, для моего прошлого.

Подойдя к складу, я нашел небольшое окно. Прижавшись к земле, я заглянул внутрь. От увиденного у меня перехватило дыхание.

Тренажерный зал... и вот Дуров подошел к груше и начал наносить удары.

Он тренировался, чтобы потом бороться.

Борьба.

Я всю жизнь только это и делал.

Это единственное, что я знал и умел делать.

Мои глаза вспыхнули в ожидании. Я узнал эти действия, потому что жил такой жизнью

много лет. И клетка... каждый ее металлический стержень, каждая щепка паркетной доски, каждый дюйм колючей проволоки были моим домом. Каждое пятно крови на этой белой поверхности сделали меня человеком-чудовищем, тем, кем я сейчас являюсь. Но то, что действительно заставило мое сердце биться быстрее, так это выстроенное в ряд на стене оружие. Цепи, кинжалы, ножи сказали мне все, что я должен был знать: бои в этом месте были насмерть.

Это была борьба со смертью.

Поэтому я стал хладнокровным убийцей, бойцом, и, как я теперь вижу, Алик Дурое тоже.

Как и ноздри, мои руки начали дрожать, а в голове уже зрел план мести. Я бы присоединился к этой борьбе на ринге и зарезал эту мразь, не проиграл. Я никогда не проигрываю.

Поднявшись на ноги, я пошел вперед, запах пота и крови ворвался в нос. Это успокоило меня.

— Кто ты, бл*дь, и что хочешь? — Мое внимание привлек низкий, приземистый человек, сидящий за маленьким столиком. Он вытащил пистолет и направил его мне в лоб. Я продолжал держать капюшон низко на голове, скрывая глаза. Что-то глубоко внутри меня кричало о том, чтобы я не показывал глаз.

Его глаза расширились от страха, когда я шагнул вперед, не обращая внимания на пистолет.

— Я хочу драться. В клетке. Хочу кое-кого убить, — прорычал я глубоким низким голосом.

Увидев, что этот человек, глядя на меня, обмочился, я не удивился. Я был высоким, крепким, как танк, с татуировками, шрамами... и чертовски мертвым внутри.

У меня ничего не было, что ослабило бы меня. Я ничего не боялся, даже смерти. Смерть будет моим долгожданным концом. Но прежде, чем придет мой конец, я заберу жизнь Дурова... и узнаю... почему я его так ненавижу.

— У тебя есть спонсор?

Я ничего не сказал, и ублюдох принял мое молчание за отказ.

Стоя, он держал пистолет, направленный мне в голову. Потом достал телефон и позвонил кому-то. Я узнал устройство; охранники всегда таякали в него всякую хрень, мешая мне спать. Кто-то в ответ резко заворчал в громкоговоритель.

— Ив? Ты нужен здесь.

Он захлопнул телефон, но я ни разу не вздрогнул. Я хотел, чтобы этот ублюдох испугался настолько, что разрешил участвовать в боях. Мне нужно драться. Мне нужно убить.

— Что, бл*дь, опять случилось? — с отчаянием спросил грубый голос с акцентом, а затем я увидел высокого молодого мужчину.

Как только он увидел меня, его глаза сузились, и он сложил громоздкие руки на груди.

— Кто ты, черт возьми? — спросил он.

— Голубая мечта твоей клетки и худший кошмар твоих бойцов, — холодно ответил я, после чего я похрустел пальцами. Звук эхом отразился от голых стен.

Мудак, держащий пистолет, и этот Ив посмотрели друг на друга. Ив выбил пистолет из рук парня и шагнул вперед.

— Ты боролся в клетке раньше?

— Да.

Его губы скривились.

— Мы не в гребаном ММА или WWE, понимаешь? Здесь ставки выше. Цены оплачиваются кровью... с кусочками мяса. Это подземелье.

Мое молчание подтолкнуло его говорить дальше.

— Ты русский?

Его вопрос застал меня врасплох. Я, бл*дь, этого не знаю. Я номер 818, был воспитан в ГУЛАГе и обучен убивать. Я зарезал более шестисот противников. Это все, что я знаю. Больше ничего: ни имени, ни прошлого, ни семьи.

Только оцепенение.

Парень что-то сказал мне, только в этот раз на другом языке.

— Я спрашиваю, ты говоришь по-русски?

Он говорил на другом языке, не на таком, как охранники, но я как-то его понял. Он говорил по-русски? Откуда, бл*дь, я знаю русский?

Недолго думая, я ответил «да» на том же языке, и лицо парня загорелось.

— У тебя нет спонсора, который бы заплатил за тебя.

— Что мне теперь делать? — спросил я, странный язык лился с моих губ. Мое тело напряглось. Я бы хотел попасть в это место, это для меня рай на Земле.

— Тебе надо заплатить. Это единственный способ. У нас есть тренер, который только что потерял бойца, но это будет стоить тебе.

— Сколько? — спросил я.

Ив ткнул пальцем на парня, который передал мне листок бумаги с числом.

Когда Ив уходил, он крикнул:

— Будут деньги, приходи. Для остальных мужчин обучение уже началось. В Подземелье бои начнутся через две недели. Следующие три дня будут идти последние бои. Оставшиеся в живых продолжат бороться в финале. Если выиграешь, то выиграешь много. У тебя есть время, чтобы собрать деньги.

Подземелье.

Две недели.

Мечь.

Алик Дуров.

Убить.

Мне надо что-то сделать, чтобы найти эти деньги.

Оставив дверь открытой, я зажал бумагу в кулак и положил в карман. Теперь надо думать, что делать дальше. Потом я увидел кучу людей, спящих на улице, перед ними стояли шляпы. Они просили деньги.

В доли секунды я направился к ним, схватив с ближайшего дерева какую-то банку. Затем нашел место на улице, сел, натянул сильнее капюшон и поставил свою банку на землю.

Две недели.

У меня всего две недели, чтобы получить деньги.

И я сделаю все, чтобы попасть в эту клетку и, наконец, разорвать грудь Дурову.

Киса

— Вы в порядке, мисс? — спросил Серж, он вез меня по оживленным улицам Бруклина, направляясь к докам.

Я посмотрела в окно и кивнула, посылая умиротворяющую улыбку Сержу.

— Просто тяжелый день. Вот и все.

Серж сочувственно смотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Сегодня день рождения Луки Толстого, — сказал он, и я на мгновение потеряла способность дышать.

Взгляд опустился на дрожащие пальцы, я кивнула. Мне всегда было больно думать о Луке. Двадцать шесть лет назад три босса Братвы женились, у каждого родился сын. Первым родился Лука, спустя несколько месяцев Алик. Мой брат Родион и я родились еще через год, мы были близнецами. И, наконец, год спустя родилась Талия, сестра Луки.

Мы росли вместе, наследники российской преступной организации Нью-Йорка. Играли, ходили в школу, у нас были общие тайны. Именно в эти годы я поняла, что стала одержима Лукой Толстым. Он, мой брат Родион и Алик были вместе, три наследника мужского пола Братвы. Родиону суждено было стать главным, Алику — вторым после него, Луке — третьим и последним наследником. Лука и я разделили нечто особенное, еще детьми, мы были лучшими друзьями. Спустя годы я осознала, что влюбилась в него. Пусть я была только ребенком, но все же по-настоящему любила его. В сердце жила любовь.

Мама всегда говорила, звезды выстроились в ряд, когда мы родились, Бог сделал нас частями одного целого. В первый раз, когда мы увидели друг друга, Лука взял меня на руки и поклялся перед моей мамой всегда защищать меня. Она рассказывала, что застала его у моей кровати, когда мне было всего несколько часов. Потом, когда она спросила, что он делает, в ответ он попросил меня. Моя мама пошутила и сказала ему, что это будет мой выбор, через несколько месяцев, едва я подросла, то подползала только к одному человеку... Луке Толстому.

Я согласилась быть его. Ведь Бог создал нас половинками одного сердца.

У Луки была добрая улыбка и самые красивые темно-карие глаза. Но на радужке левого глаза были крапинки синего цвета, из-за чего наши мамы думали, что мы обречены быть вместе. Моя мама считала, Бог поместил кусочек моего глаза в его так, чтобы мы всегда знали, что разделяем одну душу. Лука был моим защитником. Я обожала, что он всегда держал меня рядом, заставляя чувствовать себя в безопасности, особенно от Алика.

Алик ревновал, зная, что мое сердце принадлежит Луке.

Когда трое мальчиков подросли, вся наша жизнь канула в лету. В одну роковую ночь я потеряла Родиона и своего Луку, а Алик стал единственным наследником. После этого он заявил свои права на меня.

Сейчас, в двадцать пять, я до сих пор скучаю по Луке, как если бы он умер только вчера. Боль была так же свежа, как и в тот день, когда мне сказали, что он ушел навсегда. Часть меня не верила, что он сделал все те вещи, в которых его обвиняли. Я не могла думать, что он нес ответственность за смерть моего брата.

— Держите голову выше, мисс, и день пройдет быстро, как и любой другой, — с умным видом сказал Серж.

Положив голову на спинку, я закрыла глаза.

Я столько потеряла... вокруг меня столько смерти.

Десять минут спустя, после тихого путешествия, я вошла в зал и направилась в свой кабинет, моя черная юбка делового костюма казалась не к месту. Я шла через оживленную комнату, где проходила тренировка полуголых мужчин. Они били груши, поднимали тяжести. Я искала комнату. Одна пара голубых глаз посмотрела на меня, и медленная улыбка показалась на знакомых губах.

Ив, тренер Алика, был напористым, он заставлял напрягаться каждый мускул рельефного тела. Алик бросил гантели в пятьдесят футов на пол, стук эхом отозвался по залу, и бойцы стали расходиться. Глаза Алика вспыхнули, он гордо последовал за мной в офис. Я успела только кинуть личные дела бойцов на стол, а он уже ворвался в офис, хлопнув дверью и закрыв жалюзи.

— Мышка, — зарычал Алик, поедая меня взглядом. Его покрасневшая от тренировок кожа блестела от пота, напряженный член вырисовался сквозь шорты.

— Черт, я скучал по тебе прошлой ночью, Мышка. Мне не нравится спать в одиночестве.

Мой желудок с опаской сжался. Я всегда боялась Алика, когда он был в таком настроении. Он и без этого был собственником, но ежедневные коктейли для бойцов Подземелья, креатин и таблетки, повышали тестостерон Алика, а это сказывалось на мне... он хотел трахать меня так жестко и грубо, насколько это возможно.

Алик двинулся вперед, чем еще больше напугал меня. Его рука потянулась и в секунду были разорваны кнопки моего блейзера, затем он стянул юбку. Моя задница еле умещалась на краю стола.

— Почему ты выглядишь такой грустной, Мышка? — холодно спросил Алик, и мои руки начали дрожать.

Каждый год. Каждый год в этот день я терпела один из его «жестких трахов». Он знал, что если мне было грустно, то это был день рождения Луки. И каждый раз его ревность поднималась до небес.

— Алик, малыш, пожалуйста, мне не грустно, — попыталась я его успокоить, но почувствовала, как его член затвердел и стал тереться о мое лоно.

Пальцы Алика залезли в мои трусики и начал тереть клитор, в то время как его другая рука сорвала лифчик, и его рот сразу сосать мою грудь, вызвав у меня шипение.

— Ты лжешь. Я вижу, какая ты мокрая. — Он скривил губы в отвращении и укусил мою грудь. Я заплакала от боли. Он улыбнулся и сказал:

— Не волнуйся. Ты не будешь грустить. Я напомню тебе, кому ты принадлежишь.

Он становился агрессивным, когда мы находились далеко друг от друга, хотя бы несколько часов, но в этот день, я должна была лечь и принять любое наказание, которое он сочтет нужным.

Алик снова прикусил мой сосок. Затем оторвался и прошептал:

— Я схожу с ума, когда ты не рядом со мной, когда ты не думаешь обо мне. Я схожу с ума, не зная, что ты делаешь, или, представляя, что какой-нибудь ублюдок смотрит на тебя, представляя себя в твоей киске.

Алик ввел свои пальцы в меня, я откинула голову назад и издала сдавленный стон. Он освободил свой член из трусов. Схватив мои запястья, толкнул меня на стол и вошел с гортанным стоном. Он начал вбиваться в меня, оскалив зубы от удовольствия, в его глазах горело безумие.

Левой рукой он стал играть с клитором, а другой схватил меня за лицо и завис надо

мною.

— Ты не позвонила мне прошлой ночью, Мышка. Ты провинилась. Ты встречалась с каким-то ублюдком прошлой ночью? Говорила с кем-нибудь? Я не мог перестать думать, что ты была вчера вечером одна, на улице, где кругом столько мужчин. Ты забыла, что тебя дома ждет мужчина, человек, который владеет каждой частью твоего тела?

Мое сердце перевернулось, когда я представила себе человека, который защищал меня. Большого бездомного, сжимающего банку, человека, о котором я мечтала всю прошлую ночь, и который не выходил из моей головы. Человека, которого я не могла забыть... а вот забыть позвонить Алику было большой ошибкой.

Взгляд Алика стал ледяным, и его глаза сузились от подозрений. Он чувствовал мою ложь. Он знал, но как, как он мог знать? Я должна была успокоить его, чтобы не выдавать своих опасений. Пришлось заставить его думать, что в моих мыслях только он. Просто он и я... не Лука и, безусловно, не спаситель в капюшоне.

— Нет, малыш, — прошептала я, мои глаза закрылись от приближающегося оргазма. — Только ты. Только ты. Я принадлежу тебе. В ближайшее время ты будешь обладать мной.

Мой голос был безумным, когда я говорила. Я стремилась придумать что-нибудь, чтобы успокоить его ревность.

Сумасшедшее, но довольное шипение сорвалось с моих губ, его толчки набирали скорость.

— У меня есть ты, Киса. У тебя никого никогда не будет, кроме меня. Я, бл*дь, владею этими сиськами.

Он сжал упругую плоть, вырывая крик из моего горла.

— Я владею этой задницей, — продолжил он, приподняв мою попку и толкнув в нее палец.

Я схватила его за плечи и ногтями впилась в кожу, желая избавиться от неприятных ощущений. Алик вдруг замер и жестко схватил меня за лицо. От боли на глазах выступили слезы.

— И это влагалище, эта тугая и мокрая киска... Кто этим владеет, Мышка? Кто. Владеет. Этим?

Я замерла и от ужаса не могла ответить на вопрос. Член Алика прикасался к моему лону. Его пальцы с почти невыносимой силой давили на мою челюсть, в его взгляде отразилась непоколебимая ярость, пока я не сказала:

— Ты, Алик. Ты владелец всего этого.

Его строгое выражение лица смягчилось, позволяя действовать немного мягче во время игры, прежде чем он опять стал врезаться в мое лоно, безжалостно двигая пальцем по клитору. Мои ноги застыли, спина выгнулась, и мышцы лона туго обхватили член Алика. Я ненавидела, что он знал, как мое тело реагирует на его прикосновения. Я не хочу такого удовольствия, но понимала, что борьба была бессмысленной.

Алика рассвирепел и так крепко сжал мои бедра, что, безусловно, оставил на них синяк.

— Черт, мышка... ДАВАЙ! — крикнул он и излился в меня. Его глаза горели безумием... настоящим безумием.

Алик поцеловал мои дрожащие губы, затем резко вышел из меня, поправил свои тренировочные шорты, как будто ничего не случилось.

— Оденься. Наши отцы скоро будет здесь, — сказал Алик холодно.

В панике я спрыгнула со стола, надела юбку и проверила рубашку, как вдруг дважды

громко постучали в дверь.

Мой отец. Это его отличительный стук.

Алик ухмыльнулся и небрежно упал на стул, в то время как я взволновано поправляла свои длинные каштановые волосы. Несколько секунд спустя дверь открылась, и мой отец зашел в кабинет, за ним Абрам Дуров — отец Алика. Иван Толстой — отец Талии и Луки — пришел последним. Он был самым тихим из группы, замкнутым в себе. Я всегда думала, что это было из-за стыда, из-за Луки. Он убил сына Пахана и тем самым подписал себе приговор. Иван отвечает за финансы и деньги мафии. У него мало общего с Подземельем. Он читает книги в своем домашнем офисе с Талией, посещает бои, только потому что обязан. Но он редко приходит в спортзал, никогда не проявлял интерес к бойцам, я была очень удивлена, увидев его здесь.

Алик встал и поприветствовал каждого из боссов Братвы тройным поцелуем. Потом папа посмотрел на меня, на его губах появилась широкая улыбка.

— Киса! — приветствовал он. Видя счастливое лицо отца, я улыбнулась и вышла из-за стола. Папа притянул меня к груди.

— Отец, — поздоровалась я в ответ, затем перешла, чтобы приветствовать Абрама и, наконец, Ивана, который крепко обнял меня. Я всегда любила Ивана, как отца. Он был добрым человеком, совестливым, самым спокойным из «Красных» боссов; Лука был его точной копией.

Но Абрам, нет, что-то было отталкивающим в этом человеке. Он принес насилие в Братву. Он не никого не прощал; совершал грязные поступки. Алик был пьян большую часть времени из-за его неспособности сделать что-то правильно, чтобы порадовать своего отца. Мы все были в курсе, что Алик стал таким агрессивным из-за того, что Абрам издевался над ним, когда то был ребенком.

— Пожалуйста, садитесь, папы, — сказала я, указывая на стулья. Вся Братва — моя семья — рассаживалась, когда я подошла к столу, чтобы взять себе стул. Алик сел рядом со мной.

— Итак, — начал папа и повернулся ко мне. — Мы кого-нибудь ищем в этом сезоне?

Алик ухмыльнулся. Он провел рукой по моей спине, а я отдыхала от хватки на затылке. Это был собственнический жест, жест, утверждавший свое господство перед Братством.

— Нет, папа, все хорошо. Все тренеры имеют бойцов, за исключением...

— Кого ты, бл*дь, имеешь в виду? — прервал меня Алик и засмеялся. Абрам, отец Алика, улыбнулся в ответ и добавил.

— Этот грузинский хрен, Альбатрос! Мы потеряли еще одного бойца во время первого разминочного боя. Человек Сэва перерезал горло этому идиоту в первом раунде. Я тебе говорю, урод проклятый. Пять сезонов и в каждом раунде потери. Нет, ублюдок будет бороться за место в этом году.

— У него будет борец, — спокойно сказал Иван. — В «Подземелье» должны быть проведены все запланированные бои. Мы слишком много просрали Виктору. Сейчас у нас самый огромный доход, чем когда-либо. И он увеличивается, а это означает, что у нас лучшие бойцы.

— Мы решим это, — сказала я. Иван и мой папа подарили мне широкие улыбки. Отец наклонился вперед и похлопал меня по руке.

— Благодаря тебе, это место работает, как хорошо смазанный механизм, Киса. Я знаю, у тебя все получится.

Послышался стук в дверь, вошел Ив, наш главный тренер. Хоть он и персональный тренер Алика, он был также ответственен за всех новых бойцов, которые приходили в Подземелье.

— Ив, мы обсуждали Альбатроса, — самодовольно сказал Абрам.

Ив устало провел рукой по лицу.

— Да, он уже потерял парня в этом году, и его спонсор ушел. Бл*дь, да и много денег потеряли, — добавил Ив.

— У нас есть замена? — спросил Иван.

Подземелье и азартные игры были главным источником дохода Братвы. У организации были и другие источники, главным образом, от оборота наркотиков и торговли оружием, но это место было дойной коровой. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы испортить. Подземелье работало круглый год, ежегодно на протяжении трех ночей в нем проводился чемпионат для бойцов нижнего уровня, и это было намного грязнее, чем уличные бои. Целых три ночи, в которых нет ничего, кроме смерти, денег и одного единственного победителя.

Ив покачал головой, потом остановился и сказал:

— К нам утром приходил какой-то парень. Сказал, что хочет бороться в клетке. Большой ублюдок. Русский. Кажется чертовски умным.

Папа повернул голову к Иву.

— Откуда он знает, что мы здесь? Он случайно не под прикрытием федералов?

Ив пожал плечами и слегка побледнел от обозленного тона моего папы.

— Без понятия. Но парень смотрел бездушно, словно он мертвый внутри. Что-то подсказывает мне, он просто хотел убить, чтобы получить удовольствие.

— И что? — толкнул Абрам. — Ты испытасшь его, или мы возьмем кого-нибудь другого? У нас мало времени.

Ив подошел ближе к двери.

— Я сказал ему, что для этого нужны деньги. Он ушел, но я уверен, что вернется. Что-то в его мертвом голосе сказало мне, что ему нужно быть в клетке. Вероятно, он какой-то серийный убийца, который хочет пролить кровь без запретов.

— Как и все бойцы в Подземелье ты имеешь в виду? — пошутил Алик, после чего все мужчины в комнате рассмеялись. Все, кроме Ивана. У меня кровь застыла в жилах. Алик был настоящим убийцей; он не врал. И если бы у него не было этой подземной жизни, этой отдушины, я была уверена, что он всех бы убивал. Этой его сущности я боялась больше всего. Алику нужно забрать чью-нибудь жизнь, чтобы сохранить рассудок.

Папа, Абрам и Иван встали. Отец обратился к Алику.

— Ты опять нужен сегодня. Мы получили контракт с китайцами. Нужно сгладить некоторые дерьмо после того, как один из твоих людей выпотрошил парня за то, что он посмотрел на твою девушку.

Все кровь отхлынула от моего лица, и я повернулась к Алику.

— Ты убил кого-то просто потому, что он посмотрел на меня?

Алик пожал плечами, как будто не сделал ничего плохого.

— Я поймал его, когда он смотрел на тебя с другой стороны улицы. Мы тогда возвращались с ужина. Вспомнил его лицо, когда увидел его во время сделки на прошлой неделе, и решил, что хочу видеть его внутренности у своих ног.

Я закрыла глаза и попыталась медленно дышать через нос, останавливая тошноту,

поднимающуюся в горле. Когда я снова открыла их, Алик выглядел счастливым, держа свою руку на моей шее.

— Я занят сегодня вечером, — сказал Алик моему отцу, но мне было по-прежнему плохо.

Алик не раскаивался.

Это было бессмысленно и неправильно, не иметь совести или морали. Он с каждым разом все больше подвергал меня в ужас.

Отец стукнул кулаком по столу.

— Ты будешь там сегодня вечером. Ты не уважаешь желание своего Пахана! Ты можешь быть чемпионом среди бойцов, Алик, самым опасным из нас, но я буду не я, если не выпотрошу твои кишки.

Папа редко показывал гнев. Но, если все-таки такое случалось, оппоненту не жить. Алик был в уникальном положении. Он был единственным выжившим наследником Братвы. Он должен был держать себя в руках.

Алик напрягся.

— Мне нужно сегодня быть с Кисой. Мне это нужно!

Глаза папы сузились. В комнате воцарилась тишина.

— Ты пойдешь, Алик. Это все.

Рука Алика вдруг схватила меня за шею, что я почти всхлипнула от боли, и сжала.

— Но потом она остается в моем доме сегодня вечером, — потребовал он.

Я закрыла глаза. Опять же, я пытался медленно дышать через нос, прилагая усилия, чтобы оставаться спокойной. Папа не позволит ему, не мог позволить. Алик бы взбесился, и я вновь окажусь под ним на этом столе, пока он не истратит весь свой гнев. Папины глаза вспыхнули, губы сжались в тонкую линию.

— Ты еще не женился на ней, Алик. Она остается в моем доме. Ты не сделаешь шлюху из Волковой!

Алика начало трясти от злости. Я положила руку ему на бедро, пытаюсь успокоить. Но когда он вскочил с места, сгибая кулаки с покрасневшим от гнева лицом, я поняла, что его ярость перешла все границы.

— Меня, бл*дь, уже достало это, — кричал Алик. — Мы обручены уже два года, и все это гребаное время она живет со мной! Мы слишком долго ждем!

Молчание моего отца сказало мне, что он думает по поводу неуважения Алика. Абрам рванулся вперед, прежде чем папа успел что-нибудь сделать, и, выбросив руку вперед, ударил Алика по лицу, до крови.

— Достаточно! Покажи хоть какое-то уважение, мальчик, или я сделаю больше, чем просто разобью губу, — прошипел Абрам, смущенный вспышками сына.

Алик стиснул зубы, ничего не говоря в ответ. Он никогда не сказал бы ничего отцу. Алик был его марионеткой.

У меня дрожали ноги, я поперхнулась. Алик сердито посмотрел на меня. Видя, что отец смотрит вполне миролюбивым взглядом, я подошла к Алику и, взяв салфетку с моего стола, прижала к его губам. Он не дрогнул, когда я сильно прижала ткань, но его безумные глаза с напряжением впились в меня.

— Иди с нашими отцами сегодня, Алик. Я и одна буду в порядке.

Алик оттолкнул мою руку, руками сжал волосы.

— И что же ты будешь делать... одна?

Опустив глаза и игнорируя его подозрения, я пожала плечами.

— Пойду в церковь.

Рука Алика дернула волосы, но я не подняла глаз. Он знал, зачем я туда пойду. После всех этих лет было удивительно, как моя детская связь с Лукой довела Алика до безумия.

— Алик! Она собирается в церковь. Ты вместе с нами позаботишься о нашей семье. Это твоя обязанность, — приказал Абрам.

Алик хмыкнул в гневе, грубо поцеловал в голову, и внезапно покинул комнату. Я слышал, как мужчины последовали за ним, чтобы проверить своих бойцов. Когда я подняла голову, Иван топтался у выхода, глядя на меня с сочувствием.

— Талия и моя жена тоже будут в церкви сегодня, Киса. Они будут рады увидеть тебя там.

Я кивнула и подарила маленькую улыбку.

— Я надеялась, что они придут, папа Иван. Я... я буду рад увидеть их тоже... Я рада, что вы пришли сегодня. Я люблю, когда вы приходите... Я...

Я замолчала, горло свело от переполнявших эмоций. На мгновение увидела в его глазах былую боль, но он ничего не сказал, и я опустилась на кресло позади моего стола.

Сначала мне надо организовать проведение боев и убедиться, что дела в Подземелье идут как надо. А после я пойду в церковь и стану оплакивать мальчика, которого должна ненавидеть... но никогда не могла найти в своем сердце это чувство по отношению к нему.

6 глава

Киса

Серж высадил меня около нашей Русской Православной Церкви. Я вышла в душную ночь в черном головном уборе и одежде с длинными рукавами, как требовали того традиции. Быстро побежала вверх по ступенькам, прошла через большие двери. Наверху, в репетиционной комнате, хор пел гимны. Большая церковь была темной, только мягкий свет сечей освещал ее. Как всегда, когда я вошла в это место, взглянула на картины на потолке, на изображения святых, на Деву Марию, держащую Иисуса.

Чья-то рука мягко легла на плечо, я посмотрела налево и заметила добрую улыбку Отца Хрущева.

— Отец, — приветствовала я и поцеловала руку.

— Ты присоединишься к нам сегодня вечером раздавать продовольствие, девочка? Мы работаем на общественных началах, ты могла бы нам помочь? — спросил он с надеждой.

Сердце забилось при мысли о моем защитнике, сидящем на улице и держащем банку. Прежде чем я успела рассмотреть последствия моих действий, голова кивнула в знак согласия.

— Отлично, — сказал Отец Хрущев, указывая на меня, чтобы я зажгла свечу. — Он добавил: — Я радуюсь, когда вижу, что ты помогаешь нуждающимся, Киса. Это очистит твою душу.

Я натянуто улыбнулась, и тут же улыбка исчезла. Я не пыталась спасти свою душу сегодня вечером или помочь нуждающимся. Согласилась ради своего эгоистичного желания, нет, насущной необходимости увидеть этого человека снова, увидеть его лицо, спросить кто он... почему был на улице.

Взяв длинную свечу, я зажгла фитиль и стала молиться за моего Луку. Пусть он покоится с миром.

Подойдя к концу скамьи, я повернулась к распятию, мрачно висящему на стене. Заложив руки, я закрыла глаза.

Чувствуя, как будто моя грудь разрывается, я мысленно перенеслась в прошлое...

***

Двенадцать лет назад...

Летом в Нью-Йорке было душно и слишком влажно, чтобы это вынести. Я лежала на полотенце, и солнце сияло над Брайтон-Бич. Мы всегда приезжали сюда на лето. Короли Братвы спускались на этот маленький кусочек Русского рая, вырываясь из наших домов в центре Бруклина. Папа и его «соратники» проводят летние месяцы в «обсуждении и заботе о бизнесе», в то время как дети с матерями будут отдыхать на песке и есть мороженое.

Мне нравилось лето. Это было время, когда я могла отвлечься от нашей жесткой жизни в Бруклине; время, когда «наследники» не будут отозваны, чтобы узнать свое ремесло; время, когда Родион, Лука и Алик могли расслабиться... время, когда я могла болтаться с Лукой в течение всего дня.

Закрыв глаза, я улыбнулась этой мысли, и продолжила нежиться под солнечными лучами в своем уединенном месте. Вдруг темная тень упала на меня, принося краткий миг пролады обожженной коже.

Открыв глаза и рукой защищаясь от солнца, я увидела Алика, и мой живот сжался. Он смотрел на меня с улыбкой, его спортивные шорты низко висели на бедрах. Я ничего не сказала, только поднялась на локтях, когда он плюхнулся рядом со мной на полотенце, бедрами прижимаясь ко мне.

Алик как всегда суровыми узкими глазами осматривал мое тело, и я больше не чувствовала теплоту солнца. Дрожь побежала по спине, когда палец Алика мягко коснулся руки. Его ноздри раздулись, и я замерла в страхе. Он всегда заставлял меня чувствовать себя неловко. Его глаза следили за мной, куда бы я ни шла. Он был готов избить любого мальчика, который посмотрит в мою сторону. Алик грозил им и говорил, что я его девушка... Ну, всем, кроме одного. Тот, кто действительно был моим, тот, в чьих глазах был кусочек моей души.

— Что ты делаешь, Мышка? — спросил Алик. Я проглотила это ласкательное имя — его маленькая мышка. Он называл меня так в течение многих лет, насколько я помню.

Я посмотрела вокруг, чтобы увидеть, кто был рядом, но никого поблизости не было. Рука Алика вдруг обхватила мою шею, и я ахнула в шоке.

— Я спросил, — Алик произнес сердитым голосом сквозь стиснутые зубы, — что ты делаешь? Не игнорируй меня. Мне не нравится быть проигнорированным.

Я увидела на его правой руке кровоподтеки и также большой черно-синий синяк на бедре, скрытый под шортами. Что с ним случилось? Он выглядел ужасно.

Алик заметил, что я смотрела. Он быстро закрыл синяк, сжимая в гневе челюсти, и отвернулся на мгновение, а я внутренне выругалась. Должно быть, это его папа. Я знала, что он причинял боль Алику. Слышала его крики, исходящие из комнаты. Когда мы посетили его дом, то я была свидетелем синяков Алика, видела, что он хромает и иногда сломанные

кости после «встречи» с его папой, когда он сделал что-то неправильно.

Алик всегда был зол, и испытывал ко всем ненависть... кроме меня. Что-то изменилось в нем, когда я была рядом. Он никогда не был спокоен, но взгляд смягчался, когда он смотрел на меня.

— Я... Я лежала на солнце, — живот сжался, когда я тихо сказала, и железная хватка на моей шее ослабла, но он не отпустил. Алику было четырнадцать, но его невероятная сила была больше похожа на силу взрослого человека.

Алик опустил руку.

— Я собираюсь лежать с тобой.

Я не смела спорить, поэтому предложила ему робкую улыбку и легла на полотенце.

Я лежала неподвижно, потом вскочила, когда почувствовала, что Алик начинает исследовать края моего бикини.

— Алик, ты что делаешь? — спросила я, стараясь отодвинуться от его руки.

Рука Алика поймала мою руку и сжала в тисках.

— Расслабься, мышка. Я прикасаюсь к тебе.

— Но...

— Заткнись! Ты будешь делать, как я говорю, — зарычал Алик.

Мне стало слишком страшно, чтобы бороться с ним, когда он начал исследовать треугольные края лифчика.

— Так красиво, — пробормотал Алик, не замечая моих слез.

Мои руки начали дрожать, но я просто закрыла глаза и позволила Алику трогать меня, чувствуя его губы на животе. Я хотела позвать на помощь, но не смогла. Как бы глупо это ни звучало, я часто жалела Алика. Я не хотела, чтобы его еще кто-то избил, как это делал его отец. Хотя мне надо было сделать именно это. Физически я не могла бороться с Аликом и, конечно, не хотела злить его дальше, так что я позволяла этому случаться. Ведь это было бы не в первый раз.

— Ммм... — застонал Алик, касаясь моей кожи, проводя пальцем рядом с краем материала бикини, от чего у меня перехватило дыхание.

— Алик, не надо, пожалуйста, — только успела я сказать, когда была прервана злым шипением:

— Что, черт возьми, ты делаешь, Алик!

С облегчением я подняла голову и увидела Луку Толстого, возвышающегося над нами, с выражением ярости на красивом лице.

— Пошел на хер, Толстой! — сквозь зубы сказал Алик, сжимая мои запястья сильнее. Лука выпучил глаза. Когда я захныкала вслух, Лука схватил Алика за волосы и толкнул, не забыв ударить в лицо. Алик отшатнулся, пальцы дернулись к губам, на его лице появилась тревожная окровавленная улыбка. Он посмотрел на Луку, а тот наклонился и оттащил меня, чтобы я была вне видимости Алика.

— Иди, — приказал он. Я повернулась, чтобы убежать, бросив взгляд назад, и увидела, что Алик видел, что я собираюсь уйти. Он был зол.

Я не собиралась оставаться, чтобы увидеть их драку. Это случалось часто. Алик пытался воспользоваться мной, и Лука был моим чемпионом. Они будут бороться, Алик будет терпеть поражение с его отцом — еще хуже, с моим отцом — вот так жизнь и будет продолжаться. Все как обычно в течение нескольких дней, пока Алик не сделает это снова.

Я бежала, пока не достигла моей любимой бухты. Сюда никто никогда не приходит. Я пошла вниз к скале, где всегда сидела с Лукой.

Зачарованная волнами, разбивающимися о берег, даже не услышала, как пришел Лука. Я вскочила и посмотрела вверх, заметив, что он наблюдает за мной, прислонившись к скале.

— Лука! — сказала я, затаив дыхание. — Ты меня напугал!

Лука вздохнул и провел рукой по лицу, двигаясь вокруг скалы, чтобы сесть рядом со мной на песок. Мы не говорили сначала, Лука был слишком сосредоточен на грохоте волн о песок.

Его пальцы коснулись моих пальцев. Затем он взял мою руку и поднес к губам. Мое сердце затрепетало, как крылья колибри.

Лука заправил свободную прядь моих волос за загорелое ухо, затем притянул меня так близко, что его свободная рука обняла меня за шею. Я расслабилась от его теплого тела и обняла за накачанную талию. Он сильно подрос в последнее время, становится настолько большим и красивым, что мое сердце едва не выскакивало из груди.

Лука громко вздохнул, его теплое дыхание коснулось моих волос.

— Ты должна держаться подальше от Алика, Киса. Он одержим тобой и опасен.

Я напряглась в руках Луки и почувствовала, что он притянул меня еще ближе.

— Я не должен говорить тебе это, но папа Алика готовит из него бойца, коллектора. Он сильно влияет на него, и я вижу, Алик становится зависимым от насилия. Он любит это, Киса. Держись подальше от него.

Крепко прижавшись к Луке, я ответила:

— Я лежала на солнце. Талия с мамой пошли по магазинам. Ты и Родион были на обеде с папой. Я не думала, что в опасности. Алик просто влюблен в меня. Он не сделает мне больно.

Вздыхнув, Лука поцеловал меня в голову, и я отклонилась от теплого тела назад.

— Он мне не нравится. Я терпеть не могу то, как он смотрит на тебя, — холодно сказал Лука.

Медленно наклоняясь назад, я смотрела в карие глаза Луки, на синее пятно в левом глазу, что делало его таким необычным.

— Как он смотрел на меня? — спросила я осторожно.

— Как будто ты принадлежишь ему. Как будто ты его. Когда ты рядом, он не сосредотачивается на других, только на тебе.

— И почему это беспокоит тебя? — спросила я робко, стараясь проглотить нервный комок в горле.

Красивый взгляд Луки встретился с моим, и его губы приоткрылись в коротком выдохе.

— Потому что ты принадлежишь мне, Киса. И всегда принадлежала.

Лицо Луки смягчилось, он указал пальцем на мои глаза и на свой левый.

— Ты часть меня, помнишь? Бог вложил кусок тебя в меня так, чтобы когда мы родились, все знали: мы половинки одного целого.

Моя кожа горела, словно, в огне, но я знала, что это не имеет ничего общего с высокой температурой во второй половине дня. Это было связано с Лукой. Сказка его матери и моей всегда говорит нам об этом.

Я любила его. Я люблю его. Я всегда будет любить его. Лука, мой Лука. Мне было только тринадцать, ему четырнадцать лет, но он был гораздо больше, чем лучший друг...

Он был всем моим миром.

— Лука... — прошептала я, моя душа таяла от его слов.

И его губы растянулись в усмешке.

— Киса... — подражал он.

Затем его взгляд упал на мои губы, и сердце стало биться с почти невероятной скоростью.

— Я хочу поцеловать тебя сейчас, — сказал Лука, все веселье исчезло с красивого лица.

— Но я... Я никогда не целовалась раньше... — сказала я, румянец расцвел на моих загоревших щеках.

Лука наклонил голову и криво мне улыбнулся.

— И я нет.

Мои глаза расширились, и облегчение растеклось в груди.

— Ни разу? — спросила я в шоке.

— Кого мне целовать?

Я пожала плечами.

— Откуда мне знать? В церкви многие девушки крутятся вокруг тебя.

Лука засмеялся и покачал головой. Сжимая мои плечи, он наклонился и прохрипел.

— Но они — не ты. — Лука снова указал на свои глаза. — Мы одно целое. Зачем мне кто-то еще? Все они — не ты. Ты так красива со своими длинными каштановыми волосами, голубыми глазами и загорелой кожей.

Погружаясь в омут его глаз, я зарывалась пальцами в песок, ощущая мягкость горячих крупиц под ногами. Когда подняла длинные ресницы, то встретила глазами с Лукой, и он прошептал:

— Хорошо...

Лука напрягся и посмотрел на меня так серьезно, что мой желудок сделал сальто. Его рука выпустила мою, и он мягко обхватил щеку, рука слегка дрожала.

— Ты готова? — спросил он, облизывая губы.

Сглотнув, я призналась, когда его рот оказался в дюйме от моего:

— Надеюсь, что я не облажаюсь.

— Это невозможно, — сказал Лука и наклонился вперед, прижимаясь губами к моим. Все, казалось, затихло вокруг нас, и мои глаза закрылись по собственной воле. Губы Луки были настолько мягкими и, как кусочки голололомки, идеально подходили к моим. Не было никакого движения языков или безумных сминаний губ, только два невинных молодых рта, впервые почувствовавших друг друга в интимной обстановке.

Наконец, оторвавшись, я увидела, что лицо Луки выражало шок, заставив мое сердце биться слишком медленно. Но когда его опухшие губы растянулись в счастливой опьяняющей улыбке, я знала, что она отражение моей собственной.

Тяжелая рука Луки потянула меня к себе, и я, свернувшись у него на груди, довольная смотрела на сверкающие воды.

— Как я уже сказал... мы одно целое, — подтвердил Лука мои собственные мысли.

Я знала, прямо тогда и там, что отдала свою душу этому мальчику... Я знала, что никогда не будет кого-то еще, с кем я буду также близка.

***

— Киса? — женский голос с сильным акцентом позвал меня справа. Откинувшись на деревянную скамью и вытерев слезы, вызванные воспоминаниями, я увидела маму Луки. Она тоже была одета в черное, традиционный цвет траура. Не прошло ни дня за двенадцать лет, чтобы мама Луки не носила черный.

Поднявшись, я улыбнулась маме Толстого и обняла ее.

— Как ты, мама?

Ее карие глаза — те же глаза, что и у Луки — посмотрели на распятого Христа, и она пожала плечами.

— Сегодня очень тяжелый день, моя девочка.

Мой желудок упал, и я кивнула головой, не в силах говорить без слез. Талия присоединилась к нам на скамье, и я увидела ее красные глаза. Она едва могла встретиться со мной взглядом. Сегодня был наш общий кошмар.

— Сегодня ему было бы 26, — добавила мама Толстого. Слезы, которые я удерживала, наконец, потекли по моему лицу.

Мама Толстого протянула руку и схватила мою.

— Вы двое были бы женаты и, возможно, я была бы уже бабушкой. — Она посмотрела на меня и добавила: — Он бы любил тебя всю жизнь. Вы бы выглядели так красиво в день свадьбы, и мой Лука выглядел бы так красиво в смокинге. Твоя мама улыбнулась бы с небес в тот день, Киса. Ее сердце переживало за вас двоих, произносящих свои клятвы перед Богом.

Представив картину, нарисованную мамой Толстого, мне как будто воткнули кинжал в сердце. Она сжала руки, чтобы привлечь мое внимание, когда я уже была готова отвернуться, слишком расстроенная тем, что она сказала.

Я смотрела в ее напряженные карие глаза, когда она сильно сжала мои руки и сказала:

— Он не делал этого, Киса. Он бы не убил твоего Родиона. Мой мальчик, родившийся любить, не забрал бы жизнь своего лучшего друга. Его оклеветали. Глубоко внутри ты это знаешь.

Я склонила голову, слезы всю текли по лицу. Я верила ее словам, но до сих пор помнила остекленевший взгляд Родиона, раненый Алик в больнице.

— Мама, перестань, — сказала Талия, прерывая заявление ее мамы о потерянном сыне. Талия обошла ее и поцеловала меня в щеку. Обняв за шею свою маму, Талия вывела женщину из церкви, оставив меня в одиночестве посреди богатой комнаты, все глаза святых глядели на меня сверху вниз, наблюдая за моим отчаянием.

— Киса? — спросил Отец Хрущев, и я бросила взгляд в заднюю часть комнаты. — Ты по-прежнему хочешь присоединиться к нам в грузовике?

Вздыхнув от облегчения, что отец Хрущев нашел для меня дело, я повернулась и направилась к выходу из церкви. Повернувшись еще раз, чтобы посмотреть на алтарь, прошептала:

— Да благословит Бог твою душу, Лука... Я люблю тебя, любовь моя, любовь моя... Я знаю, что была создана для тебя... Мы — половинки одного целого... ты был частью моего сердца...

7 глава

— Киса, оставайся в машине. Прошлой ночью ты уже была уже на улице. В грузовике

безопасно, оставайся сегодня тут, — сказал Отец Хрущев, когда я расстегнула ремень и мной овладела паника.

— Если можно, Отец, я бы хотела выйти. Мне нужен свежий воздух.

Отец Хрущев сочувственно улыбнулся. Он верил, что это было из-за дня рождения Луки. Признаться, отчасти это было так, но я не могла лгать себе. Я снова хотела увидеть того человека — моего защитника.

Бездомного...

Закрыв глаза, я встрепенулась. Я потеряла свой чертов разум!

Мне пришлось застегнуть кожаную куртку поверх черного платья, потом я вышла на улицу. Было жарко, но, если на мне не будет куртки, Алик подумает, что оставляю на виду слишком много кожи.

Павел бросил мне усталую улыбку.

— Вернулась к нам, Киса?

Я пожалала плечами, затем помогла одному из волонтеров выгрузить пакеты помощи на улицу. Когда все было разложено, я взяла свои пакеты и направилась на восток, где в прошлый раз видела человека, сидящего на улице.

Проходя мимо трех бездомных людей — двух мужчин и одной женщины — я быстро отдала пакеты, завернула за угол к следующему блоку, молясь увидеть человека, сидящего на корточках.

Сделав глубокий вдох, свернула на улицу, в самом дальнем и темном углу я увидела большую тень и стеклянную банку, сверкающую от близлежащего фонаря.

Мое сердце забилося, будто я пробежала чертов Нью-Йоркский марафон. Проверив, что поблизости нет никаких признаков опасности, я бесшумно встала прямо перед мужчиной, его темно-серый свитер на месте, капюшон надвинут на глаза, тело неподвижно, как камень. В банке лежали монеты и немного бумажных денег, которые заполнили ее наполовину.

Как и в прошлую ночь, я была поражена. На этот раз его положение позволило мне реально оценить его внешний вид. Он был большой, спортивный, немного больше, чем Алик. Его черные тренировочные брюки были покрыты грязью, и при ближайшем рассмотрении, я заметила, что руки покрыты мозолями, засохшая кровь четко виднелась на коже.

— При... привет? — удалось мне спросить, хотя мой голос дрожал, как осиновый лист в бурю.

Он не двигался. Он выглядел так, что едва дышал.

Мне захотелось, чтобы он поднял голову. Я хотела, чтобы он снял толстый серый материал капюшона и посмотрел на меня. Я должна была напомнить ему о прошлой ночи. Что-то в глубине души толкнуло меня узнать его имя... хоть что-нибудь.

Но он ничего не сделал.

Обернувшись по сторонам, я не заметила ни одного движения, вокруг было тихо. Потом медленно наклонилась, с осторожностью, не отрывая взгляд от мужчины. Он не дрогнул. На какое-то время, мне показалось, что он глухой. Будто бы любой шум, что я воспроизводила, он не замечал.

— Извини? Ты в порядке? — спросила я, затаив дыхание и ожидая его ответной реакции.

Ничего.

Я приблизилась.

— Я с церковью. Ты спас меня прошлой ночью. Помнишь? Тебе что-нибудь нужно?

Больше еды, одеял? Не мог бы ты, пожалуйста, поговорить со мной?

Опять ничего.

Абсолютно ничего.

Его серая толстовка была застегнута, скрывая широкую грудь. Плечи были огромными, мускулы видны через толстый материал. Ноги скрещены, сжимая ими открытую керамическую банку, сам он отдыхал на земле.

Мое сердце бешено билось, ладони вспотели, и я нашла в себе силы стянуть с него капюшон.

Материал скользнул вниз, было такое ощущение, как будто я разворачивала рождественский подарок. Нет, это не то что бы безопасно. Я видела его в действии. Он убил человека без угрызений совести. Подойти к нему близко, это как положить руку в клетку дикого животного. Я не знала, опасен ли он для меня или нет.

Сначала появилась часть грязных песочного цвета волос, а затем самое красивое точеное лицо, какое я когда-либо видела. Широкий лоб, европейского типа щеки, сильный подбородок, прекрасные полные губы и щетина, покрывающая его загорелую кожу.

Глаза человека остались опущенными, будто он даже не чувствовал, что с него снимают капюшон. Единственный признак, что он заметил меня вообще, было то, что он крепче сжал свою банку.

Мое дыхание участилось, и все, что я могла делать, — смотреть. Меня поразили его молчаливость и внешность, его неопрятная одежда и надежный вид. Желудок скрутило, руки задрожали, мое лоно начало пульсировать.

Он был идеальным, диким, грубым, суровым — абсолютное совершенство.

— Тебе... тебе что-нибудь нужно? — я снова спросила, мой голос напоминал шепот. — Пожалуйста, поговори со мной, — попросила я, чувствуя, что надежда покидает меня. — Я хочу поблагодарить тебя за свое спасение.

Опять же не последовало никакого ответа, и я поняла, что ничего от него не услышу. Я изучала его резкое лицо. Он выглядел на двадцать пять, но от грязи и засохшей крови, покрывавшей лицо, на самом деле мог быть старше.

Мне с отчаянием хотелось услышать его историю. Почему он здесь? Кто он? Но его молчание оттолкнуло меня. Я вдохнула теплый воздух в попытке успокоиться. Я не знаю, почему это было так важно для меня. Но я должна узнать, почему он собирает деньги. Что за причина? Ему действительно нужна помощь?

Я встала на колени и пару минут просто слушала его глубокое дыхание. Тогда я вздохнула и положила пакет с едой и одеялами ему на ноги.

— Я... я лучше пойду, — заявила я и медленно поднялась на ноги. Я собралась развернуться, когда человек откашлялся, а я замерла.

— Денг... — все, что удалось мне расслышать. Его грубый, глубокий голос звучал неразборчиво.

Я повернулась к нему лицом, голова мужчины была по-прежнему опущена.

— Что? — быстро спросила я и наклонилась, пока мои колени не упали на землю, я молилась, чтобы он заговорил снова.

Его пальцы сжали банку, он наклонился в мою сторону.

— Деньги, — прорычал он.

Я заметно вздрогнула от глубокого тембра в его дико звучащем голосе. Он был первобытным, животным. Я хлопнула рукой по груди, чтобы задышать. Потом опустила

глаза, чтобы попытаться встретиться с ним взглядом, но его подбородок опускался до тех пор, пока не коснулся груди. Он чувствовал, что я пытаюсь посмотреть на него и не позволил мне этого.

Мои легкие наполнились влажным ночным воздухом, и, чувствуя их боль, я спросила:
— Деньги? Тебе нужны деньги?

Мычание сказало мне, что я была права, и я наклонилась ниже.

— Сколько?

Ничего не происходило в течение нескольких секунд, прежде чем его грубые руки отпустили банку, он полез в карман и вытащил потрепанную бумажку. Он протянул мне ее. Я потянулась за обрывком. Когда мой палец коснулся его, меня будто ударило током. Я почти отскочила по инерции. Он, должно быть, почувствовал то же самое, потому как не успели наши пальцы соприкоснуться, он отдернул руку и сунул ее в карман.

Дрожащими руками я развернула мятую бумагу, и посмотрела на цифру: десять тысяч.

Мои глаза посмотрели на человека, чьи полные губы были поджаты.

— Десять тысяч? — прошептала я, но он ничего не сказал. — Десять тысяч? — спросила я громче, передавая свое недоверие. — На что тебе нужна такая сумма?

Его свободная рука медленно сжалась в кулак, из-за чего кожа на руке треснула и пошла кровь. Меня охватил страх, когда я посмотрела, как капельки падают на сухую землю.

— Месть, — прорычал он.

Я поразились тяжести в его голосе, но его грубый голос зажег искры в животе.

— Месть? — прошептала я в замешательстве, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

Его рука разжалась и вновь вернулась на банку.

— Месть... мечь человеку, который солгал.

Я медленно встала, не зная, что делать, не зная, было ли у меня право «финансировать» его... мечь. Я снова захотела его расшевелить, но он был неподвижен, как статуя. Я посмотрел вниз на деньги в банке. У него было около пятидесяти долларов или около того. Он никогда не соберет нужную сумму на улице.

Это было безнадежно. То, что он делал, было безнадежно.

Я провела рукой по волосам и чуть не рассмеялась. Что, черт возьми, я делаю? И я серьезно подумываю дать ему десять тысяч? Для мести? До сих пор сама мысль об этом должна была заставить меня пуститься наутек, но я — принцесса Братвы, единственная дочь Пахана. Мечь кормит нас; она гарантировала, что мы доживем до завтрашнего утра. Мечь была стилем жизни, наследием моей семьи.

И десять штук ничего не значили для семьи Кирилла Волкова.

Я могла получить эту сумму сегодня вечером, взяв из сейфа в тренажерном зале. Никто, кроме меня не знал, что наличность там. В этом спортзале лежали деньги на Рождественское пожертвование для церкви. Но я не знала, что делать. Они были на благотворительность и предназначались для церкви, однако, теперь я была убеждена, что отдам деньги одному человеку, одержимому мечью, хоть и не типичная для Господа идея милостыни, но сойдет для благотворительности. Этот загадочный человек спас мою жизнь. Он убил моего нападавшего, чтобы спасти мою жизнь.

Это были кровавые деньги, плата за грех убийства. Так что эти десять тысяч долларов по сравнению с жизнью?

Нагнувшись, я положила бумажку на банку и пообещала:

— Я вернусь позднее.

Повернувшись, я побежала обратно к грузовику, на мой мобильный позвонил Серж, чтобы забрать меня. Десять минут спустя он прибыл, и я принесла извинения Отцу Хрущеву.

Когда запрыгнула на заднее сиденье автомобиля, Серж повернулся ко мне, беспокойство читалось на его лице.

— Мисс Киса, все в порядке? Что-то случилось?

Покачав головой, я попросила.

— Серж, сделай одолжение. Пожалуйста, можешь отвезти меня в спортзал, потом обратно сюда?

Я посмотрела на него сквозь ресницы, чувствуя, как вина легла тяжелым грузом на сердце.

— Но не говорите папе или Алику.

Серж уставился на меня, и его серые глаза немного сузились.

— У вас неприятности, мисс?

Я отрицательно покачала головой.

— Вы делаете это против воли? — продолжил допрос Серж.

— Нет, — прошептала я. — Это то, что я хочу сделать для кого-то... что-то, чтобы расплатиться с долгом. Но Алик не был бы счастлив. Он подумает, что я нарушила его приказы.

Серж глубоко вздохнул и, опустив голову, повернулся и застегнул ремень безопасности.

— Я надеюсь, что вы не врете мне, мисс Волкова, — сказал он, и я выдохнула, больше не сдерживая дыхание.

— Я не вру Серж. Клянусь.

Серж коротко кивнул и молча выехал на улицу. Некоторое время спустя мы приехали в тренажерный зал. Серж охранял меня, когда я проскользнула внутрь и побежала к себе в кабинет. Быстро открыла сейф, спрятанный в стене, вытащила деньги и сунула в кошелек.

Я закрыла дверь моего кабинета, Серж посмотрел на меня с подозрением в глазах, но я прошла мимо него, не говоря ни слова. Покорно он последовал за мной на улицу в машину.

Через двадцать минут мы оказались на улице, где остановился грузовик с едой, только на этот раз везде было пусто. Грузовик от церкви уехал на ночь, и большинство из бездомных спали под одеялами.

Я вышла, открыв дверь и сжимая сумочку, когда Серж открыл дверь и вышел на тротуар.

— Серж? Что ты делаешь? — в панике спросила я.

Серж сложил свои старые, но все еще крепкие руки на груди, его черный костюм слишком натянулся.

— Мисс Волкова, я согласился сопроводить вас в тренажерный зал и сюда, даже учитывая, что на это не было приказа Кирилла Волкова или Алика, но я не позволю вам ходить по этим улицам в одиночку ночью.

Я шагнула вперед, с умоляющим выражением лица.

— Пожалуйста, Серж. Мне нужно отдать бездомному человеку деньги, и я должна сделать это в одиночку.

Серж раздраженно покачал головой и подошел ко мне, мягко сжав мою руку.

— Киса, что, черт возьми, происходит?

Я опустила глаза.

— Я... я...

Я резко выдохнула и встретилась глазами с Сержом.

— Серж, на меня напали прошлой ночью, когда я выполняла работу церкви. Я была в переулке, где мне сказали быть, и отдала пакет помощи одному из бездомных, когда какой-то парень пытался украсть мою сумочку и приложил лезвие к горлу. Он... он собирался убить меня.

Лицо Сержа приняло смертельный оттенок белого, глаза забегали.

— Кто? Кто, нахрен, напал на члена семьи Волковых? Я убью его!

— Нет! — прошипела я и схватила руку Сержа. — Это то, что я пытаюсь сказать. Другой бездомный пришел мне на помощь. Черт, Серж, он убил нападавшего. Я... я в долгу перед ним, а он нуждается в деньгах. Я хочу помочь ему и дать денег за мою жизнь.

— Черт возьми, Киса! — застонал Серж.

Я слышала злость в его голосе с жестким акцентом.

— Почему, черт возьми, вы не сказали своему отцу, когда вернулись домой?

— Я не могла, Серж. Алик бы вышел из себя. Он не понял бы, что этот человек спас меня. Он подумает, что я что-то чувствую к нему. Алик убьет человека, который спас мою жизнь из-за ревности. Ты знаешь, он запрещает мне говорить с мужчинами.

Я сделала паузу, и слова повисли в воздухе.

— Ты знаешь это, Серж. Ты знаешь, что он это сделает.

Серж проверил, территория была безопасной.

— Пойдемте. У вас десять минут.

Я пошла в направлении, где сидел человек. Завернув за угол, я с облегчением увидела, что он не двигался. Его капюшон надежно прикрывал голову, и его рука по-прежнему держала банку.

— Там, — прошептала я Сержу. Его глаза проследили за тем, куда указывал мой палец... и он попятился в шоке, когда увидел большого нищего.

— Этот человек? Христос, Киса! — сказал он.

Промолчав в ответ, я побежала на улицу, жестом давая понять Сержу, чтобы он отошел назад. Неохотно, но он так и сделал.

Осторожно приближаясь к человеку, я постучала каблуками об асфальт так, чтобы он услышал мой приход. Я встала на колени перед ним и, точно так, как и раньше, увидела, что его руки напряжены. Казалось, он был поражен... или боролся сам с собой.

— Все в порядке... это я, снова... пришла, — сказала я и закатила глаза от того, как глупо это прозвучало.

Это было жалко.

Я была жалкой!

Человек ничего не сказал, хотя не то чтобы я ожидала, что он это сделает. Затем я открыла свой кошелек и, вытащив деньги, стала заталкивать их в банку.

Я продолжала, когда он немного поднял голову и посмотрел, как я заполняю банку до краев. В мгновение ока, он крепко схватил меня за руку. Я не реагировала, опасаясь, что придет Серж. Чувствуя, что краснею от прикосновения его грубой руки, я засунула последние деньги банку и услышала звук его тяжелого дыхания.

— Тут вся сумма, что была нужна, — тихо сказала я.

Вдруг где-то далеко раздался звук выстрела. Это заставило меня подпрыгнуть и посмотреть в сторону Сержа.

— Черт! Оставайтесь здесь! — приказал мой сопровождающий и побежал за угол, чтобы проверить, по дороге вытаскивая из пиджака «Беретту», которая теперь твердо лежала

у него в руке.

Мое внимание снова привлек человек, чья рука выпустила мою. Он закрыл банку и принял вертикальное положение. Как только мужчина поднялся, я тут же вскочила за ним следом, пытаюсь посмотреть ему в глаза. Его голова снова была опущена, и мне хотелось закричать от отчаяния.

Положив банку под мышку, он попятился. Я знала, что он собирался исчезнуть в ночи. Но в момент отчаяния я протянула руку и схватила его за рукав толстовки, потянув на себя. Он вырвал руку и шагнул вперед, в результате чего я в страхе попятилась назад. Спиной ударившись о гладкую стену, я услышала низкий, угрожающий рык, который давал понять, что я не должна была трогать его. На мгновение я испугалась, что он ударит меня.

Выбросив руки в защитном жесте, в то время как его широкая грудь ударилась о мои ладони, я почувствовала жесткие, рельефные мышцы под толстовкой. Когда он толкнулся вперед, руки начали дрожать. Я ощущала его сердцебиение под ладошками — он был измучен и прямо кипел. Каждая часть меня наполнилась страхом, и все усугублялось мерцающим уличным светом, горящим над нами и освещающим его стиснутые зубы.

— Подожди! Я извиняюсь, — быстро сказала я. Тело мужчины застыло. — Я... я только хотела увидеть твоё лицо... прежде чем ты уйдешь. Я хотела увидеть человека, который спас меня.

Темный капюшон медленно наклонялся в сторону, грудь тяжело поднималась и опускалась. Он не хотел, чтобы я видела его глаза. Это только усилило мое любопытство. Держа банку левой рукой, он остановился, прижав мои руки. Воспользовавшись случаем, я осторожно протянула руку и откинула капюшон.

Мои глаза остановились на его лице, как только оно оказалось в моей видимости — сильная челюсть, непослушные песчано-светлые волосы, его загорелые, заросшие щетиной щеки, высокие скулы и...

Я ждала, затаив дыхание, когда он поднял голову и, наконец, встретился со мной взглядом. Он делал это со скрупулезной медлительностью, длинные темные ресницы были опущены, как будто он сражался со своими инстинктами или гравитация мешала ему поднять взгляд. Пока его ноздри раздувались, он тяжело дышал, и, проиграв битву, поднял веки, чтобы показать темную радужку глаз. Его жесткий взгляд вдруг впился в меня.

Затем все остановилось — время, способность дышать... все в мире.

Захлебываясь стоном, моя рука подлетела ко рту, а ноги перестали меня держать. В эту минуту мой зад ударился о твердую землю, холодная дрожь пронеслась по позвоночнику.

Лицо мужчины было пустым, поскольку он возвышался надо мной, я знала, что он смотрел на меня. Он был грубым, суровым, свирепо вглядывался в меня, как убийца, который разрывает свою жертву, как хищник, пожирающий свою добычу. Никаких эмоций не было на его лице: ни сострадания для меня сейчас, сидящей на тротуаре, ни благодарности за щедрое пожертвование. Он был холоден, как арктическая зима... но он был красивым монстром, и я понятия не имела, почему отчаялась.

Услышав звук отброшенной банки в соседний переулок, мужчина натянул капюшон, свою маскировку, и в мгновение ока бросился прочь в темноту.

Я не могла дышать, как ни пыталась. Эти глаза... эти глаза отпечатались в голове, они припаялись к моей душе. Я не могла говорить в шоке от того, что увидела.

Карие глаза... Пара насыщенных карих, левый — с кусочком синего... моего синего... Такие любимые...

Нет... как это могло быть?

Он умер... Умер двенадцать лет назад.

Этот человек был монстром, убийцей, лишенным эмоций, с небольшими способностями к общению. Лука... Лука... был моим лучшим другом, моей любовью, ребенком Братвы... Он умер...

Но... Но...?

— Киса! — донесся голос Сержа сквозь мою панику.

Внезапно появившись передо мной Серж мгновенно подхватил меня с пола на руки.

— Какого черта? — выплюнул он, неся меня обратно к машине, и посадил на заднее сиденье. — Дерьмо!

Он спросил меня несколько раз, но я не знала, что сказать, чему верить... мои мысли снова воспроизводили то, чему я только что была свидетелем.

Карие глаза... насыщенные шоколадно-карие глаза, в левом — кусочек синего... цвета моих глаз.

— Киса! — позвал Серж с водительского сиденья, когда автомобиль двинулся. — Что случилось? Вы не пострадали?

Я покачала головой в ответ на его вопросы все с большим отчаянием, все время сжимая ремень безопасности в кулак трясущимися руками.

— Черт! Тогда что? — продолжил Серж. — Куда делся тот человек? Почему вы плачете? Вы дрожите?

Взгляд Сержа встретился с моим отсутствующим, я была не здесь, а все воспроизводила картину увиденного мной. Это не может быть... Лука... это невозможно... Он мертв...

Мое сердце неистово билось. Серж ударил кулаком по рулю и стал угрожать.

— Киса! Вы говорите мне, что случилось, или я говорю вашему отцу, что вы взяли деньги из спортзала и передали их бездомному человеку, как будто сейчас Рождество!

Тишина заполнила Линкольн. Я сделала глубокий вдох, обняла себя за талию и прошептала.

— Я... я... я думаю, что только что видела призрака...

8 глава

818

— *Итак, вы готовы убивать или быть убитыми?*

В то время, когда я сидел на скамейке в служебном помещении, сотни людей выкрикивали свои ставки за дверь, заставляя мои руки дрожать от волнения. 362 сел передо мной, ухмыляясь с издевкой и обматывая руку белым спортивным бинтом.

Этот парень был занозой в заднице с тех пор, как я приехал месяц назад. Он был на три года старше меня, и был одним из лучших бойцов здесь, в ГУЛАГе, но он сразу же увидел во мне угрозу. Я был на три года младше его, но не уступал в размерах. В течение нескольких недель надзиратель водил меня в тренажерный зал, где обучал методам боя, рассказывая мне, что в ближайшее время будет мой первый бой. Каждый день повторялось одно и то же: я просыпался, тренировался, ел и ложился спать. Это мой заведенный порядок, но мои мечты разрушились с тем мальчиком, которого я видел на ринге. Тем, чьи глаза больше никогда не откроются, чьи кишки были разбросаны на брезенте. Я знал, что будет со мной

в ближайшее время: я буду вынужден убивать или быть убитым.

362 смотрел на меня, ожидая ответа.

— Я собираюсь убить того, кто, бл*дь, выйдет со мной на ринг, — пообещал я.

Улыбка 362 стала только шире от моего озлобленного тона. Я сосредоточил все свое внимание на белом кафельном полу, психологически настраивая себя на все то, что должен был сделать. Я вскочил на ноги, когда шум из клетки стал громче, и понял, что сегодняшний поединок близится к концу. Кожу сотрясала дикая дрожь. Мои мышцы росли, поэтому болели все время. Я постоянно потел и был взволнован двадцать четыре часа семь дней в неделю, даже самая мелкая деталь бесила меня.

— Ты становишься зависимым, знаешь ли, — сказал 362, и я с гневом в глазах уставился на него, огонь ярости промчался по венам.

Его длинные черные волосы мягко легли на спину, и он указал подбородком в сторону двери, которая вела в клетку.

— Там, все мужчины ставят на твою силу, на твою волю к выживанию. Ты станешь зависимым. Ты станешь жить, чтобы убивать... жить, чтобы видеть, как жизненная сила утекает из глаз твоих соперников. В этой клетке мы и Боги, и монстры.

Я сурово поджал губы, все мои мышцы напряглись.

— Никогда, — выплюнул я обратно, мой голос звучал глубже и грубее.

362 просто рассмеялся.

— Это твой первый бой. Ты не представляешь, каким он будет, и что ты будешь потом чувствовать, — насмехался он.

Сжав кулаки, я категорически отрезал:

— Я буду делать то, что мне нужно сделать, чтобы выбраться отсюда. Вот и все. Ты мне не нравишься. Мне не нравится все это.

362 вскочил на ноги и подошел ко мне. Я стоял, под ногами ощущался холодный бетон, и мы встретились лицом к лицу. Я был русским; какой-то грузинский кусок дерьма не может быть лучше меня.

— Не нравлюсь? — спросил 362.

Я стиснул челюсти и уставился в его, бл*дь, мертвые глаза. Он ухмыльнулся, затем шагнул еще вперед, пока его ноги ни коснулись моих.

— В конечном итоге ты станешь в точности, как я. Ты умрешь внутри. Увидишь, ты прольешь море крови. Сначала будешь ненавидеть это, но с каждым разом желание убивать усилится, тебе захочется все больше и больше, это как долбаный наркотик. Ты изменишься. Тем, кем ты сейчас являешься, ты уже никогда больше не будешь. Ты забудешь, кем ты был. Забудешь всех, кого когда-либо любил. — 362 сухо ухмыльнулся, но затем его лицо потемнело. — Я здесь уже давно.

Его голова наклонилась вперед, рот оказался на уровне моего уха, но я стоял крепко.

— И я не имею ни малейшего гребаного представления, кем я был до того, как попал в этот ад. И скоро так же будет и с тобой.

Мое дыхание участилось, а потом 362 отстранился. Прежде, чем я увидел его поднятую руку, он ударил кулаком в живот, я потерял равновесие и упал на землю.

— Наслаждайся первым боем... Я видел твоего противника. Ты не умрешь сегодня вечером, если будешь бдительным.

Последующий плевок на мою щеку заставил меня подняться и встать на ноги. Внезапно из клетки послышался гул аплодисментов. Мое сердце забило быстрее. В подвале

прозвучал выстрел.

Нынешний бой закончился.

Один боец умер.

Другой теперь знает, каково убивать.

И сейчас была моя очередь.

В коридоре снаружи послышались шаги, снялся замок, и стальная дверь распахнулась, в комнату зашел охранник.

— Выходи, — приказал он.

Заглянув в заднюю кабинку раздевалки, я увидел 362, который взял сай и тренировался с ним, он выбрал именно это холодное оружие. Тонкое лезвие вращалось вокруг его пальцев, и когда он посмотрел на меня, лицо не выражало никаких эмоций.

Охранник ухмыльнулся, когда я шагнул ему навстречу и протянул руки. Мой живот напрягся, когда он так смотрел на меня: от отвращения у меня мурашки пошли по коже. Как только мои руки были связаны, охранник потащил меня в темный коридор, вниз по крутой лестнице, дверь открылась — я вышел к толпе мужчин, обступивших клетку. Мое дыхание эхом отдалось в ушах, когда я приблизился к восьмиугольной металлической клетке, где уже ждал начальник ГУЛАГа. Вокруг нее стояли охранники с оружием, принимая деньги у зрителей.

Сопровождавший меня охранник подтолкнул вперед. Затем он расстегнул наручники, схватил меня за шею и швырнул в сторону стола с оружием.

— Выбирай, — потребовал он.

Нервно, я посмотрел, что было предложено: клинки, топоры, сай, цепочки... и в конце пара серебряных кастетов.

— Выбирай! — надзиратель презрительно усмехнулся. — У нас впереди не весь гребаный день!

Двинувшись вперед, я схватил кастеты, сдвинув их на влажные руки, ощущения металла на коже были странными. Охранник схватил меня за руку и, развернув лицом к толпе, указал на ряд вытатуированных чисел у меня на груди — 818. Взоры десятков глаз были направлены на меня, и деньги начали переходить из рук в руки.

Охранник заставил меня стоять, как животное на шоу. Я оглядел незнакомые лица в толпе, сердце гремело в груди, ладони вспотели, а страх неминуемой смерти почти парализовал ноги. Звук выстрела из пистолета прогремел громко и резко, охранник толкнул меня вперед в восьмиугольник. Мальчик, примерно моего возраста, сжимал топор; его толкали в восьмиугольник с противоположной стороны.

Мои глаза были прикованы к нему. Он был примерно моего роста, но тоньше. Он тоже носил только черные шорты, а на груди было выгравировано число — 591.

Когда он ввалился в клетку, моча стекала по его ногам. Я видел, что он, сжимая топор в правой руке, был в ужасе. Дверца в клетке захлопнулась. Надзиратель стоял под дверью и стучал по прутьям, этот звук напоминал раскаты грома.

— Только один из вас выйдет живым. И это, бл*дь, точно. Нет раундов. Без перерывов. Просто убить.

Мои глаза расширились, когда я понял смысл его слов, но я знал, что мне некуда бежать. Я должен был убить этого мальчика, чтобы выжить.

Мальчик посмотрел на меня: по тому, как он стоял, я знал, что он не мог бороться. Мой папа учил меня с юных лет, как заботиться о себе. Я знал, как бороться. Я знал, как

причинить боль... знал, как убивать.

Выстрел прозвучал, вспыхнули лампы. Мужчины били молотком по клетке, как голодные звери; они кричали фразы, которые я не смог разобрать. Надзиратель заорал, чтобы начинали бой, и адреналин наполнил мои мышцы. Я и противник замерли на месте, его глаза в страхе пробежали по толпе.

Мой пульс участился, и звук уныло отзывался в ушах, заглушая рев зрителей.

— Шевелитесь! — надзиратель кричал. Он потерял свое говняное терпение. Наши два охранника, стоявшие у двери позади нас, держали винтовки, направленные прямо на наши головы. Самосохранение взяло вверх; я переместился в центр ринга, а мой противник получил удар по голове от охранника. Мальчик споткнулся и врезался в мою грудь. Крики толпы резко выросли, видя как наши тела столкнулись. Воспользовавшись заминкой, я встал в позу и, выбросив вперед правую руку, ударил мальчика в челюсть. Кровь закапала с его лица. Ошеломленный, он упал и спиной ударился о пол. Понимая, что это мой шанс, я оседлал его и снова ударил по лицу. На его лице отразилось удивление, в то время как удары за ударом сыпались на него. Зубы выпадали на землю, а кастеты рвали его плоть.

— Пожалуйста... — прошептал мальчик, его тихий голос звучал как сирена в центре безумия вне этой клетки, — не убивай меня... я не хочу умирать... я боюсь...

Мои кишки скрутило, только я услышал его мольбу, словно гора свалилась с плеч. Я устал и запыхался. Оглядевшись вокруг тускло освещенной комнаты, я увидел, как завопила кровожадная толпа, и мой желудок сжался в отвращении. Взрослые мужчины. Взрослые мужчины болеют за детей, чтобы они кромсали друг друга, рвали друг друга до смерти.

Вытирая капли пота со лба тыльной стороной моей перевязанной руки, я слез с хныкающего 591 и, пошатываясь, встал на ноги. Охранники подняли оружие, отреагировав на мое движение. Я ударил по прутьям металлической клетки, и она застонала, будто от боли.

— Что ты делаешь, мальчик? — спросил один из охранников. Все, казалось, замедлилось, даже мой пульс.

Надзиратель обошел клетку, пока его сердитое лицо не оказалось в дюймах от моего на другой стороне клетки.

— Вернись и прикончи его!

К горлу подступила тошнота, когда я посмотрел на жесткое лицо охранника. Ему, должно быть, было около пятидесяти, и он был мощным, как танк. Ствол его пистолета был направлен прямо в мой лоб.

— У тебя есть пять секунд, чтобы вернуться туда и убить эту киску, или я пристрелю вас обоих.

Я услышал подобную угрозу, раздающуюся с противоположной стороны клетки. Услышав громкий крик, я повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как 591 побежал на меня с топором. Хотя я и был в шоке, но увернулся и упал на землю — как раз вовремя, чтобы увидеть, как 591 врезался в металлическую клетку, топор жестко ударился о стальные прутья.

Он обернулся, чтобы противостоять мне, у него были безумные глаза, сквозь белые зубы просачивалась кровь. 591 пыхтел, как бешеный зверь. Я знал тогда, что надо делать.

Я испытал гнев, посылая прилив энергии всему телу. Когда 591 напал на меня, я упал и обернул ноги вокруг его тела. Он потерял равновесие, упал на землю, не теряя времени, я запрыгнул ему на спину. Поднял свои кастеты, клинки с шипами, и, направляя вниз,

быстрым ударом проломил нижнюю часть его черепа. В ту же секунду тело 591 застыло подо мной.

Пистолет выстрелил, и толпа взревела, когда кровь начала хлестать из раны 591 на бетонный пол. Я был в шоке и не мог пошевелиться. Глядя вниз, увидел, что мое клинковое оружие было все еще в его черепе. Я вытащил клинки, меня вырвало, когда кусочки кости и плоти вышли с ними.

Чья-то рука грубо схватила меня за шею и потянула. Затем кто-то сильно толкнул ногой 591, его труп перевернулся. Безжизненные глаза 591 уставились на меня, разрывая мое виноватое сердце. Я убил. Забрал жизнь человека.

Пошатнувшись вперед, чему способствовал толчок в спину, я в очередной раз потопал через толпу мужчин, обменивающихся наличные. Мой охранник бросил меня на пол в раздевалке в задней части подвала.

Стальная дверь скрипнула и снова захлопнулась. Я сделал долгие, глубокие вдохи, борясь с болью в животе. Пара босых ног появилась в поле зрения. Когда я посмотрел вверх, 362 возвышался надо мной, разминая мышцы и сжимая сай обеими руками.

— Не думай об этом, — приказал он.

Нехотя я поднял голову, сидя на корточках и закрыв глаза, чтобы не видеть крови, которая забрызгала мою кожу. Когда я открыл их снова, 362 сосредоточил все свое внимание на стальной двери, но затем бросил взгляд на меня и добавил:

— Ты должен забыть об этом. Забудь все, что останавливает тебя на пути к выживанию.

Я медленно покачал головой, сжал кулаки, и меня снова вырвало, когда кусочек кости отвалился от кастета и со стуком упал на землю.

— Блокируй все это. Выживи. Выдержи побои. Выдержи выстрелы. Выдержи пытки электрическим током, чтобы заставить тебя забыть прошлое. Дай им превратить тебя в то, что им нужно. Дай им превратить тебя в монстра. Дай им превратить тебя в дикаря. — 362 помолчал и добавил: — Это единственный способ выбраться из ГУЛАГа. Единственный способ остаться в живых.

Стальная дверь снова распахнулась. Обернувшись, 362 повернулся и крепче схватил свой любимый черный сай. Темная маска легла на его лицо: оно было пустое, настолько опасное, что это вызвало мурашки на моей спине. 362 шагнул в коридор, без наручников на запястьях, без охранника, который выводит из комнаты в клетку. Я онемел и уставился на дверь, потом я услышал, как трибуны взорвались возгласами. Они любили его. Те трахнутые на бошку люди любили 362.

Поджав ноги, я подошел к закопченному зеркалу в вонючей ванной комнате, где пахло дерьмом и мочой, как и везде в этой гребаной дыре. Я вытер стекло, оставляя след от окровавленных насквозь бинтов.

Когда я уставился на свое отражение, то не смог найти мальчика, которого видел всегда. Вместо этого я подумал о моих родителях, но их образы были искажены, так что я не мог представить их лица. Паника пробежала через мои кости, когда я пытался вспомнить их. Но это было бесполезно. Моя память не позволяла мне. Потом, я думал о нем, моем друге, лежащем на земле, пока жизнь утекала из раны в его сердце. Но я не мог представить его лица. Я не мог даже смутно вспомнить, как он выглядел. Вцепившись руками в голову, я крепко зажмурился, воспоминания постоянно ускользали из моего сознания.

Наркотики. Наркотики заставляли меня забыть. Они игрались с моим разумом. Я вспоминал все меньше и меньше, день ото дня.

— Нет! — закричал я. Осколки разбитого стекла осели на бетонном полу. — Я не могу их видеть! Я не могу представить их лица!

Хорошенько подумав, я попытался представить ее... мое солнышко... но она оказалась размытой. Все, что я мог вспомнить, — это безликое заплаканное лицо и бесцветные глаза, смотрящие на меня с разочарованием. Это зрелище заставило мои внутренности скрутиться в страхе... и тогда я увидел его. Тот, кто посадил меня сюда. Лжец. Он не имел лица, ничего не удалось вспомнить, кроме имени, которое теперь всплыло в моем сознании — Алик Дуров. Он был причиной, почему я был здесь, в этой дыре. Я цеплялся за это имя, когда все остальное исчезало из памяти.

Это как будто все двери захлопнулись, и войти в подъезд больше невозможно. Мой мозг начал закрывать мое прошлое, все из моего прошлого, скрывать эмоции, убирая всякое чувство вины за убийство 591.

— Блокировать все это. Выжить, — сказал я себе. Приказ 362 сразу пришел в голову, мышцы напряглись, в то время как мальчик, стоящий у зеркала безвозвратно каменел. Мальчик в зеркале превратился в 818 из ГУЛАГа: местонахождение неизвестно.

Я заблокировал все. Я принял избияния, наркотики, пытки... и все остальное, что они давали мне.

Я сделал все, что было приказано сделать.

И я выжил.

***

Глотая в Бруклине липкий воздух, я проснулся, тело пропиталось потом, пока я спал за мусорным баком, все еще плотно сжимая банку с деньгами и прижимая ее к своей груди.

Сон всплыл в памяти, в голове появились изображения. Расстегнув молнию толстовки, я пробежался пальцами по груди и провел по татуированным номерам. 818. Я плотно зажмурил глаза и увидел того мальчишку, по-прежнему глядящего в зеркало.

Боль разорвала мой череп, когда я попытался вспомнить, наркотики потихоньку выводились из организма.

Арррр!

Мечь, думал я. Забыть о гребаных мечтах и получить реванш. Застегнув толстовку, я посмотрел вверх, на темное, но светлеющее небо.

Наступило утро.

Вскочив на ноги, я вышел из-за контейнера, размял мышцы и сосредоточился на виде тренажерного зала. Внутри горел свет, автомобили въезжали в подземный гараж в сторону здания.

Жгучая кровь пронеслась по моим венам, я накинул капюшон на голову и толкнул двери. Трусливый хер сидел за столом. Я понял, что он обделался еще раз, когда увидел, потому что он снова наставил на меня один из своих пистолетов. Я пронесся к столу, даже глазом не моргнув.

Ствол пистолета прижимался к моей груди, в то время как я положил банку с деньгами на стол. Хер посмотрел сначала на банку, потом обратно на меня. Стащив с табуретки свою жирную задницу, он постучал в боковую дверь.

— Ив!

Я со скукой осматривал зал, челюсти напряглись, а мои ладони по-прежнему сжимали банку. Боковая дверь внезапно распахнулась. Ив прошел в комнату, хмуро смотря на парня за столом.

— Что? — выплюнул Ив, только потом увидев меня, стоящего за письменным столом. Выражение его лица изменилось, он колебался несколько минут, прежде чем спросил:

— Деньги принес?

Я передвинул банку перед собой и кивнул. Ив шагнул вперед и, не пересчитывая деньги, толкнул банку на другого парня.

— Отведи его в офис босса.

Парень исчез, а Ив приподнял подбородок, давая мне понять, чтобы я шел за ним. Я последовал за Ивом, смакуя звук точного рассекания и ворчание мужчин на тренировке. Мою кожу закололо от необходимости тренировки — мне нужно к ним вернуться, чтобы дальше поддерживать тело в тонусе и убивать.

Сталь моего лезвия, кастеты, отяжелявшие карман, напоминали мне о задаче, которую я должен был выполнить.

Ив привел меня в комнату, наполненную десятком мужчин, но мои глаза искали только одного... и он был там, мертвый внутри, но с натренированным телом. Его кулаки сжимали металлический стержень, и он владел им также эффективно, как я и видел до этого.

Я убедился, что мой капюшон был низко натянут на голову.

— Ты получаешь тренажер, тренажерный зал на весь день, и ты будешь появляться всякий раз, когда, бл*дь, мы скажем. Ты ешь здесь, берешь все, что нужно, чтобы сохранить форму и не жалуешься, — говорил Ив, ведя меня в подсобку.

Он оглянулся на меня, видя, как я смотрю на Дурова, и ухмыльнулся, указывая по направлению.

— Это мой боец, Алик «Мясник» Дуров. Он всех хочет победить. Пять раз становился чемпионом. Этот парень гребаный король в клетке. Что означает, что это ублюдок никогда не умрет.

Мои ноздри раздулись от ярости, когда Дуров упал на пол. Достав кинжал, он повернулся к мертвой свинье, висящей вниз головой на крюке. Все заняло всего несколько совершенно точных ударов, сделанных Дуровым, чтобы разрезать свинью пополам. Он стоял спиной, грудь вздымалась, глаза при этом горели, что говорило о привыкании к насилию, с его лезвия под ноги капала кровь.

«Этот ублюдок умрет», — подумал я.

Как будто, почувствовав мой гнев, мою ненависть к мужчине, которого я поклялся уничтожить, Дуров встретился со мной взглядом, но мой капюшон прикрыл глаза. Его глаза сузились, когда он посмотрел на меня.

Чья-то рука схватила меня за плечо, что заставило меня среагировать. Я сжал запястье своей правой рукой, резко развернулся и прижал нападавшего к стене, его рука была почти сломана, когда я рванул ее за спину.

— Эй! Это Ив! — сказал приглушенный голос.

Он был тренером, поэтому я отпустил его и отступил назад. Ив повернулся и пробежал взглядом вверх и вниз по моему телу. Потирая руку, он провозгласил:

— Ты быстрый. Хорошо. Тебе необходимо быть быстрым здесь, в Подземелье.

Я ничего не сказал в ответ, и Ив пошел дальше по коридору. Все еще чувствуя взгляд

Дурова на себе, я оглянулся. Он отдышал и наблюдал за мной.

Следи за мной, думал я. Смотри на человека, который собирается убить тебя.

Ив привел меня в заднюю комнату, где какой-то пьяный валялся в кресле, сжимая бутылку водки в одной руке. Ив выругался и пнул спящего пьяного в ногу.

— Вставай, бл*дь!

Пьяный всхрапнул и проснулся, его мутные глаза тут же остановились на мне.

— Что? — спросил он с тяжелым акцентом.

Ив наклонился вперед и рывком поставил его на ноги, полупустую бутылку водки он разбил об пол. Ив повернулся ко мне, а пьяный пытался сфокусировать взгляд, Ив отметил, что это и есть мой тренер.

— Виктор, у тебя теперь есть боец.

Тренер Виктор, кажется, я где-то слышал о нем. Обойдя Ива, Виктор встал прямо передо мной. Мои губы, сомкнулись, когда старший мужчина схватил меня за мускулистые руки, чтобы проверить, был ли я в хорошей форме.

Виктор прищурил глаз.

— Твое имя?

Я тупо уставился в пол.

— У меня нет имени.

Ив попятился к входной двери, и я мог услышать его, бл*дь, снисходительный смех.

— У тебя есть полторы недели до конкурса. Ты будешь приходить сюда каждое утро. Ты подписался на это. Мы теперь владеем тобой. Ты принадлежишь Подземелью. Кинешь нас, и мы убьем тебя. Скажешь кому-нибудь об этом месте, будет то же самое.

— Понял, — ответил я.

Ив снова засмеялся и посмотрел на Виктора, потом на меня.

— У него никогда не было бойца, который продержался бы первый раунд.

Расстегнув толстовку и не показывая глаз, я заметил улыбку Ива, которая капля за каплей сходила на нет, когда он впился взглядом в мое разорванное, все в шрамах татуированное тело.

— У него никогда не было бойца, как я, раньше. Я несую смерть.

Ив в течение недолгого времени выглядел обеспокоенным, потом сразу же вышел за дверь. Услышав фырканье Виктора позади меня, я повернулся в сторону, сжав в кулак его футболку, и прижал к стене. Его лицо покраснело, он попытался что-то сказать.

— Что...

— Слушай меня и слушай внимательно. Ты мне и нахрен не сдался. Я выиграю в одиночку. Я убью Дурова сам.

Глаза Виктора вдруг загорелись.

— Тебе нужен Дуров?

— Это единственная причина, по которой я здесь, — прорычал я.

Виктор попытался улыбнуться, но я уронил его на пол. Положив руки в карман, я достал кастеты и толкнул в них свои пальцы — сразу успокоился. Это оружие было частью меня.

Виктор поднялся на ноги, его глаза стали огромными, когда он смотрел на мою грудь, а кровь отлила от щек.

— К-к-ак ты ск-а-аза-ал тебя з-о-о-вут? — он заикался. Взяв свою толстовку, я опустил глаза вниз и сразу увидел полки, заполненные припасами. Пройдя через комнату, я взял баночку с названием «черные глаза», окунул пальцы в смазку и намазал черным под глазами.

Вытянув руки, со знакомым хрустом конечностей, и повторил.

— У меня нет имени.

— Нет имени? Тебя никто не назвал? — спросил Виктор у меня за спиной.

«818», — подумал я, но не смел произнести номер вслух. Ловя свое отражение в зеркалах, выстроенных у стены, я увидел татуировку, насильно выбитую на спине. Упав на пол, я начал с нескольких отжиманий.

Когда ноги Виктора появились в поле зрения, я ненадолго замолчал, чтобы сказать.

— Рейз. Единственное имя, которым я когда-либо был назван, Рейз. Потому что я сровняю с землей любого мудака, который встанет у меня на пути. (прим. перев. англ. Raze, можно перевести как сровнять с землей, полностью разрушить, уничтожить)

9 глава

Киса

— Ты расплатилась с Федералами? А любители делать большие ставки, они с нами на все три ночи? — спросила я Талию по сотовому, когда, открыв заднюю дверцу, вылезла из автомобиля и направилась внутрь тренировочного зала в свой кабинет.

— Да и да. Все устроено, — ошетичилась она. Талия была так же квалифицирована и компетентна в организации вечерних боев, как и я. — Нам не хватает еще одного бойца. Что делать с этим?

Я пощипала переносицу носа и плюхнулась за свой стол.

— Займусь этим сегодня. Ив упомянул о каком-то таинственном большом психе, который недавно приходил и проявлял к боям интерес, так что я собираюсь попробовать и развить это.

Талия помогала Ивану с финансами, спонсорами и мужчинами, которых надо было преследовать за непогашенные долги. Она никогда не посещала бои. После потери своего брата много лет назад, Талия не могла быть там, где есть насилие и смерть.

— Хорошо, — сказала Талия с облегчением. — Теперь, когда все сделано, скажи, как ты себя чувствуешь после той ночи? Ты была такой тихой ночью в церкви, слишком тихой, как мне показалось.

Мой желудок сжался при ее словах, и я вздохнула, постукивая пальцами по деревянной поверхности своего рабочего стола

— Я в порядке, Талия. Ты знаешь, почему я была спокойна. Вам было хуже. Эта дата... это слишком сложно, — я помолчала, а затем добавила: — Я чувствую, что мое сердце разрывается все больше и больше с каждым годом. Люди говорят, что время лечит, но это — вздор. Время просто заставляет меня скучать по нему больше, и боль в животе, которая живет годами, только крепчает.

Тяжелый вздох Талии раздался в телефоне.

— Я понимаю. Ненавижу этот день, каждый год одно и то же. Мама не перестает плакать, а папа никогда не помогает; он прячется в своем кабинете. Это всегда такой бардак, они все смотрят на меня, чтобы я все это как-то исправила. Как я могу изменить то, что он сделал? Как я могу вернуть его из мертвых?

— Да, — ответила я, не зная, что еще сказать. На другом конце телефона слышалась тишина. — Ты в порядке, Тал? — спросила я.

Я могла бы поклясться, что слышала сопение, какие-то эмоции от моей обычно ледяной подруги, но вскоре голос Талии оживился.

— Всегда хорошо, Киса, как всегда. Ты же меня знаешь. У меня есть русская толстокожесть. Именно так, — сказала она, переводя тему, как если бы эти слова никогда не были сказаны между нами. — Ты видела своего бездомного защитника снова? Я знаю, что вы снова ездили с отцом Хрущевым прошлой ночью. — Голос Талии был приглушенным, словно она боялась, что наш разговор могут подслушать.

Я повернула голову, убедиться, что дверь в оживленном тренажерном зале была закрыта. Талия воспользовалась моим молчанием.

— Что случилось? — спросила она, в ее голосе слышался намек на волнение. — Я знаю, что эта пауза молчания не просто так, Киса!

Сделав глубокий вдох, я выпалила:

— Я видела его снова, прошлой ночью.

— Киса! — изумилась Талия. — Ты не должна была делать это! Если Алик узнает... твою мать, он сойдет с ума!

Я в панике зажмурила глаза и выпалила:

— И я дала ему десять тысяч...

Я была уверена, что перекаати-поле проехалось по кабинету, пока на той стороне молчала Талия.

— Талия? — позвала я ее, боясь, что она повесила трубку.

— Киса... что происходит, черт возьми?

— Он спас мою жизнь. И он сказал мне, что ему нужно десять тысяч. Это ничего для нас, Талия. Ты знаешь это. Поэтому я дал ему деньги.

— Ты их просто отдала? Без вопросов? — спросила Талия недоверчиво. — Это, вероятно, на наркотики! — провозгласила она.

Холодок пробежал по моему телу.

— Нет.

— Нет? То есть ты знаешь, для чего они ему понадобились? — вставила она.

— Он сказал, что это для... — я сглотнула, зная, как чертовски мрачно это будет звучать.

— Что? — подтолкнула она.

Я сделала глубокий вдох и сказала:

— Мести...

Я позволила этому слову висеть в воздухе. Даже на расстоянии, я могла чувствовать беспокойство Талии, ее тревогу о моей безопасности и, возможно, о моей вменяемости.

— Мести? — тихо спросила она. — Кому, черт возьми?

— Не знаю, — прошептала я, чувствуя себя глупо. — Но я...

— Но что, ты?

— Я ему поверила. Я чувствовала, что они ему нужны. Для мести какому-то парню. Не могу это объяснить. Я чувствую... тягу к нему...

— Киса! Что это с тобой и этим парнем? Ты ведешь себя безумно!

Как я могла объяснить? Как может кто-нибудь, когда-нибудь объяснить необъяснимое?

Образ мужчины, с которого я стянула капюшон и посмотрела в раскрытые глаза, бесконечно прокручивался в голове. Я открыла рот, чтобы сказать Талии, что у него были те же самые глаза...

Но я остановила себя. Я не смогла сказать Талии об ее умершем брате. Я не могла сказать ей, что у этого человека были те же самые глаза... глаза, которые соответствовали моим. Я даже проверила рано утром, когда не могла больше уснуть — гетерохрония. Все совпало. Его глаза были точно такого же цвета, как и у Луки, с тем же пятном моего синего цвета на верхней левой радужной оболочке...

Христос! Может быть, я сошла с ума? Давление этой жизни свело меня с ума?

— Киса? — голос Талии просветлел. — Это из-за предстоящего бракосочетания с Аликом? Ты делаешь это, потому что планы начинают превращаться в реальность? Ты уверена, что хочешь этого?

Нервный смех клокотал у моего горла, когда Талия смолкла, и что странно, слезы навернулись на глазах.

— У меня нет выбора, Талия. Ты знаешь, это правда. Это идеальный брак, мой отец и все члены Братвы должны быть уверены, что все идет нормально. Просто...

— Что? — спросила Талия.

Соленая слеза скатилась по моей щеке. Я вытерла ее, ругая себя.

— Я всегда мечтала выйти замуж за...

— Луку, — мягко ответила Талия.

— Я знаю. Я глупая. Мне двадцать пять лет, а веду себя, как ребенок.

— Нет, — тихо сказала Талия, — просто у тебя разбитое сердце. Иногда оно никогда не заживает. Но...

Я прикусила нижнюю губу, чтобы не разрыдаться.

— Что? — прошептала я.

— Иногда, когда сердце разбивается, это позволяет начать жизнь с чистого листа.

— Тал, — тихо плакала я, на этот раз не сдерживая слез.

— Послушай, Киса, я знаю, что ты испытывала к моему брату. — Она икнула, рыдая, и добавила: — И он любил тебя. Это было так, будто вы были созданы друг для друга, будто были одним целым. Никого не существовало. Это было странно, ведь вы были маленькими.

Мое сердце снова упало.

— Но я должна отпустить его и выйти замуж за Алика. Правильно ли я тебя понимаю?

— Нет! Я имею в виду, да. Я имею в виду... — Талия откашлялась. — Ты должна двигаться дальше, к своему собственному счастью, и не секрет, что я не люблю Алика. Он слишком жесток к тебе, Киса. Он... он меня пугает. Я боюсь, за тебя.

Мое тело напряглось, я ощущала желание защитить Алика.

— Но он нуждается во мне, Тал. Он не справится, если меня не будет рядом. Представь себе, на что он будет способен, если меня не будет рядом, чтобы успокоить его.

— Ты знаешь, что это дерьмово звучит, правда? — ответила Талия в смятении.

— Но от этого правда не делается меньше. Это все, что я знаю, будучи с ним так долго. Я не знаю, как быть без него дальше.

Талия вздохнула.

— Хорошо, Киса. Ты достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принять решение.

Я кивнула, хотя она не могла меня видеть.

— Правда, меня ждет много работы. Чеченцы участвуют в этом сезоне. Это означает, что будут большие деньги, Киса, и что не должно быть никакого дерьма. Держи меня в курсе по поводу нового бойца. Время подходит. Папа беспокоится.

— Я буду. Поговорим позже, Талия.

Я повесила трубку и откинулась на спинку стула. Раздался стук в дверь.

— Войдите! — прокричала я, и Ив просунул голову в дверь.

— Мисс Волкова, мы нашли недостающего. Его сейчас тренирует Виктор.

Огромное чувство облегчения затопило меня, и я схватила ручку.

— Слава Богу! У него есть имя?

Ив пожал плечами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Виктор сказал, что он называет себя Рейз.

Мои глаза метнулись вверх от записей, и я хмуро посмотрела на Ива.

— Рейз?

— Сказал, что у него нет имени. Просто назвал себя Рейз.

Ив открыл дверь.

— Он сейчас на весовых тренажерах, если вы хотите поговорить с ним.

Я кивнула и добавила его в реестр самого низкого уровня. Новички, если их не утверждает отец, получают маленькие деньги. И это не было редкостью для бойцов, не имеющих никаких имен; иногда они предпочитают использовать псевдоним. Единственные люди, достаточно безумные, чтобы бороться до смерти, были убийцы, серийные убийцы, или те, кто погашали задолженности перед спонсорами, либо в действительности перепутали место. Я была уверена, что Алик подходил сразу по нескольким из этих категорий... я отмела от себя эту тревожную мысль.

Чувствуя, что мне нужно прогуляться, я решила пойти проверить нового бойца. Открыла дверь, прошла через маленькие частные комнаты, где бойцы тренировались на весовых тренажерах. Я гордилась качествами конкурсантов в этом году. Мужчины были более жестокими и жесткими, чем в предыдущие годы.

Репутация чемпионата «Подземелья» в темном мире подземных и горных боев росла из года в год. «Подземелье» имело большой авторитет, чем когда-либо, и он равнялся по росту денег. Тот факт, что Быки моего отца были здесь день и ночь, пока тренажерный зал не закрывался, подпирая стены с винтовками, сказывался на психическом состоянии бойцов в этом году. Папа не хотел больше вспыхивания предварительных боев, не нужных смертей, которые случаются каждый год. И он, безусловно, не хотел, чтобы со мной что-то случилось, учитывая то, что некоторые из участников сделали в своем прошлом.

Я держалась гордо, не обращая внимания на похотливые взгляды бойцов, и направилась в заднюю комнату, где тренировался новичок. Услышав отчетливый звук скрипа и звон металлических гирь, вошла в дверь и властным взглядом посмотрела на спину большого человека, которая, к слову, была вся в шрамах и ожогах, красных метках на его коже. У него была огромная татуировка над лопатками, которая гласила — «Рейз».

Новый боец поднимал тяжести, его мышцы резко сокращались при поднятии рук. Он был в отличной форме. Прекрасное дополнение к «Подземелью».

Виктор заметил, что я вошла. Он передвинулся с того места, где стоял, и считал количество раз.

— Мисс Волкова, — сказал Виктор, подходя ко мне, в то время как я продолжала смотреть на Рейза.

Боец не остановился, не посмотрел на меня. Я попыталась открыть рот, чтобы сказать Виктору о тренировке бойца, его форме. Если он будет хорош в клетке, то ему надо выбрать оружие, но я оторопела, когда смотрела на него, поднимающего гири с яростной

интенсивностью. Мои бедра напряглись, когда я почувствовала лужицу влаги между ног.

***

Я прочистила горло, положила руку на лоб, провела ею по нему. Я понятия не имела, что со мной случилось, но вождеделение по отношению к другому мужчине было не... нормально. Я превращалась в шлюху.

Виктор, отвлекая меня, протянул планшет, чтобы я ознакомилась. Пробежавшись глазами по статистике Рейза, я удивилась. Затем бросила взгляд в сторону Виктора, который тоже поднял брови и кивнул головой. У нас был только один боец, который так же усердно работал... Алик.

Я посмотрела на татуировки и шрамы, покрывавшие всю спину этого мужчины. Некоторые картинки заставили меня вздрогнуть: улыбающиеся злые клоуны — вот что могло бы служить описанием тех сатанинских и демонических букв, которыми было выведено «РЕЙЗ». Одни только его татуировки давали мне понять, к какому типу мужчин он относился — смертоносный, неумолимый, рожденный убивать. Однако татуировки ниже привели меня в восторг: они смотрелись как сотни и сотни беспорядочных символов, поднимавшихся с нижней части спины, затем продолжающиеся по бокам, и, как я догадывалась, на животе тоже.

Я сглотнула, когда представила, что могли бы означать эти символы. Убийства. Они отображали количество людей, которых он убил.

Странное чувство зародилось в животе, когда я подумала об этом в первый раз. Он был тем, кто мог соперничать с Аликом. Алик был очень сильным и непобедимым в клетке. Я никогда не думала, что он способен проиграть матч; такое предположение ни разу не пришло мне на ум. Но этот парень, по крайней мере, на бумаге, действительно мог бы стать настоящим соперником.

Я должна рассказать об этом Папе. Рейз не может принадлежать к нижнему рангу. Если он может бороться так же хорошо, как поднимать тяжести, то он должен стать знаменитостью, войти в главный список. Это помогло бы нам получить представление о его прошлом, узнать историю, связанную с его именем.

— Рейз, — позвал его Виктор, пока я вносила заметки в свой блокнот, и я услышала, как об пол стукнули гантели. — Ты должен поприветствовать мисс Кису Волкову. Она руководит здесь всем, для своего отца. Он руководит всем шоу.

Рейз повернулся ко мне лицом; это ощущалось, словно дующий порывами северный ветер. Он привлек мое внимание. Делая последнюю запись в заметках, я подняла взгляд вверх на накачанного и мускулистого мужчину, который стоял передо мной, задыхаясь, соленый пот капал с него прямо на пол. Его глаза были опущены, нанесенные под ними черные отметины помогали скрывать их. Но, повторяя как заклинание, я мысленно просила его показать свои глаза, и, когда он поднял голову, я встретилась взглядом с парой карих глаз, в левом виднелось пятнышко синего... моего синего, цвета моих глаз...

— Т-ты? — прошептала я, словно опьянела от этого мужчины. Это был он. Он! Все стс и восемь килограмм веса. Темная кожей, которую покрывали шрамы, отметины и садистские татуировки. В его глазах всего на мгновение мелькнула вспышка, что он узнал меня, а в следующую секунду его глаза словно онемели, будто он блокировал меня, будто блокировал все, кроме ярости, скрытой в нем.

Я выровняла дыхание, задерживая свой пристальный взгляд на его брюшном прессе и груди, от меня не ускользнуло, как он сжал накаченные бедра, как напряглась и заходила его челюсть, пока я продолжала смотреть.

И его лицо? Наконец-то, я могла изучить его при свете, и Бог мой... он был красивый. Инстинктивно мои губы приоткрылись в удивлении, и тишину нарушил легкий свист. Лицо Рейза покрывала темная щетина, три больших шрама виднелись на его выветренной коже: один опускался вниз до его шеи, другой — проходил по щеке, еще один — прямо над его левым глазом. Но они не делали его менее привлекательным. Нет, по отношению к Рейзу нельзя было использовать «привлекательный». Суровый, грубый, темный, опасный, пугающий... противоположность понятию привлекательности. Но независимо от этого, я не могла отвести свой взгляд.

И потом эти карие глаза с частичкой синего просто буравили мою грудь. Стало слишком трудно дышать, выдавая эффект, который он производил на мое предательское тело. Мои соски стали твердыми, слишком чувствительными к нежному материалу топа. Подобно скользящему движению по ткани, удовольствие толчком отозвалось на клиторе, и мне пришлось бороться с желанием опустить свою руку к киске, следуя за вспышкой от моей груди.

И тогда одна мысль вырвала меня из транса, заставляя прийти в себя, пройдя через адские испытания. Я дала ему десять штук. Он был заинтересован. Я дала ему деньги для его мести... и он купил на них участие в «Подземелье».

— Виктор, оставь нас, — приказала я слишком резко, мое требование было встречено молчанием. Я посмотрела на Рейза, а он оглянулся за спину, напряжение между нами росло. — Виктор, выйди, — скомандовала я снова.

— Мисс. Киса...

— Виктор! Выйди! — прокричала я. Затем услышала, как Виктор вздохнул и вышел из тренажерного зала, хлопнув дверью.

Мое сердце в груди колотилось как барабан, и настолько сильно, что я боялась, его было слышно даже на расстоянии нескольких футов, которые разделяли нас. Его размеры пугали, холодный взгляд пронзал до костей, и мне пришлось бороться с желанием думать о Луке.

Но этот мужчина был не Лука.

Успокоившись, я спросила:

— Почему ты здесь?

Глаза Рейза вспыхнули, он сжал свои губы, но ответа не последовало.

Гнев стал наполнять мою кровь, я подошла ближе, наблюдая, как напряглась его мускулистая грудь, и я гневно спросила:

— Почему?

Из его горла вырвалось рычание, и он приблизился ко мне, пока я не уловила, что аромат свежего снега от его кожи смешался с запахом от его тренировки. Я ахнула, когда Рейз навис надо мной своим большим корпусом, заставляя меня попятиться назад, пока я не врезалась плечами в стену. Я подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом и затаила дыхание.

Его карие глаза потемнели, когда он посмотрел на меня сверху вниз, его лицо стало красным.

— Рейз...

— Месть.

Вены и желваки подергивались в такт его ответу.

— Кому? — прошептала я, наблюдая, как небольшая бисеринка пота спускается вниз по его горлу до самой груди, до того, как мои глаза переместились на его рот. Его губы были полными, верхняя изгибалась в форме сердечка.

Рейз ударил ладонью по стене выше меня, заставляя замолчать, а его голова опустилась еще ниже к моей вздымающейся груди. Он глубоко вдохнул, упиваясь моим ароматом. Его лицо покраснело, и он на мгновение прикрыл глаза, нахмутив лоб.

Рейза начало трясти, его мускулы подергивались, и я могла видеть шторм со скоплением грозových туч в его язвительном взгляде, когда он открыл свои глаза.

— Мужчине, который соврал. Мужчине, который причинил мне зло. Осудивший меня. И превративший меня в это!

Он попятился, хлопая себя по груди. Рейз подошел к боксерской груше и ударил в нее с такой силой, что тяжелая цепь под потолком лязгнула. Рейз наносил короткие удары, назад и вперед, назад и вперед, а я продолжала стоять напротив стены, просто наблюдая за ним.

— Что? Во что он превратил тебя? — осторожно спросила я, и тут же пожалела о своем вопросе, когда на лице Рейза промелькнула обида. По моей спине прошла дрожь.

Рейз замер и поднял забинтованную руку к лицу. Его жест привлек мое внимание, и он сказал:

— В этого убийцу. Этого монстра, которому нужна кровь, надо убивать, калечить, резать.

Мои руки задрожали, взгляд сфокусировался на татуировках. Рейз, очевидно, заметил мой взгляд. Подойдя к скамейке, он взял стальной кастет, потертый, судя по его внешнему виду, и с шипами, которые блеснули в свете флуоресцентных ламп. Я хныкнула.

Рейз подошел ко мне, насаживая кастет на руку и удерживая на мне взгляд. Страх сковал меня. Я пыталась подавить крик. Рейз не остановился до тех пор, пока почти полностью не приблизился ко мне, его руки сжались в кулаки, правый в стальном кастете он поднял до уровня брюшного пресса, его накачанного брюшного пресса в неровных, неравномерно нанесенных чернилами татуировках.

— Мои убийства, — заявил он холодно, при этом его голос звучал так, будто он проглотил разбитое стекло. Страх, появившийся во мне, усилился. Я сфокусировала внимание на его губах, лице, но не увидела ничего, кроме ярости. Это было так, словно любые другие эмоции отсутствовали, и лишь ненависть вырвалась наружу. Ничего человеческого во взгляде... но эти глаза... эти глаза!

— Больше шести сотен, — неожиданно добавил Рейз, возвращая меня в здесь и сейчас. Я проследила за движением его руки и поняла, что он только что сказал.

— Шестьсот, — прошептала я.

Губы Рейза изогнулись в озлобленной ухмылке. Его согнутая в кулак рука с кастетом напряглась, и я услышала, как хрустнули костяшки пальцев:

— Больше...

Рейз подошел еще на несколько футов ближе ко мне, протянул руку и поднес шипы к моей шее. Я не могла дышать, металл скользил вдоль моей кожи, а затем Рейз притянул его к своей голой груди и прошелся вниз по грудному прессу с тремя кубиками.

Когда он проткнул шипами свою кожу, кровь мгновенно проступила, и он потащил их вниз, оставляя неровную, кровавую линию. Все это время он не отрывал своих карих глаз от меня. Я хотела закричать. Хотела остановить его, чтобы он не причинял себе вред. Я хотела

смотреть в эти глаза и представлять себе, что была здесь с Лукой. Моим добрым, красивым Лукой. С карими глазами и синим пятнышком, так похожим на мои глаза.

Но этот мужчина, этот Рейз, был испорченным. Слишком испорченным.

Он не был моим Лукой, не имело значения, как сильно я хотела, чтобы он оказался им.

Убирая шипы от туловища, Рейз направил руку в мою сторону, и я вздрогнула, поднимая вверх свою руку вместе с блокнотом и ручкой, чтобы прикрыть лицо. Ручка была вырвана из моих рук. Рейз положил ее в рот и раскусил пополам, выплевывая кусочки на пол. Чернила капнули на его кожу. Используя сломанную ручку для нанесения новой раны, Рейз сделал надрез, проведя как ножом, и растер чернила в открытой ране.

— Рейз! — пронзительно закричала я. Мне пришлось бороться с желанием выбить ручку из его рук. Но Рейз вскоре и сам отбросил ее, наклонившись своим ртом к моему уху, он сказал:

— Еще одно убийство... еще одного я убью ради тебя.

Как только я успокоилась, Рейз попятился. Он бросил свой кастет обратно на лавку, и, восстанавливая концентрацию, снова начал поднимать гантели и продолжил тренировку.

Похлопывая себя по груди, я сконцентрировалась на дыхании. Что, черт возьми, только что произошло? Кем был этот мужчина?

Рейз сделал паузу, лишь на мгновение, и, не взглянув на меня, произнес:

— Дуров, Алик Дуров из Бруклина, Нью-Йорк. Месть. Убить.

Холодный пот прошиб мою спину, когда он прошипел имя, выплевывая его словно яд. Я выбежала из комнаты, игнорируя Виктора, который прислонился к стене напротив, вбежала в офис и захлопнула дверь. Повернула ключ в замке для полной уверенности, что никто не сможет войти.

Добравшись до стола, я схватила свой телефон и набрала Талию... попав прямо на голосовую почту. Когда прозвучал сигнал, я нарушила тишину:

— Талия! Перезвони. Это срочно. Мне надо с тобой поговорить.

Отключившись, я села за стол, начиная проигрывать в уме, что только что произошло. Рейз был встревоженный. Холодный. Бесчувственный... И меня безумно и необъяснимо влекло к нему. От него пахло свежим снегом, его грубое и небритое лицо, его накачанное и в порезах тело... мышцы, татуировки... то, как он зарычал, когда сказал, что...

Глаза. Я сошла с ума из-за этих глаз.

И он хотел отомстить моему жениху. Зная Алика, это желание могло быть продиктовано любой причиной. Алик годами создавал армию своих врагов.

Что если он убьет Алика? Что если в этом году Алик проиграет?

Я ждала печали, боли, но оцепенела. «Какого черта, Киса!» — выговорила я сама себе, чувствуя, что пора перестать думать о Рейзе, о невозможном.

Тем не менее, я продолжила мучить себя и открыла верхний ящик стола. Зарылась рукой под файлы и нащупала холодный металл, дотронувшись до края. Убедившись, что жалюзи закрыты, я вытащила старую потускневшую рамку и стала рассматривать картинку внутри, поглаживая рукой по стеклу.

Картинка была идеальной: двое детей, одна девочка и один мальчик, летний пляж. Мальчик обнимает рукой девочку за плечи, они так близко друг к другу и улыбаются. У нее светло-голубые глаза, а его карие, только в левом на радужке была такая же частичка голубого, как у девочки.

Они были предназначены друг другу.

Бог создал для них путь, когда они родились, благодаря которому они всегда смогут узнать друг друга, где бы они не находились на Земле.

Я подняла глаза и посмотрела на дверь, представляя глаза убийцы в другой комнате моего тренажерного зала... Рейз? Лука? Теплое чувство охватило меня от такой вероятности. Но нет, конечно, это было...

Невозможно?

Это было невозможно... правда?

Мой телефон зазвонил. Талия!

Я открыла его, вздохнула и сказала:

— Талия... кажется, я облажалась.

10 глава

Рейз

Мышцы болели от веса гантели, адреналин все еще бушевал в венах.

Раз...

Эти глаза.

Два...

Эта улыбка.

Три...

Это лицо.

Четыре...

Эти сиськи.

Пять...

Бросив тяжелые гантели на пол, я протопал к скамейке. Надев кастеты, направился к обтянутой кожей стойке. Я наносил удары, наполняясь чертовски приятным чувством эйфории от шипов, проскальзывающих сквозь обшивку укрепленного снаряда.

Я представлял торс, лицо, гребаную самодовольную физиономию задницы Алика Дурова, но эта женщина, босс «Подземелья», ее запах, окутавший меня, мешал мне сконцентрироваться. Наконец, я остановился и оперся на стойку. Тряхнул головой, мое сознание, как вспышки молнии, наполнились картинками. Песок, жара, мои губы соприкасаются с чьими-то другими. Но я не мог разобрать лица, не мог вспомнить... Черт, я не хочу вспоминать!

У меня одна цель. Один единственный шанс, чтобы убить Дурова, на моих условиях, на моей арене.

Отступив, я поднял кулаки, но лицо Волковой появилось вновь, в моем мозгу, оно не покидало мой гребаный мозг. Член стал твердым. Я обезумел от необходимости кончить.

Эта женщина.

С того момента, как я увидел, что на нее напали, я вынужден был действовать. Я спас ее. Инстинктивно что-то внутри подтолкнуло меня сломать его чертову шею.

И она управляла этим рингом? Она, твою мать, управляла этим смертельным рингом!

Я застонал. Эти сиськи, эти соски, выпирающие поверх ее топа. Отбросив голову назад, я зажмурился. У меня никогда не было женщины. Никогда не проникал ни в одну киску. Никогда не целовал ни одни женские губы. Но ее губы, я хотел их видеть обернутыми вокруг

моего члена.

Бой. Сконцентрируйся на гребаном бое! Я твердил это себе, пока мой член подергивался, изнывая. Новая татуировка, как знак моего недавнего убийства, пульсировала. Я убил из-за нее... постороннего человека, незнакомца.

Разгневанное рычание нарастало в моем горле. Размахнувшись, я ударил кулаком в стойку, и она закачалась от силы моего удара. Кожа разорвалась, и дерево внизу расколосось.

Срывая кастеты, я ворвался в ванную и заперся в кабинке. Прислонившись к стене, сорвал с себя шорты. Схватив мой твердый член, я стал дробить, теряясь в ощущениях.

Я закрыл глаза. Представил лицо Волковой, ее приоткрытые розовые губы, голубые глаза, которые смотрели на меня, затвердевшие соски, сжатые бедра и жар, разливающийся по ее гребаному красивому лицу.

Я зарычал, стал двигать рукой жестче, раскачивая бедрами назад и вперед, когда представил, что склонился над ней, сорвал трусики и погрузил свой твердый как камень член в ее задницу. Тепло, влажно и, как сдавливающие тиски, для моего члена.

Я с силой выдохнул, и теплый поток воздуха достиг моего стояка. Мои яйца напряглись и я, ударяя кулаком по стене, кончил: грудь покрывал пот, дыхание было глубоким и быстрым.

Открыв глаза, попытался успокоиться и вытер с руки горячую сперму. Я вышел из кабинки и заметил Виктора, ожидающего меня около боксерской груши, он с любопытством пялился. Пройдя до скамьи для пресса, я оседлал ее и опустил спиной вниз, схватившись за штангу. Виктор откашлялся.

Игнорируя говнюка, я приподнял штангу с подставки, чтобы начать свои повторения.

Кто-то, вероятно, Юрий, постучал в дверь и приказал:

— Рейз, выйди.

Положив штангу обратно на стойку, я встал и вышел в широкий тренажерный зал, мой взгляд уперся в площадку. Там я заметил бойцов, жаждущих пустить кровь, сдерживаемых, как дикие животные на поводке, тренерами, стоявшими рядом и наблюдавшими за ними.

Затем моя кровь похолодела, когда Дуров двинулся на меня сквозь толпу, его взгляд прищуренных глаз остановился на мне.

Я оставался на месте, борясь с непреодолимым желанием броситься вперед и сломать ему шею. Но я хотел, чтобы его смерть была долгой, очень медленной, унижительной. Дуров размял шею, покачивая ею из стороны в сторону. Мне все еще не удалось вспомнить, как именно он солгал, как отправил меня в ГУЛАГ, но, черт возьми, я не оставлю это просто так. Со временем я вспомню. Каждая клеточка моего существа говорила мне, что этот урод должен сдохнуть.

Алик остановился передо мной, его босые ноги попали в поле моего зрения. Опустив подбородок вниз, я изучал каждое его движение периферийным зрением. Он был создан для смертельных боев. Но таким же, мать его, был и я.

— Рейз, правильно? — спросил он, и я мог слышать, как дурацкая ухмылка растянулась на его губах.

Я продолжал смотреть вниз, мое молчание заставило сделать его шаг вперед:

— В чем дело, не можешь посмотреть на чемпиона? На мужика, который способен убить любой кусок дерьма в этом состязании? — Я не реагировал, хотя моя кровь начинала закипать. — Зайди в эту чертову клетку, — приказал Алик. Один из тренеров открыл

стальную дверь в восьмиугольнике, и, не раздумывая, я вошел внутрь.

Я встал в центре готовый противостоять противнику. Алик резким движением подбородка указал на темного бойца, стоявшего справа, который дважды превосходил меня по размеру, но это не вызывало во мне беспокойства.

— Начни с него.

Тренер бойца указал на дверь, а я остался стоять на месте, мои глаза были прикованы к полу, даже тогда, когда я почувствовал присутствие бойца в клетке.

— Это Турок, он — чемпион Китайского подземелья, — сказал Алик. — Давай глянем, на что ты способен. Победитель тот, кто отправит соперника в нокаут.

Я сжал руки в кулаки так же, как это сделал Турок, который начал разминаться, подпрыгивая на своих больших тяжелых ногах. Слегка наклонив голову вперед, я стал приближаться к нему, наблюдая за его медленными движениями и оценивая, чтобы найти слабое место для атаки.

Турок опередил меня и атаковал первый, заноса кулак для удара. Увернувшись, я ударил в почку, а затем в челюсть прежде, чем дать ему шанс среагировать. Развернулся и медленно отошел прочь, снова опустив глаза вниз, и я слышал, как Турок упал на пол — без сознания.

Среди других бойцов стало нарастать беспокойство, толпа психов желала прикончить меня. Я поднял глаза, уверенный, что Алик не может видеть отсюда мои глаза под черной раскраской.

Глаза Алика вспыхнули от гнева. Он повернулся к светловолосому бойцу и прокричал:
— Ты — следующий.

Блондин вошел в клетку, когда тренер Турка вытаскивал оттуда его нокаутированную задницу. Он не оставил мне времени на подготовку, разбегаясь на меня в полную силу. Когда он настиг меня, я быстро отступил в сторону. Обхватив его за шею, я уличил момент, чтобы разбить его толстый череп о жесткие металлические прутья клетки. Затем я оттащил его назад, и разбил нос, нанося удар своим коленом. Парень упал на пол, рядом с ним появилась лужа крови.

Выпрямившись, я вытер кровь с рук о туловище. От меня не ускользнуло, что Дуров готов выйти из себя. Я заметил его взгляд, метнувшийся влево. Мне удалось проследить направление, и я увидел Волкову, которая вышла из своего офиса. От увиденного на ее лице отразился шок. Потом ее огромные голубые глаза встретились с моими, и я почувствовал пульсирующую связь, что однажды уже возникла между нами. Движение с боку вернуло мое внимание к Дурову, который рванул к клетке. Мои мышцы напряглись, я приготовился к атаке. Неожиданно из дальней части комнаты донесся громкий хлопок, который остановил Дурова в его попытке.

Седовласый мужчина шагнул вперед. Он был одет в длинное черное пальто и костюм, его взволнованный взгляд ни разу не упустили меня из виду. Дуров побледнел, когда увидел мужчину шагнувшего вперед. Он посмотрел на меня, стиснув зубы в разочаровании, вены на груди запульсировали под плотью.

Он тоже хотел, чтобы я умер.

Чертовски идеально.

— Алик, даже не думай заходить в клетку, — произнес мужчина, затем посмотрел на Волкову, и моя кровь стала закипать.

— Киса, подойди, — приказал он.

Киса...

Киса опустила покрасневшее лицо, подошла и встала рядом с ним.

— Новое приобретение? — спросил мужчина, устремив свой холодный взгляд на меня. Его глаза сузились, когда он сосредоточил свое внимание на номере — 818 — татуировке на груди. Я опустил подбородок вниз, избегая прямого зрительного контакта.

— Д-да, — заикаясь, ответила Киса.

Дуров взревел и ударил в ближайшую стену, очевидно, пытаясь снять напряжение. Мужчина даже не дрогнул, зато на его грозном лице появилась улыбка. Этот парень источал силу; он, должно быть, один из главных, босс, Пахан, о котором, мать его, безостановочно рассказывал Виктор. Самый влиятельный человек в Нью-Йорке, безжалостный, с ним не шутят.

— Он должен быть в основном составе, — приказал он Кисе. Она кивнула в знак согласия.

— Какого черта! — прогремел голос Алика, когда он повернулся лицом к Пахану, его туловище было напряжено. Тишина и нервное напряжение повисло в спортзале, пока Алик закипал на месте. Быстро, как вспышка, руки Пахана обхватили лицо Алика, и он толкнул его к противоположной стене клетки. Алик врезался в металл, который от удара зазвенел и начал дрожать.

— Ты окажешь мне немного дьявольского уважения, или я вынужден буду поднять руку и вбить это в твою голову. — Пахан, не повышал голос, сохраняя хладнокровие и спокойствие.

Мне всегда казалось, что молчуны — самые опасные противники.

— Ты. Меня. Понял? Это моя клетка, мой бизнес и ты, мать твою, научишься подчиняться мне. — Алик кивнул, и Пахан, отступил назад. Он поправил свое пальто, словно ничего не произошло, затем его голубые глаза остановились на мне.

— Спускайся, — потребовал он.

Я толкнул дверь стальной клетки и подошел к нему. Его глаза оценивали каждый мой шаг, пока я не приблизился к нему, опустив голову вниз. Пахан обошел меня, своими руками он ощупывал мои мышцы, будто я был куском мяса, после чего последовал одобрителный кивок.

— Мне понравилось то, что я увидел в клетке. Ты будешь одним из лучших и принесешь мне кучу денег.

Он развернулся к трем огромным мужчинам, которые окружали его, но перед этим он наклонился и поцеловал Кису.

— Мы поговорим позже.

— Да, папа, — послушно ответила она. Затем он бросил холодный взгляд на Дурова, который все еще не вышел из клетки и оставался в ней. Через несколько секунд Пахан покинул зал, а Ив стал кричать, чтобы все возвращались к тренировкам. Но я снова почувствовал запах Кисы, ее сладость заполнила мой нос и сделала твердым член. Она тоже не могла сдвинуться с места, ее голубые глаза были устремлены на меня. Я мог чувствовать их тепло. Ее тепло. Ее влечение ко мне. Я мельком глянул на нее снова.

— Не вздумай, твою мать, посмотреть на нее еще хоть раз, или я вырежу твои глаза, — пригрозил мне Дуров, когда проходил мимо.

Дуров подошел к Кисе сбоку и схватил ее за шею, она вскрикнула от его хватки. Каждый мускул напрягся во мне, когда он дернул ее к своей груди, схватив за волосы и дергая голову назад, набросился на ее рот, а из ее глаз в это время капали слезы.

В голове возник образ совсем юной девушки. Плачущей и лежащей на чем-то внизу, и

юноши, который наносил удары другому, чтобы защитить ее.

Затем картинка испарилась, когда Алик отстранился ото рта Кисы и потащил за волосы в офис, а она извинялась перед ним весь путь, что они проделали до двери, пока та не закрылась.

Мой желудок сжался от ревности. Мне пришлось использовать всю свою силу воли, чтобы не ворваться в офис и не оторвать Дурова от губ Кисы. Не в состоянии отвести свой взгляд от дверей офиса, я услышал, как кричала Киса, и как она со стуком ударилась о стеклянное окно. Жалюзи не были закрыты и позволили увидеть, как Дуров сдернул вниз свои шорты, облизал ладонь, проведя ею между ног Кисы. Когда глаза Дурова встретились с моими, в них светилась сумасшедшая одержимость. А потом он вогнал свой член в Кису, сжимая ей щеки, точно так же, как до этого делал Пахан ему.

Мне пришлось сдерживать свою ненависть, наполнявшую мое тело, только и всего. Что-то внутри меня сломалось. Снова возник образ молодого парня, который бьет другого, но на этот раз более реально. Я шагнул вперед, намереваясь оторвать Дурову его чертову голову, когда на мою руку опустилась рука в попытке остановить меня. Поднимая взгляд от коротких пальцев, обернутых вокруг моего запястья, я увидел перепуганное лицо Виктора, глядящего на меня.

Выдернув свою руку, я оттолкнул его, пока он не споткнулся. Возвышаясь над ним, я приказал:

— Никогда, мать твою, не прикасайся ко мне снова!

Виктор поднял руки в успокоительном жесте и, переминаясь с ноги на ногу, нервно показал мне, чтобы следовал за ним в нашу отдельную комнату для тренировок. Не обращая внимания на офис, я последовал за Виктором, войдя в комнату, и он закрыл дверь.

— Я собираюсь сказать тебе что-то важное, прежде чем ты убьешь себя. Алик Дуров — он наследник Братвы, а Киса Волкова его невеста и единственная дочь Пахана.

Слова Виктора лишь усилили мою ярость. Киса принадлежит Дурову. Она была его. Я не хотел слышать это. Твою мать, я чувствовал, что схожу с ума еще больше, услышав это.

Я хотел ее. У меня не было ни единого понятия, кто была эта женщина, почему меня влекло к ней... почему она, блин, портила мои тренировки, но я хотел ее.

Мне захотелось со всей яростью оторвать Дурову член, чтобы он держался подальше от нее. Я становился чертовски невменяемым при воспоминании, когда он трахал ее. Она принадлежит мне; здесь не может быть никакого другого объяснения. Ее сладкий запах, красивое лицо... голубые глаза зовут меня защитить ее.

Жгучая боль пронзила мою голову, заставляя закрыть глаза. Я пытался восстановить дыхание и не обращать внимания на пронзающую боль, но она была настолько сильной, что заставила меня упасть на одно колено.

Ты должна держаться подальше от Алика. Он одержим тобой и очень опасен.

Песок.

Солнце.

Один мальчик.

Одна девочка.

Чувства.

Странные чувства скрутили мои внутренности, приводя меня в онемение

Воспоминания?

— Рейз! РЕЙЗ! Черт возьми, ты слышишь меня?

С трудом моргнув, мое зрение стало возвращаться, и я ахнул. Виктор присел, упираясь на одно колено, напротив меня:

— Ты в порядке, сынок?

Медленно восстанавливая дыхание, мне удалось уменьшить боль, я сделал еще один глубокий вдох и прошипел:

— Я тебе не сын, твою мать!

— Послушай, — прошептал Виктор в отчаянии — держись подальше от Кисы. Держись подальше от Дурова, пока не встретишься с ним в клетке. Не связывайся с Братвой Волкова. Все что их окружает — это смерть.

Выдыхая, я заявил:

— Я и есть смерть.

Я покосился на Виктора, и он побледнел. Затем его взгляд упал на мою грудь с татуировкой в виде номера. Мои накачанные мышцы напряглись, словно чернила опалили кожу. Наклонив голову набок, я наблюдал, как Виктор сглотнул:

— Что? — схватив его за ворот рубашки, я потрянул Виктора.

— Откуда ты? — спросил он, в его голосе прозвучали нотки тревоги.

— Издалека, — ответил я, вспоминая место, где находился ГУЛАГ, о котором мне рассказывал охранник.

На лбу Виктора проступили капли пота и начали стекать на его глаза. Моя губа изогнулась в усмешке при виде такой реакции этого слабого человека, над которым я навис, а затем я поднялся. Через минуту я уже был напротив зеркала, делая жим, а Виктор, стоя за моей спиной, открыл бутылку водки, упал в кресло и начал пить с горла. С каждым жимом двухсот пятидесяти фунтов веса, я слышал, как плакала Киса, пока Дуров трахал ее, видел ухмылку этого урода, когда он врезался в нее, облизывая ладонь.

Несколько часов спустя, когда тренажерный зал опустел, все ушли и погас свет, я прокрался туда через ванную комнату и присел на корточки, устроившись на коврик в моей комнате для тренировок. Этот тренажерный зал станет моим домом, пока Дуров не будет мертв.

Как только я закрыл глаза, передо мной появилось лицо Кисы, и, как эхо, в моем мозгу голос юноши...

Ты должна держаться подальше от Алика, Киса. Он одержим тобой и очень опасен...

Мои глаза резко открылись, и нечеткая картинка стала проясняться.

Киса? Юноша в моих воспоминаниях сказал Киса.

11 глава

Киса

«Подземелье» было полным. Мужчины, жаждущие делать ставки и играть по-крупному, просочились в тоннель, ведущий к сырому подземному складу в доках Бруклина. Это место было хорошо скрыто от общественности, обычных нормальных людей, которым нравится думать, что ничего страшного не происходит у них под носом. От людей, которые верили, что организованные бои на смерть, не больше чем фикция, фантазия телевизионщиков. Счастливые в своем незнании той действительности, с которой была знакома я.

Люди, которые были здесь, сейчас, они были преступниками, отбросами общества.

Ежедневно каждую неделю я приезжала сюда, но ближайшие три ночи были тем, чем славилось «Подземелье» — лучшие бойцы, эти мужчины устраивали шоу и умирали. В этом месте они отдавали все, что у них, было: проливали кровь, делали свой самый последний вздох.

«Подземелье» было тем, чем мы — Братва — славились. Оно было самой большой игровой ареной на всем Восточном Побережье.

Когда Быки выстроились по периметру подвала, контролируя происходящее, центром всеобщего внимания стала клетка. Я осталась в дальней комнате, куда до меня доносились шаги, топот ног, шагающих по старому каменному полу. Волнение о пролитой крови, смерти, наполняло воздух.

«Красные короли», мой отец и Иван, сидели в их отдельной кабине, находящейся в задней части и скрытой от глаз, но с достаточно удобным расположением, чтобы следить за происходящим и наблюдать за тем, как деньги текут в карман. Абрам был с Аликом. Он всегда вертелся поблизости, толкал его, понукал им, а затем наблюдал за своей марионеткой, не отходя от клетки.

На сегодня было запланировано восемь боев, в предпоследнем должен участвовать Рейз, а затем Алик. Они оба были сильными, лучшими бойцами. Я ожидала, что каждый из них сможет выиграть, но здесь, в «Подземелье», точные прогнозы были не уместны. Алик был опытным и полон уверенности, а Рейз? Ну, Рейз был абсолютной загадкой, хотя это место гудело от ожидания боя с его участием. О его мастерстве на арене папа рассказал Ивану, а тот устроил шумиху.

Рейз тренировался всю неделю, мой отец стал чаще задерживаться в тренажерном зале, чтобы посмотреть на него. Он явно становился фаворитом папы. Этот факт сделал Алика еще более неуравновешенным, нестабильным и увеличило собственнические инстинкты. Абрам тоже не испытывал особой радости от вновь прибывших конкурентов его сына.

А я? Я стала полностью одержима Рейзом. Я наблюдала за его тренировками через жалюзи на окне в моем офисе, когда Алика не было в тренажерном зале, чтобы он не заметил меня. Мое тело было словно в огне, когда я наблюдала за его голым торсом, сгибаниями и разгибаниями, как он поднимал вес, или проводил спарринг в клетке либо бегал на тренажере. Мое сердце колотилось, и у меня часто кружилась голова, таковы были ощущения, что я испытывала по отношению к этому мужчине.

Каждая моя мысль была о нем. Рейз всегда приходил первый и уходил последним из тренажерного зала, оставаясь до ночи. Это было похоже на то, что он и вовсе не уходил отсюда. Рейз сфокусировался на том, чтобы стать лучшим бойцом, который когда-либо был у нас. А еще он стал делать нехорошие вещи — смотреть на меня, когда никто не видит. Мужчины говорили о Рейзе. О том, что он никогда не смотрит в глаза, как он яростно тренируется. Но когда я проходила мимо него, чтобы поговорить с тренером, он поднимал на меня свои карие с вкраплением синего глаза, отслеживая каждый мой шаг, как только я появлялась в поле его зрения. Его мышцы напрягались и становились тверже, если я была рядом. Ноздри раздувались, когда он вдыхал мой аромат. Но Рейз никогда не заговаривал со мной. Никогда не общался. Просто смотрел...

Его наблюдение за мной всегда вызывало мурашки на коже, распространяющиеся подобно лесному пожару. Эти знакомые ощущения, возбуждение в животе, я чувствовала последний раз в ранней юности.

— Пять минут, — объявила я резко, когда постучала в дверь первого бойца. Тренер

прокричал, что услышал меня, а я двинулась дальше по коридору к комнате Алика. Он нуждался во мне перед каждым боем. Говорил, что если я не буду рядом, он сойдет с ума, не сможет сосредоточиться и победить. Уверял, что должен знать, где я, чтобы не беспокоиться о моей безопасности. Правда, в том, что он не хотел видеть меня, стоящую рядом с другими мужчинами, а «Подземелье» было наполнено ими. Проще было сделать, как он хотел, а не выслушивать, что это могло повлиять на предстоящий бой.

Он нуждался во мне. Это было очевидно и просто.

Когда я приблизилась к двери Алика, то рядом уловила движение. Я заметила, что Виктор вышел из комнаты Рейза, поэтому я замерла. Рейз был там один. Это был его первый бой, и мне хотелось, чтобы с ним все было хорошо. Мое сердце мучительно сжалось, как и внутренности от мысли, что сегодня я могу его потерять. Боль была настолько сильной, что у меня перехватило дыхание, и я не смогла пройти мимо.

Почему меня так влекло к нему? Я же совсем его не знаю. Ничего о нем, что имело бы хоть какой-нибудь смысл. Он был дикий и необузданный, суровый и грубый. Я знала, он не мой Лука, он не мог быть моим Лукой, но что-то глубоко внутри меня подсказывало, что надо продолжать искать, чтобы узнать наверняка.

Конечно, это необъяснимо! И, конечно, это глупо! И уж тем более было невозможно. Но когда в это так глубоко вовлечено ваше сердце, то логика летит к черту. Я посмотрела на часы и заметила, что было еще рано; у меня есть еще целых пять минут перед тем, как зайти к Алику.

Пять минут.

У меня есть целых пять минут, которые я могу провести с Рейзом.

Я должна убедиться, что он готов к сегодняшнему бою. По крайней мере, это была та ложь, в которой я убеждала себя, чтобы оправдать свое неразумное и опасное поведение.

Я еще не видела Рейза сегодня, и я беспокоюсь о нем. Виктор привел его в тренажерный зал. До этого Алик на весь день закрыл меня в своей спальне и трахал: снова, и снова, и снова. Один раз это было настолько грубо, что остались синяки на бедрах, а мое горло болело от криков.

Алик заставил меня истекать кровью. Он врезался в меня так сильно, что у меня пошла кровь.

— Ты хочешь трахаться с ним, Киса? Думаешь, он лучше меня, прям как твой папа? Хочешь, чтобы Рейз трахал эту киску? — спрашивал Алик, пока грубо толкался в меня, от чего по моим щекам текли слезы.

— Нет, — плакала я. — Малыш, нет. Это не так. Ты все не так понял.

Алик наклонился, приближаясь к моему уху, а его пальцы впились в мои щеки, заставляя меня посмотреть в его наполненные яростью глаза.

— Он наблюдает за тобой, ты знала это? Ни на кого больше не поднимает свои глаза, как чертов трус, но на тебя — смотрит. Ты тоже наблюдаешь за ним? Думаешь, сможешь трахаться с ним, и бросить меня? — взревел он. Алик укусил меня за плечо, когда я покачала головой, пытаюсь сказать нет.

Алик толкался в меня как безумный, а у меня лишь тихо капали слезы.

— Тебе никогда не избавиться от меня, Киса. Я владею тобой. Каждый твой дюйм принадлежит мне. Ты будешь со мной до конца.

Дрожа от воспоминаний, до сих пор чувствуя боль между ног, я действовала инстинктивно и следовала своему сердцу, а не разуму. Я подошла к двери Рейза. Трясущейся

рукой потянулась к ручке двери, хватаясь за нее, и убедившись, что в коридоре пусто, открыла дверь, зашла и заперла ее изнутри. Я сделала это.

Закрыв глаза, прижалась к дереву, и выдохнула с облегчением, потому что Алик не поймал меня. И тут же я почувствовала темное, доминирующее присутствие ...

Рейз.

Мои веки открылись, и взгляд натолкнулся на уже знакомую широкую грудь в татуировках и торс, изуродованный шрамами. Muskusный запах достиг моих ноздрей, и это заставило мою киску сжаться в желании.

Мой взгляд скользил вверх по загорелой коже со шрамами, вдоль накаченной груди, мощной дельтовидной мышце, мимо квадратной челюсти к паре горящих карих глаз.

Он был подготовлен к бою.

Полон адреналина.

— Рейз, — прошептала я, а дальше все слова застряли в горле, потому что он наклонился ближе ко мне, и его дыхание коснулось нежной кожи на впадинке, между плечом и шеей. Рейз поднял руки над моей головой. Потом он сделал вдох, медленный и долгий. Мои веки закрылись, а ладони встретились с горячей кожей Рейза, пальцами я стала неспешно водить вокруг сосков, чувствуя, как горячий стальной член уперся в вершину моих бедер.

Он вдыхал меня, из его груди вырвалось глубокое рычание, когда почувствовал мои цветочные духи. Внимание, которое он давал мне, было почти примитивным... пещерным. Было похоже, что у Рейза напрочь отсутствовали любые манеры, словно он из каменного века, и не существовало границ.

И я еще никогда не была так очарована, настолько загипнотизирована кем-то в моей жизни.

Теплый нос Рейза двинулся в сторону, его теплое дыхание коснулось моего лица. Кончиком носа он потерся о мое ухо, а потом и его полные губы потянулись к моей мочке. По позвоночнику начала разливаться дрожь удовольствия, наполняя каждую клеточку моего тела.

Никогда ранее я не чувствовала ничего подобного. Никогда не ощущала такой подавляющей жажды, такого мгновенного притяжения... такой дикой и ненасытной потребности быть с мужчиной. Это было опасно. Это было навязчивой идеей. Это было запрещено. И хотя это было так неправильно, но ощущалось совершенно правильно.

Мои длинные каштановые волосы обдуло его резким выдохом, когда Рейз произнес:

— Тебе не следовало приходить. Почему ты здесь?

Мне на голову будто вылили ведро холодной воды, я отодвинулась так резко, что ударила головой о деревянную дверь. Рейз отстранился, но лишь на дюйм, что все равно не давало мне возможности нормально дышать. Он оставался в пределах моего личного пространства, что невероятно нервировало меня.

Его темный пристальный взгляд был холодным, а серьезным его делали черные полосы под глазами, хотя был и огонь в его глазах, когда он смотрел на меня. Он не был равнодушен ко мне. Возможно... просто возможно, что он тоже чувствовал эту сильную странную связь со мной.

— Я... Я пришла, чтобы посмотреть, готов ли ты к своему первому бою, — с нервозностью ответила я.

Легкое подергивание щеки и его прищуренные глаза говорили, что мой вопрос был

неприятным.

— Всегда. Я всегда готов. Всегда готов убить.

Я собралась с духом и посмотрела ему в глаза. Знала, что такое невозможно, но эти глаза были так знакомы, словно я знала их всю жизнь. Мой разум наполняли хаос, надежда, сомнения и необходимость узнать как можно больше об этом мужчине.

— Скажи мне свое настоящее имя, — выпалила я.

Лицо Рейза мгновенно изменилось, все чувства отражали черты лица. Он отступил, и я сразу почувствовала потерю, ощутила холод без его горячего тела.

Отступив от двери, я попросила:

— Рейз, пожалуйста, это преследует меня. Это глупо... но мне надо знать твое имя. Ты напоминаешь мне... я просто чувствую, что знаю тебя.

Рейз резко поднял голову и ответил:

— Восемь один восемь.

Мой взгляд упал на большую татуировку на груди. Сбитая с толку, я проследила за цифрами... 818.

— Восемь один восемь? — тихо произнесла я себе под нос, но Рейз точно услышал мой шепот и шагнул ко мне.

Схватив мои руки, он взялся за мой указательный палец и потянул на себя. Мои голубые глаза посмотрели в его карие, и он начал водить по его большой татуировке 818 нашими объединенными руками. У меня перехватило дыхание, сердце стучало, как барабан, словно оно пыталось вырваться и соединиться с его сердцем.

Воздух вокруг нас наполнился электричеством, мои нервные окончания вспыхивали один за другим. Когда моя плоть соприкоснулась с его, тишину нарушил проскользнувший шум первого боя. Взгляд Рейза остекленел, будто он находился в параллельном мире. Затем он наклонился к моим волосам и снова вдохнул их аромат, слегка царапнув мое горло своей щетиной.

Руки все еще оставались на его грудной клетке, мои груди вздымались от потребности.

— Рейз, — прошептала я, чувствуя пламя похоти, которое пожирало мой разум благодаря неконтролируемым своенравным гормонам. Я не понимала, откуда у меня это напряжение. Я не понимала, почему мое желание к Рейзу было таким сильным, очень сильным. Настолько сильным, что я едва могла противостоять ему.

Рейз глубоко вздохнул и произнес:

— Все, что я могу вспомнить, когда вдыхаю твой запах — это песок... солнце... и море. — Он тряхнул головой, и на его лице отразилось недоумение, а в выражении лица промелькнул намек на уязвимость. — Но я никогда не был на пляже, никогда не чувствовал песок под ногами или как пахнет море.

И он расслабился.

Зато каждая клеточка моего тела застыла. Весь воздух вышел из моих легких. Удушающая напряженность росла в моей груди, когда я наблюдала за лицом Рейза и отражающейся гамме эмоций в нем. Я замерла.

Надежда или недоверие наполняли мое сердце?

Невозможно.

Невозможно.

Невозможно, пыталась я убедить себя, но...

Песок, солнце и море...Лука и я...Брайтон Бич...Боже! Пляж, пляж, соленый воздух

запах песка.... Это всегда напоминало мне о Люке. Он всегда говорил мне, что это напоминает ему меня... нашу бухту, наш первый поцелуй.

Мои колени подогнулись, я отшатнулась, чтобы дотянуться до щек Рейза, притронуться к ним, удерживая огромное как камень тело на месте, пока пристально смотрела в эти знакомые гипнотические шоколадные глаза.

— Что? Почему? Почему ты это сказал? Мне?

Глаза Рейза сузились, и он отдернул голову, руки соскользнули с его лица, как опадающие осенью с деревьев листья. Та же холодная манера держаться снова отразилась на его лице, холод, что он всегда носил с собой, ни единого следа уязвимости. Рейз начал вышагивать по дрожащему полу комнаты, как дикий зверь в клетке, как тигр в неволе. Его тело, казалось, занимало все пространство комнаты, а я продолжала чувствовать смущение, волнение, наполнившие воздух вокруг нас.

Рейз несколько раз подряд закрывал и открывал глаза, мотал головой, словно боролся с мыслями в голове. Мышцы его шеи были напряжены или выражали боль?

Господи, похоже, что он страдает от боли.

— Я здесь не из-за тебя, не из-за воспоминаний, которых я не хочу. Я здесь ради мести! — прорычал он, когда его мягкая сторона уступила место ледящему душу убийце. — Я — 818, и я здесь, чтобы отомстить человеку, который солгал. Человеку, который превратил меня в это.

Он обхватил голову ладонями, после чего тряхнул ею. Руки опустились вниз, и он сжал их в кулаки. Затем из него вырвался рев разочарования.

У меня кружилась голова.

Почему он думает о пляже? Почему его глаза были в точности такими, о которых я помнила? Почему он помнил запах песка, солнце и море, когда был рядом со мной?

Не задумываясь о том, что я делаю, решительно шагнула вперед и обхватила лицо Рейза своими руками. Я искала среди резких черт его лица хоть какие-нибудь признаки, но под густой темной щетиной, его шрамами и обветренной кожей не смогла найти ни одного намека.

— Сколько тебе лет? — спросила я, задерживая дыхание.

Рейз замер, нахмурил брови, похоже, что мыслями он был далеко отсюда:

— Я... я не знаю.

Мое сердце сжалось от боли, когда я посмотрела ему в лицо. Его пристальный взгляд выглядел испуганным, он боялся?

В этот момент он напоминал мне маленького мальчика. Именно тогда мое сердце дало трещину, и мне захотелось подарить ему комфорт. Мне, женщине, пожелавшей утешить этого здоровенного брутального убийцу. Но вдруг это был Лука? Что если невозможное — возможно? Тело Луки так и не вернули семье, не опознали, чтобы похоронить...

Мое сердце начало бешено колотиться от тех предположений, что кружились в моей голове. А когда Рейза слегка наклонил голову набок, и на его полных губах появилась усмешка, то мое безумное сердце почти взорвалось...

— Лука, оставь меня в покое! — сказала я, складывая руки на груди, а Лука рассмеялся позади меня, потом подошел и обнял за плечи.

— Ну чего ты, Киса. Я и Родион просто пошутили.

— Ты и мой брат дразнили меня. Когда вы двое вместе, это кошмар!

Лука развернул меня, его потрясающие, красивые глаза сосредоточились на мне. Его улыбка исчезла, он склонил голову набок самым очаровательным образом и поджал полные губы:

— Простишь меня, солнышко?

Я любила, когда он вот так наклонял свою голову набок и поджимал полные губы. Он делал это только в тех случаях, когда ему было жаль или он был смущен. Это делало его невероятно красивым. Мое сердце плавилось, когда он так смотрел на меня.

Вздыхнув, признавая поражение, я поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам:

— Я прощаю тебя, Лука. Я всегда буду прощать тебя.

Дверь распахнулась, вырывая меня из детских воспоминаний. Я тут же опустила руки, кожа Рейза осталась незащищенной и пылала. Потрясенный и пристальный взгляд Виктора встретился с моим, так как он стал свидетелем нашей интимной сцены. Я отскочила и быстро поправила волосы:

— Мисс Волкова? — произнес Виктор. Прощмыгнув мимо нашего грузинского тренера, я выскочила в коридор, и в этот момент дверь в комнату Алика распахнулась, и в проеме показался мой жених в ярости.

Мое тело застыло от страха. Алик с его собственническим взглядом быстро отыскал меня. Меня лишь беспокоило то, что по моему выражению лица он способен догадаться, будто Рейз может быть моим Лукой. Алик ненавидел Луку. До меня вдруг дошло, что он не проявил никаких эмоций, когда Родион и Лука погибли. Я знала это, потому что он был рад оттого, что теперь мог полностью заполучить меня, Лука больше не стоял у него на пути, он получил то, чем хотел обладать.

Губы Алика были напряжены, он гневно сжимал челюсть, пока шел туда, где я стояла, его тяжелые руки схватили меня за предплечья. Он притянул меня к своей влажной груди.

— Где ты, мать твою, была? — прорычал он, двигая своей левой рукой вверх и хватаясь за мой затылок.

— Я... я работала, — ответила я быстро. Чтобы развеять его подозрения, положила свою ладонь на его щеку. — Но теперь я тут, малыш, — успокаивала я его, ощущая, как ослабла его хватка, и он облегченно вздохнул. — Я здесь, чтобы помочь тебе выиграть этот бой.

Алик прижался своим липким лбом к моему, а затем заставил меня пойти в закрепленную за ним комнату, которую он всегда использовал в «Подземелье». После того, как дверь закрылась, он прижал меня к стене, и его руки начали блуждать по моему телу. Я заметила флаконы с креатином, стероидами и таблетками тестостерона.

Как только его палец проник в меня, я закрыла глаза и позволила себе унести себя подальше, на волнах воспоминаний... Алик свободной рукой подтянул вверх мое платье, и начал трахать меня напротив двери.

Я рисовала в воображении пляж. Песок. Солнце и море... я представляла, как Лука целует меня в губы... мой Лука, смотрит на меня, слегка склонив голову набок, и поджимает полные губы. А затем я представила жесткое выражение лица Рейза. Того, кем я была одержима. Я представляла, как бы выглядело лицо Луки, будь он старше, покрытое щетиной, шрамами, с отпечатком жизненных тягот, которые ему пришлось пережить... и часть меня с глупым азартом надеялась, что мой Лука мог быть бойцом из соседней комнаты...

Этим Лукой мог быть Рейз.

12 глава

Рейз

— Что, черт возьми, это было? — прошипел Виктор, пока я стоял в центре комнаты, и моя голова шла кругом от воспоминаний... Жаркий солнечный пляж, целующиеся юноша и девушка... девушка, обозленная на юношу, но прощающая его с улыбкой.

Вопрос Кисы о моем имени и возрасте выбили меня из колеи. Но ничего, ничего не прояснялось; ни одного ответа на вопросы, что она мне задавала. Я оцепенел. Ведь я знал себя только с того момента, как стал бойцом ГУЛАГа, и был одержим мстью. Я научился не думать о том, как меня зовут. Я научился не думать о том, сколько мне лет и откуда я. Я научился принимать, что я просто... был...

Бл*дь!

— Рейз, — резко прервал меня Виктор. Впервые его голос со знакомым акцентом заставил меня замереть.

Я посмотрел в пьяные глаза и подошел ближе, пока не навис над ним. Наклонив голову набок, я изучал его лицо. Виктор был хорошо сложен, высокий, и, если бы не его акцент, то пройти мимо...

Татуировка 818 на моей груди словно прожигала кожу, и я сказал:

— Ты — не русский. Все здесь из России, но ты... у тебя другое произношение.

Виктор побледнел, посмотрел на мою татуировку, а затем снова на мое лицо. Он покачал головой и ответил:

— Нет. Я — не русский.

Подойдя еще ближе, ощущая обжигающий запах алкоголя от его дыхания, сквозь зубы я потребовал:

— Откуда ты? И не лги мне.

Виктор с трудом сглотнул, выражение его лица говорило о том, что он сдался:

— Грузия.

— Ты говоришь, как они, — бурчал я, думая об охранниках, охранниках в ГУЛАГе, которые били меня, унижали, разбирали меня по кусочкам... приходили ночью в мою камеру...

Виктор плюхнулся на стул, стоявший позади него.

— Это потому что я был одним из них, — прошептал он.

Я горел от гнева. Шторм, чертов ураган насилия рос во мне.

— Ты был охранником? — прошипел я сквозь сжатые зубы, мою шею сводило от напряженных мышц.

— Не охранником, а перевозчиком. Но я посещал поединки в ГУЛАГах, иногда даже помогал тренировать некоторых бойцов.

— ГУЛАГах? — повторил я, шокировано. — Их больше, чем один?

Виктор кивнул и вздохнул.

— Их много. Места, где о душах забывают, места, где молодые пацаны исчезают с лица земли, места, где они становятся не более чем сражающимися монстрами.

— Меня? — спросил я сквозь зубы. — Ты знаешь меня?

Виктор покачал головой:

— Нет, лично нет. Я никогда не видел, как ты сражаешься. Но эта татуировка на твоей груди пришла из одного и только одного азартного ринга: грузинского. Твоя татуировка говорит мне, что ты из грузинского ГУЛАГа. Я понял это еще в тот момент, как только увидел тебя. У твоих глаз тот же мертвый взгляд, что и у всех обитателей тех мест. Взгляд, который остается у них, после того как не осталось ничего человеческого.

— Я с Аляски. Мой ГУЛАГ был на Аляске, — добавил я.

Виктор посмотрел на меня и ответил:

— Я был там только раз. Взял бойцов, где они ждали, и доставил их до дверей ГУЛАГа. У меня не было выбора, я должен был оплатить долг своей семьи. Потом они наняли меня в качестве тренера. Я потратил годы, тренируя бойцов для клетки ГУЛАГа, пока меня не купил Пахан, перевез сюда, в Нью-Йорк, чтобы сделать тренером для бойцов Братвы.

Мои глаза сузились.

— Ты преуспел в ГУЛАГе? Твои бойцы побеждали?

Виктор кивнул.

— Было дело. Мои бойцы были непобедимы, пока я не оказался здесь. Меня бы убили, если бы я проиграл.

— А ты не слышал обо мне? 818... Рейз? Охранники так называли меня, Рейз, потому что я уничтожал любого, кто становился на моем пути. Надзиратель заставил меня сделать тату на спине, для зрителей.

Виктор пялился на меня некоторое время, прежде чем рассказал мне все, что я хотел знать.

— Все в ГУЛАГе слышали про Рейза. — Его взгляд опустился, и он уставился на мою грудь. — О... тебе. Все считали, что ты был самым злым сукиным сыном из всех, кто сражался в смертельных клетках.

Наклонившись, я поднял его на ноги, он пытался сосредоточить свой пьяный взгляд. Мне плевать, что он сделал в прошлом. Он тренировал чемпионов. Все, что мне надо от него, так это подготовить меня к финалу... против Дурова.

— Что ж, тогда ты будешь тренировать меня. Ты научишь меня, как убить Дурова.

Виктор отвел взгляд, на его лице появилось странное выражение:

— Я больше не могу нести смерть. Я не могу иметь с этим дело из-за того, скольких детей я передал этим больным ублюдкам. Не могу справиться с тем, скольких детей я убил, тренируя подростков и превращая их в монстров. Я, мать его, сломленный из-за всего этого.

Я встряхнул его, он запрокинул голову назад. Затем заставил его снова посмотреть в мои глаза.

— Да плевать мне на твою совесть. Нечего скулить по этому поводу. Мы убиваем. И ты просто добавишь еще одну смерть к своим окровавленным рукам: Дурова. Я не остановлюсь, пока он не истечет кровью. Я не остановлюсь, пока он не сделает свой последний вздох, зная, что это я послал его в ад. Только после этого ты сможешь пойти и пить дальше, пока твоя печень не сгниет совсем. Мне, мать твою, все равно. Но ты будешь тренировать меня. Ты сделаешь меня победителем.

— Почему? Почему Дуров так важен? Что за история у тебя с ним, если ты всю свою жизнь провел в ГУЛАГе?

Лицо Виктора исказилось. Он утаивал что-то? Но понять это не удалось, потому что он отвел взгляд.

— Не то чтобы я жаловался. Этот засранец само зло. То, как он относится к Кисе, — отвратительно. Но какого черта тебе так важно убить его?

Мой разум затуманился; так всегда случалось, когда я погружался в мысли о мести Дурову. Так или иначе, его имя всегда было в моем сознании, как светящийся красным маяк, напоминая мне, что он должен умереть.

— Я не знаю, почему или как он сделал это. Все, что у меня есть — это потребность отомстить Алику Дурову. Но я также знаю, что он отобрал у меня все. Я чувствую это. Ощущаю это. Я просто знаю, что он должен умереть, а я — выиграть. Больше ничего не имеет значения для меня, только это.

У Виктора отвисла челюсть, я опустил его на землю, и он провел рукой по лицу.

— Хорошо. Я буду тренировать, но ты будешь последним, кого я тренирую. Бл*дь, может, ты станешь моим искуплением. Наконец-то я смогу исправить то, что делал неправильно все эти годы.

Меня не волнует, что он, мать его, говорил и с какими демонами он боролся. Он был пьяным дураком, но я собирался победить Дурова, даже если это последняя вещь, которую я сделаю. И Виктор будет тем, кто поможет мне в этом.

Тяжелый стук в дверь, и голос за ней:

— Рейз! Твоя очередь!

Виктор расправил плечи, когда я проскользнул в мои кастеты, покрутил шейей, чтобы размять мышцы. Я вдохнул, почувствовав запах Кисы, и это придало мне силы, удар адреналина пробудил мои мышцы.

Виктор открыл дверь, и мы вышли наружу, стремительно шагая по туннелю, как чертов торнадо, сметая все на своем пути. Я слышал звук топающих ног, который, как эхо, отражали холодные стены. Туннель был темным, но вскоре пролился свет, показывая мне вход в «Подземелье», место, где я осуществлю свою месть.

Когда мы приблизились, Виктор оглянулся на меня:

— Твой противник — новичок, неопытный, Чеченский Змей. Он садист и убийца. чеченцы прикрыли его от Федералов, а взамен он сражается здесь. Он использует цепь с лезвиями, поэтому старайся держаться ниже. Как только он потянет цепь на себя, наноси удары по туловищу, старайся попасть по жизненно важным органам. Твоя задача — прикончить его быстро. Никакой показухи. Сделай это быстро и просто. Шокируй и заставь трепетать толпу. Сделай так, чтобы другие бойцы начали бояться тебя. Ты сделаешь это, потому что это бой меньше чем за минуту. Этим ты всем покажешь, как надо драться. Станешь новой звездой Братвы и потенциальным противником Дурова. У тебя есть всего пара боев, чтобы выиграть и добраться до финала. Имей это в виду, потому что Дуров всегда участвует в финале.

Я впитывал все, что говорил Виктор, фиксируя, схватывая полезную информацию. Размял суставы, покрутил шейей, настраиваясь на бой. Нервное напряжение поднималось от моих ног к животу, заставляя меня подпрыгивать на месте, подготавливая к захватывающим ощущениям от удара кулаком по плоти, к выходу на ринг и проливанью крови. Мой пульс участился, когда я представил первый удар, брызги крови противника на моей груди, треск его костей под моими ногами. Я могу победить этого зверя, убить его и разделать на кусочки, как мясо.

Виктор хлопнул меня ладонью по лицу, и мои глаза навывкате встретились с его взглядом.

— Ты — Рейз. Ты — смерть. Вперед, мать твою, Дьявол Рейз!

Прорывав сквозь зубы и напрягая свои накачанные мышцы, сфокусировался и прошел по проходу к клетке, а затем взбежал по лестнице к арене. Зверь, посланный убить меня, ходил из стороны в сторону на другой стороне клетки. Мне хватило одного взгляда на эту чертову тушу для битья, притащенную с улиц: у него нет никакой подготовки для участия в борьбе насмерть.

Все признаки его конченных намерений налицо: подергивание шей, самодовольная ухмылка, сокращение мускулов. Его тело нуждалось в убийстве, в том приливе, который приходил вместе с остановкой какого-нибудь сердца. Но эта клетка, мать его, была местом моего доминирования, это все, что я когда-либо знал. А чего этот садистский говнюк, вероятно, убивавший кучу женщин и детей, не знал, так это то, что я отправил на тот свет кучу ублюдков и во много раз хуже, чем он.

Я убивал, потому что должен был убивать. У меня не было другого выбора. Я уже был мертв — лишенный нравственных устоев, свободы, жизни. Я был животным, обученным причинять боль без всяких угрызений совести.

Дверь клетки захлопнулась, задвижка скользнула на место, запирая нас внутри. Мое тело наполнял кровавый туман, который помогал мне побеждать противников. Монстр, таившийся глубоко внутри меня, высвободился.

Чеченский Змей обернул цепь вокруг кулака, раскачивая на конце тройной зубчатый шар.

Он улыбнулся мне, поблескивая золотыми зубами. Я прошел в свою сторону клетки, ожидая выстрела, чтобы я мог прикончить этого больного ублюдка. Через несколько минут к одной из сторон клетки подошел член Братвы. Я тем временем не спускал глаз со Змея, моей цели. Я никогда не упускаю из вида ходячего мертвеца.

Пистолет выстрелил.

Толпа разразилась криком. Змей прыгнул вперед, размахивая своей любимой цепью над головой. Как и предсказывал Виктор, чеченец продемонстрировал отсутствие навыков и он спешил нанести удар первым. Я нырнул, когда зубчатый шар пролетал над моей головой. Используя его поднятую руку себе на пользу, я нанес удар правым кулаком, глубоко вонзая лезвия в почку Змея. И сразу же нанес удар левым — прокалывая лезвиями его легкие. Я наступал, не оглядываясь назад, лишь заметил, как у толпы широко пооткрывались рты и глаза из-за моей скорости. Потом я услышал самый сладкий звук из всех: больной ублюдок, которого я должен был прикончить, упал на пол. Мои удары поставили его на колени.

Повернув голову и опустив по бокам руки, как и ожидалось, я увидел своего противника, который стоя на коленях, закинул голову в попытке вновь использовать цепь. Подскочив к нему так, чтобы встать перед ним, я выдернул оружие из его руки, пнул ногой в грудь, наблюдая, как он падает на спину, кровь полилась из его ран, он захлебывался ей при дыхании. Когда Змей взглянул на меня притупленным взглядом, я взмахнул его цепью и приложил зубчатым наконечником прямо по лицу, посылая ублюдка в ад его же собственным оружием. У него больше не было лица, ничего не разобрать, даже черту.

Как только его череп был раздавлен, зрители пришли в дикий восторг, и прозвучал выстрел. Бросив цепь на окровавленный пол, я выпустил победный рев и прошелся по кругу ринга, волоча свои кастеты по металлическим прутьям, ожидая, пока не откроются двери. Но на полпути что-то заставило меня посмотреть вверх, какое-то необъяснимое притяжение. Я никогда не смотрел вверх, никогда никому не показывал глаза, кроме человека, которого

собирался убить, но в этот раз, я не мог сопротивляться. Выше, над самой толпой, я заметил лицо Кисы. Ее ладони были прижаты к защитному стеклу. На лице отразилось облегчение, затем едва заметная улыбка мелькнула на губах, а ее голубые глаза наполнились слезами счастья.

Я едва мог отвести от нее взгляд. Но когда дверь клетки открылась, я выбежал, мое тело все еще переполняла агрессия, чтобы я мог оставаться на месте, слишком много ненависти к большим ублюдкам в толпе, чтобы поддаться их фальшивой гребаной лесте.

Путь становился свободным, когда я начал пробираться сквозь толпу. Как жертва, бегущая от хищника, инстинкт самосохранения подсказывал им отступить, чтобы избежать опасности. Виктор следовал за мной по пятам. И как только я подошел к входу в туннель, ведущий обратно в комнату ожидания, дорогу мне преградил Дуров с озлобленным выражением лица. Его бой будет следующим, как только в клетке очистят арену. Не останавливаясь, я столкнул его с пути, задев плечом, что вызвало смех из его гребаного рта.

Я продолжал идти, нуждаясь в том, чтобы сжечь лишнюю агрессию, когда услышал от него:

— Представь, 818, я все еще чувствую вкус ее киски на своих губах. Я трахал ее жестко, очень жестко.

Это было похоже на рывок поводка, закрепленного на шее, когда я встал как вкопанный. Мои внутренности скрутило, словно их опалил горящий огонь, инстинкт защитника взял вверх, как только я подумал о Кисе. Глубокий вдох, я пытался взять под контроль свой гнев, но это не сработало. Ничего, твою мать, не помогало. Эта женщина прорвалась сквозь мою защиту, разрушила стены, хотя я вовсе не хотел этого.

Виктор встал передо мной, оставляя Алика вне поля зрения, и посоветовал:

— Пошли. Не давай ему повода для радости.

Я кивнул головой, но не мог справиться с яростью, и тогда боль ослепила меня, а из памяти возникло...

* * *

— *Отвали от нее, Дуров, — сказал юноша.*

Лицо Дурова окаменело.

— *Она — моя. Она принадлежит мне!*

— *Она не хочет тебя. — Юноша подошел ближе и, понизив голос, сказал: — Дуров, она — моя, и если дотронешься до нее еще раз, то я убью тебя.*

На лице Дурова появилась холодная, нервная улыбка.

— *Однажды я заполучу ее, и ты ничего не сможешь с этим поделать. Я не могу оставить ее в покое в этом бикини. Я должен был прикоснуться к ней. Я хочу трахать ее.*

Не раздумывая, юноша, подпитываемый гневом, занес кулак и нанес удар прямо в лицо психопата Дурова, повалив его на землю.

— *Ты сумасшедший! И чертовски больной на голову!*

Дуров улыбнулся, словно не почувствовал удара.

— *Может быть, но она станет моей. Я хочу ее. Она нужна мне. Она успокаивает меня, и я сделаю все, чтобы владеть ею, иметь ее всю для себя и подальше, мать твою, от тебя...*

Картинка всплыла неожиданно, застав меня врасплох. Когда я обернулся на Дурова, наблюдая за ним из-под капюшона, то заметил, то же самое холодное выражение глаз... как в воспоминании. Образ Дурова, когда он был подростком, всплыл из моей памяти.

Дуров улыбнулся той же идиотской улыбкой:

— Она принадлежит мне. Навсегда. Если замечу тебя рядом с ней или ты снова на нее помотришь — я убью тебя.

Сотрясаясь от гнева и почти теряя над собой контроль, я прошептал Виктору:

— Забери меня отсюда. Мне надо потренироваться, избавиться от ярости, иначе я убью его здесь и сейчас!

Виктор не стал игнорировать мои требования. Я последовал за ним по туннелю, подальше от этого ходячего гребаного мертвеца — Дурова. Я усмехнулся, зная, что его дни сочтены, и в скором времени у меня получится плюнуть на его холодный труп.

А затем мой разум переключился на Кису, на выражение и черты ее лица, ладони, прижатые к стеклу. Я вспомнил, эту едва заметную теплую улыбку, появившуюся на ее губах, эти слезы счастья в ее глазах. И впервые... что-то поселилось в моей груди, кроме ярости.

Это было незнакомое и странное чувство, но как только я вспоминал лицо Кисы, я чувствовал что-то знакомое.

Это ощущалось... правильно.

13 глава

Киса

— Ты бы видела его, Талия. Он расправился с Чеченом за секунды. Это было невероятно. Это было тем, о чем все говорили.

— А Алик? — спросила Талия, и я вздохнула:

— Он был как всегда: жестоким и динамичным. Он дрался с Турком. Он поиграл с ним, потому что чувствовалось превосходство в возрасте, и потрошил его своим кинжалом снова и снова. Толпа любит его, Абрам улыбался и с гордостью наблюдал за клеткой, но я не могла смотреть. Это было слишком. Я ненавижу, когда он убивает кого-то вот так медленно, так бесчеловечно.

Талия молчала, а затем произнесла:

— Но ты смогла наблюдать за тем, как Рейз убивал кого-то?

Глядя на фото, где были я и Лука, совсем юные, сжимающие руки, я прищурила глаза, изучая его лицо, его красивое лицо.

— Киса?

— Да? — прошептала я. — Могла. Он не делал из своего противника игрушку. Несмотря на то, что я слышала, что он был безжалостным уличным убийцей и, вероятно, заслужил это. Он не выставил убийство напоказ. Не остался в клетке, чтобы бегать по кругу, наслаждаясь признанием толпы. Он вышел из клетки, а потом я пошла в комнату ожидания, чтобы увидеть его и убедиться, что он в порядке, но он и Виктор уже покинули здание. Я даже не знаю, где он. Полагаю, он остался с Виктором. Он такой скрытный, таинственный.

Прошли секунды, прежде чем Талия сказала:

— Ты точно влюбилась в него, не так ли?

Я открыла рот, чтобы возразить ей, а потом снова закрыла его, отказываясь лгать лучшей подруге. Я хотела поделиться с Талией тем, что думаю о Рейзе, о его сходстве с Лукой. В моих мечтах он был Лукой, который вернулся, после того как исчез, а теперь воскрес из мертвых. Но я также знала, что без доказательств это не имеет никакого значения. Она была его сестрой. Она уже оплакала его, сдержала семью вместе, когда он ушел... умер.

— Я влюбилась в Рейза, — призналась я и услышала трепетный вздох Талии.

— Будь осторожна, Киса. Ты скользишь по тонкому льду. Ты не можешь просто так оказаться в стороне от Братвы, в стороне от семьи, — строго предупредила Талия.

Конечно, я знала, о чем она в действительности предупреждала: что сделает Алик, если начнет подозревать и узнает обо всем.

— Буду, — ответила я, мой телефон издал сигнал, извещая еще об одном входящем звонке.

— Талия, я прощаюсь. У меня еще один звонок... это Алик, — сказала я, внезапно почувствовав себя усталой.

— Ну, лучше ответь ему. Он и так ненавидит меня. Не хочу давать ему еще большего повода. Созвонимся, — пообещала Талия, и я нажала кнопку, чтобы услышать из динамика грохочущую музыку.

— Алик? — прокричала я, удерживая телефон подальше от своего уха.

— Мышка? — кричал Алик, прорываясь сквозь музыку. — Просто звоню проверить и убедиться, что ты дома и в постели.

Мой желудок сжался и на меня обрушился приступ гнева. Алик не беспокоился о моей безопасности. Он просто хотел убедиться, что я вернулась в мою версию клетки, подчиняясь его правилам, принимая его контроль, в то время как он развлекался, затыкая своим членом, как тампоном, чью-то мокрую киску.

— Я дома. Собираюсь идти в кровать, — ответила я односложно.

— Хорошо. Оставайся там, — приказал он строго.

Я закрыла глаза, пытаюсь обуздать свой гнев, когда женский голос позвал Алика пойти вместе с ней в заднюю комнату.

— Где ты, Алик? — спросила я с притворной вежливостью.

Холодное молчание встретило меня и длилось, пока не смолкла музыка, а в динамике послышался звук закрывающейся двери.

— Занят. Неважно, мать твою, где, — мрачно сказал Алик. — Занимаюсь делами с Братвой. Я тут с остальными.

— Ты в «Треугольнике»? — догадывалась я.

Клуб для танцев топless принадлежал Братве, а его отец был в нем менеджером. После боя Алик нуждался в трахе. Как правило, это была я, кто должна страдать у стены в задней части «Подземелья», но на этот раз мы закончили поздно, потому, что Алик рисовался на арене после убийства. Папа приказал мне отправляться домой с Сержем, и, конечно же, он не позволил бы мне оставаться в квартире Алика всю ночь, пока мы не поженимся, поэтому Алик пихал свой член в шлюх. Я знала, что с этими женщинами он демонстрирует свою истинную натуру. Я слышала, что некоторые из них были в таком состоянии, что их пришлось госпитализировать. До Талии доходили слухи, что некоторых женщин, которых он трахал и которые попадали с моим женихом в отдельную комнату, больше никто никогда не

видел и ничего не слышал о них.

Как бы хреново это не звучало, но я была рада, что он направлял свои больные фантазии на них, а не меня. Тем не менее, даже зная, кем является Алик, была уверена, что он никогда не причинит мне боль... нет, если я только не попытаюсь уйти от него. Моя жизнь была в безопасности, пока я с ним и играю роль идеально жены Братвы. Что могло ранить моего отца, ведь он так гордился мной за то, что я выполняю эту почетную миссию.

— Закрой рот, мышка. Я занят, отдыхаю после боя. Твой папа забрал у меня твоё мокрое влагалище, а ты могла бы кричать подо мной сейчас. Несмотря на то, что его сморщенный член сейчас со мной в этом клубе, ему отсасывают шлюхи твоего возраста. Ты знаешь, мне надо потрахаться, но эти телки — не ты, детка, не моя мышка. Они просто шлюхи, лишь вместилища для спермы. Я думаю о тебе все время, пока трахаю их, представляю, что это ты кричишь подо мной, царапаешь мою спину. Ну что? Чувствуешь себя лучше? Ты сейчас оставайся дома, а завтра мы увидимся. И до тех пор, пока ты остаешься внутри, у нас нет проблем. Да?

— Да, — прошептала я в ответ, чувствуя, как мой желудок сжался от боли.

— Я люблю тебя, мышка, — сказал Алик, смягчив свой резкий тон.

— Я тоже тебя люблю, — механически ответила я. И это прозвучало в духе Степфордской жены, а не любящей невесты, сходящей с ума от любви.

Звонок оборвался, я вскочила с постели, приложив ладонь ко лбу в жесте отчаяния. Я ненавидела эту проклятую жизнь, то, что была поймана в клетку благодаря папе и ненормальной одержимости Алика. Мне было двадцать пять лет, Христа ради, а я была заперта как какая-то пятнадцатилетняя девственница.

Временами я ненавидела свою жизнь.

Быки должно быть внизу, защищая дом Пахана, как крепость, и это реально служит для меня преградой, не позволяя выйти через входную дверь, но я должна выбраться. Мне надо выбраться на свежий воздух. И я никогда не нарушала правила, поэтому даже просто предположение, что я выберусь тайком отсюда, заставило меня покрыться холодным потом.

Схватив куртку из шкафа, я накинула ее и подошла к окну. Осторожно открыв его, я перелезла на пожарную лестницу. Передвигаясь на цыпочках вниз по металлической лестнице, я спрыгнула с нее на тротуар. Проверив, что меня никто не заметил, я стала двигаться под покровом тени, иногда поглядывая на ночное небо, представляя взгляд Рейза, с которым я встретила, когда он выиграл бой.

Он смотрел на меня. Он нашел меня среди азартной толпы.

Господи! Я не могла выкинуть его из моей головы! Я сходила с ума, воображая, что этот таинственный бездомный мужчина мог быть моим Лукой.

Звук автомобильных тормозов позади меня заставил обернуться. Передние фары зажглись и ослепили меня. Я отпрыгнула назад, испугавшись, что кто-то преследует меня. А затем лицо Сержа попало в поле моего зрения, он опустил стекло, и его светлые глаза впились в мои.

— Серж! — выпалила я, запыхавшись и в шоке.

— Мисс Волкова, почему вы не дома? Вы же знаете, что вам это не разрешено. — Серж отчитывал меня и, по всей видимости, был взбешен.

— Серж, мне нужен свежий воздух. Мой жених и отец сейчас в топless-клубе. Алик, вероятно, оттягивается со шлюхами, пока я сижу запертой в своей комнате, как капризный ребенок. Он сказал мне никуда не выходить или я взбешу его, потому, что не так должна

себя вести хорошая жена босса Братвы. Так что мне надо немного свежего воздуха, это понятно? Мне двадцать пять, я управляю многомиллионным игорным делом, где на арене сражаются убийцы и психи, и я просто хочу, черт возьми, хочу прогуляться без спроса хоть раз в своей жизни!

Выражение лица Сержа смягчилось, пока я пыталась восстановить дыхание, он остановил автомобиль и открыл дверь с водительской стороны.

— Вам нельзя находиться здесь, Киса. Это очень опасно. Слишком много людей хотят отомстить вашему отцу, Алику, Абраму, Ивану... Черт, забирайтесь! Я знаю, что вы чувствуете себя, словно загнаны в ловушку. Я же не идиот. Я знаю вас с тех пор, как вы были крошкой, но если я нарушу свой приказ, то они убьют меня.

Опустив голову, чувствуя себя виноватой из-за своей тирады, я настаивала:

— Я пока не могу вернуться, Серж. Я задыхаюсь от их правил. Я тону...

Мои глаза наполнили слезы, я тщетно пыталась моргнуть, чтобы не расплакаться, а потом прошептала:

— Я несчастна.

Вдохнув, Серж подошел ближе, чтобы обнять меня.

— Тогда я отвезу вас куда-нибудь. Так я буду уверен, что вы в безопасности, а у вас появится хоть немного свободы.

Слегка наклонив голову назад, я посмотрела на Сержа.

— Отлично, спасибо тебе. Пожалуйста, отвези меня в спортзал. Лучше я займусь работой, если не могу уснуть.

Лицо Сержа расслабилось, он одобрительно кивнул и открыл для меня заднюю дверь. Потом вернулся, чтобы занять место водителя — и вот мы мчимся по улицам Бруклина. Я улыбаюсь, когда вижу из окна группу женщин, спотыкающихся на выходе из бара с друзьями, и пары с обернутыми вокруг талии руками, далекими от всего и наслаждающиеся компанией друг друга, вероятно, они возвращаются домой, чтобы заняться любовью.

Я была рада за них, но чувствовала себя раздавленной и разочарованной. Этого никогда не случится со мной. Я никогда не буду развлекаться с друзьями. У меня никогда, без сомнения, не будет любовных отношений с Аликом. Ревностное обладание — это не любовь. Я хорошо это знаю. Он всегда будет контролировать меня. Я становилась настолько отчаянной в попытке избежать этой участи, что вообразила себе, будто бездомный боец был тем единственным мальчиком, которого я когда-то любила.

Я буду пленницей до самой смерти... это и есть жизнь королевы Братвы.

Принимая решение закрыть глаза, чтобы другие картинки не причиняли мне боли, я откинулась головой на сидении и оставалась в таком положении, пока мы не приехали в спортзал.

Когда я открыла заднюю дверь, Серж собирался проследовать за мной внутрь.

— Нет, Серж, пожалуйста. Я хочу побыть одна, — умоляла я.

Серж замер.

— Мисс Волкова, вы же знаете, что я не могу вас оставить. Это запрещено.

— Я знаю. Пожалуйста, ты можешь просто подождать меня здесь, пока я не буду готова вернуться домой? Пожалуйста... мне надо немного времени, чтобы побыть одной.

Серж уставился на меня, и мой желудок скрутило от мысли, что он собирается отказать мне, затем он вздохнул и покачал головой.

— Я буду ждать вас в машине. Если понадобится, позвоните, — сказал он, вернувшись

в салон и трясая рукой, в которой был телефон, чтобы дать мне понять: он всегда на связи. Подарив ему благодарную улыбку, я открыла боковую дверь и вошла внутрь пустого склада, ведущего в спортзал, где было минимум освещения. Я направилась к месту своего одиночества, в мой офис.

Когда я подошла к двери офиса, то заметила приглушенный свет, пробивающийся из-под двери одной из комнат для тренировок, которые располагались в дальней части спортзала. Я нахмурилась. Никому не разрешалось находиться здесь. Спортзал был закрыт и охранялся, с того момента, как бойцы ушли в Подземелье днем ранее.

Кто-то был здесь.

Страх пробежал по позвоночнику, я поспешила в свой безопасный офис, оборачиваясь, открыла тяжелую дверь, чтобы достать мою «Беретту». Папа настоял, чтобы у меня был доступ к такому роду игрушкам для плохих парней, куда бы я ни пошла — по всему дому и в нескольких секретных местах тут, на работе.

Мое дыхание было неглубоким, отчего страх только усилился. Я медленно и тихо подкрадывалась к комнате, откуда лился свет. Пытаясь взять себя в руки и унять дрожащие конечности, я обратила внимание на то, чья это комната для тренировок.

Остановившись напротив двери, я попыталась успокоиться, сделала глубокий вдох, прежде чем положить руку на ручку двери и повернуть ее. Дверь со скрипом открылась.

Приподнимая пистолет выше, я переступил дверной проем. Первое, что я заметила — циновка на полу и толстое одеяло, что было похоже на самодельную кровать.

Кто-то спал здесь?

Кто?

Застав меня врасплох, чья-то рука закрыла мой рот. Я пыталась кричать, когда меня быстро разоружили и удерживали, словно в тисках. Кончиком моих ушей коснулось теплое дыхание, и мои внутренности скрутило от страха.

Я почувствовала стук сердца в груди напавшего на меня, настолько близко он прижимался к моей спине. Все, о чем я могла думать: мой отец не переживет этого, если меня тоже не станет. Он потерял моего брата, мою мать, а теперь я была уверена, что и меня сейчас, пока злоумышленник не прохрипел:

— Прекрати сопротивляться.

Все волосы на затылке встали дыбом, и каждая моя мышца замерла, подчиняясь его команде.

— Хорошо, — прорычал он. — Не кричи, и я уберу свою руку.

Я неловко кивнула, все еще находясь в плену его рук. Когда я попыталась расслабиться, то он убрал руку с моего рта. Его мощное тело отступило назад и больше не было прижато вплотную к моей спине.

Неуверенная в том, что вообще могу стоять на ногах, я начала поворачиваться, прислушиваясь к глубокому дыханию позади меня. Глухой свет из прилегающей ванной комнаты был единственным источником освещения в темной комнате и, отбрасывая тень человека на стену со старой побелкой.

Задержав дыхание, я начала медленно разворачиваться, и тут же ахнула, когда увидела смотрящего на меня Рейза. На нем были только черные боксеры, его накачанные мышцы, изуродованное тело напряглись, когда он посмотрел на меня гипнотическими карими глазами.

— Рейз? — прошептала я, чувствуя, как ноги превращаются в желе.

Рейз наблюдал за мной, его ноздри раздувались, щеки вспыхнули, потому что жар поднимался к его лицу:

— Киса... — выдохнул он, будто бы он страдал от боли.

Как только мое имя слетело с его губ, в моем животе стало покалывать, начала болеть грудь, а между ног стало влажно. Рейз зажег каждую часть моего тела, как будто оно горело. Подойдя ближе, я почувствовала тепло, исходящее волнами от его тела, его свежий запах поразил меня, и я хныкнула. От груди Рейза исходил грохот. Моя потребность прикоснуться к нему, почувствовать его, выросла до небес. Он сжимал по бокам свои кулаки, скрежетал зубами, и эти голодные глаза, я знала, он тоже хотел меня... отчаянно.

— Рейз, — прошептала я, когда я дотронулась до него, и невольно мой палец потянулся, чтобы пройти по его небритой щеке. На ней не было ни царапины, как и на теле, после боя, который был сегодня вечером. — Почему ты здесь?

От моего прикосновения Рейз закрыл глаза. Посмотрев вниз, я заметил, как он начал твердеть под своими черными боксерами, натягивая ткань своим стояком. Моя рука пропутешествовала вниз, по коже Рейза пробежали мурашки от моего прикосновения, он приоткрыл свои полные губы, позволяя сквозь них выскользнуть медленному шипению.

В этот момент я не думала об Алике, моем отце, моем долге, как Волковой, или даже последствия того, что я касалась Рейза, как сейчас. Потребность вырваться на свободу подальше от жизни, удушающей меня, толкала меня вперед, делая безрассудной в моем выборе.

Все, о чем я могла думать, каким же красивым был Рейз. Насколько сильным и бесстрашным, насколько роковым, насколько грубым. Он был диким. У него отсутствовали навыки общения, будто он был лишен понятия, что представляет собой обычный человек. Он был грубым и агрессивным, но его выразительные глаза, когда они смотрели на меня, заставляли чувствовать себя в безопасности, заставляли меня чувствовать, что там внутри есть кто-то еще... кто-то соответствующий моей душе. Это давало мне веру, что он не монстр, каким кажется.

— Я сплю здесь, — наконец ответил он. Его тело по-прежнему оставалось неподвижным, и я продолжала удивляться его мускулам, упиваться демоническими татуировками, задаваясь вопросом, почему он выбрал такие злые образы, чтобы навсегда выгравировать их на коже.

Мой палец прекратил свое исследование, и я подняла глаза, чтобы посмотреть на него.

— Ты остаешься здесь?

— Мне больше некуда идти, — ответил он грубо. От этого мою грудь сдавила боль, будто мое сердце расколосось пополам.

Рейз опустил голову, чтобы избежать моего сочувствующего взгляда.

Я подняла палец и слегка приподняла его подбородок.

— Откуда ты?

Эмоции на мгновение изменили выражение его лица, и он прошептал:

— Из ада.

Мое внимание привлекло изображение демонов на его груди, номер, затем его отметки... и наконец, новейшее дополнение в виде царапины на его коже — убитый им, сегодня, вечером.

Воздух, казалось, пульсировал вокруг нас, какая-то невидимая сила толкала нас друг к другу. Шея Рейза напряглась, и от этого стала заметна каждая выступающая вена. Ему

приходилось физически сдерживать себя от меня.

Я боролась с притяжением, напрягая бедра и переминаясь, чтобы облегчить давление на клитор. Но когда мои ладони коснулись груди Рейза, и его горячая кожа обожгла мои ладони, он наклонился, упираясь носом в изгиб моей шеи.

Я застонала, когда он выдохнул и прорычал:

— Я хочу тебя.

Три слова. Три простых слова стали моей гибелью. Звучало грубо, доминирующе, но для моей души это была настоящая поэзия.

Не давая мне времени на раздумье, Рейз схватил меня за руки и заставил отступить назад, пока моя задница не уперлась в стену. Он дышал в мою шею. Выпустив голодный стон, мои руки схватили его рыжеватые волосы, я откинула голову, давая ему больше доступа. Потом он проскользнул бедрами между моих ног, и его твердый член задел мой пульсирующий клитор.

— Рейз! — закричала я от нахлынувшего удовольствия, и еще сильнее потянула его за волосы.

Рейз издал звук, похожий на рычание дикого животного. Он отклонился, и, смотря в мои голубые глаза, я видела, как в его карих глазах отразилась неуверенность, когда он нервно спросил:

— Могу я взять тебя?

Мое сердце забило так быстро от того, насколько серьезное желание отразилось на его лице, что я думала упаду в обморок или жар разрушит меня на миллион кусочков.

Рейз зажмурил глаза, обнимая меня и держа очень близко, будто боялся, что я попытаюсь убежать.

— Могу я взять тебя? Я хочу взять тебя... мне надо взять тебя, — прошептал он, его низкий голос звучал гортанно, грубо и напряженно, как натянутая веревка.

Отбросив любые опасения и освободив разум, я обвила руками его плечи и, слегка задевая губами его ухо, прошептала:

— Можешь взять меня, Рейз. Можешь взять меня всю.

Рейз замер на долгие пару секунд, а потом я почувствовала медленное влажное прикосновение его языка, который двигался вверх по моей шее — он начал действовать.

Его руки больше не удерживали меня. Следующее мгновение — и моя рубашка разорвана, пуговицы разлетелись по полу. Лицо Рейза отражало полную решимость, он был поглощен своей похотью.

Мои груди налились и едва помещались в лифчик, требуя прикосновений. Сфокусировав свои карие глаза на моей вздымающейся груди, Рейз разорвал бюстгальтер, оголил их, и сразу же его рот припал к затвердевшему и приподнятому соску. Его язык яростно терзал мою плоть, мои глаза закрылись от нахлынувших ощущений. Я почти кончила от его горячего рта на моей коже.

— Рейз, — прошептала я, сжимая своими руками его мускулы и становясь все более настойчивой от прикосновения к его грубой коже со шрамами.

Необузданное и дикое рычание вырвалось из горла Рейза. Его руки опустились к моим штанам по бокам. Разорвав их пополам, он бросил куски ткани на землю. На мне остались только черные стринги, и я все еще сжимала своими руками бицепсы Рейза. Он отступил назад и его широко открытые глаза упивались моим видом с головы до ног, его член от тяжести почти разорвал боксеры. Все еще пораженный моей голой грудью, Рейз опустил

руку в боксеры и начал двигать ею вверх и вниз по члену, что должно быть было лучшей пыткой в мире.

— Рейз... ты нужен мне. Я тоже хочу тебя, — стонала я, сжимая свою грудь и пощипывая соски, пока наблюдала, как этот обычно все контролирующий мужчина медленно сдаётся.

Проворчав что-то, чего я не смогла разобрать, Рейз рывком сорвал свои боксеры, и я увидела его длинный толстый член. Я почти упала в обморок от того, каким сильным и диким он был, представляя, что он берет меня... клеймит собой.

— Рейз, пожалуйста — попросила я снова, и на этот раз в нем что-то сломалось. Наклонившись вперед, его руки ухватили мои трусики, и, слегка присев, он сорвал с моего тела последний кусочек ткани.

Теперь я стояла перед ним абсолютно голая.

Его мозолистые руки легли на мои бедра, заскользили вверх по изгибам, по моей талии перед тем, как обхватить мою грудь. Я наблюдала за его глазами, наполненными потребностью, проскользнула своей правой рукой вниз мимо его стального пресса, и обхватил ею его член. Рейз откинул голову и зашипел, потом ущипнул меня за сосок, а я начала медленно водить своей рукой вверх и вниз, наслаждаясь зрелищем, как он сходит с ума.

Рейз хлопнул левой рукой по стене, его бедра раскачивались взад и вперед в такт движениями моей руки. Его глаза были закрыты, рот открылся; от его вида захватывало дух, и я попросила:

— Поцелуй меня.

Рейз внезапно замер, распахнул глаза, и то синее пятнышко, казалось, сияет как чистейшая гладь моря на фоне темного коричневого полотна.

Мои брови нахмурились от его странной реакции, он отошел на несколько шагов, и мое голое тело сразу ощутило холод.

— Рейз? — задала я вопрос, а он начала расхаживать передо мной туда-сюда, он выглядел потерянным и паниковал.

— Рейз? — повторила я снова, и его глаза скользнули ко мне, а потом в другую сторону. Я чувствовала, как наша связь ускользает. И я понятия не имела, что сделала не так.

Почувствовав озноб на своей голой коже, я закрыла грудь руками, тогда из Рейза вырвался стон огорчения, он снова подошел ко мне, грудью и бедрами, прижимая меня к стене, а его большие ладони легли на мои щеки. Свой взгляд он сосредоточил на моих губах, он почти задыхался, но мое сердце упало оттого, что я заметила нервозность в его глазах.

Мои руки обхватили его щеки, и Рейз посмотрел на меня.

— Рейз? — спросила я. — Ты раньше целовал кого-нибудь?

Сначала неопределенность, а потом, возможно, и волна смущения отразились на его лице.

— Я... я не знаю, — ответил он тихо. — Я не помню.

Слезы зажгли глаза. Что, черт возьми, случилось с ним? И откуда, черт подери, он пришел?

— Ничего страшного, — сказала я и начала наклоняться к нему. Рейз напрягся. Он был похож на статую, пока мои губы парили в нескольких сантиметрах от него, и затем я прошептала:

— Будешь моим?

Мое сердце бешено колотилось.

Рейз расслабил плечи, и я использовала этот момент, чтобы прижаться своими губами к его. Мое сердце мгновенно стало больше, и ощущение от слияния душ наполнило меня так сильно, что это было почти невыносимо.

Руки Рейза легли на мои щеки, и сначала неподвижно, а потом, сминая и доминируя, его губы нашли мои. Это все что требовалось. Одно прикосновение, один поцелуй, и что-то щелкнуло у него внутри, когда он овладел моим ртом, проникая в него своим языком, контролируя меня.

Ощущая влажность между бедер, я стонала и начала тереться об его бедро, затем подвинулась так, что его член оказался напротив моей киски. Я пыталась разорвать поцелуй, но Рейз словно слился со мной. Он не отпускал. Он владел мной через поцелуй, брал меня, полностью овладевал мной.

Моя рука проскользнула вниз между нами, я обхватила его яички, массируя их в своей ладони. Рейз выпустил рев в мой рот, и своими бедрами стал толкаться в мою руку, его член скользил по мокрым складочкам моей киски.

Оторвавшись от него, я потребовала:

— Трахни меня, Рейз... трахни меня.

И это было достаточно. Через секунду Рейз повернул меня и согнул над скамьей, стоявшей поблизости, своей щекой я прижалась к твердой древесине. Я даже не думала о защите. Пусть это и было глупо с моей стороны, но мне было все равно. Я была на таблетках, и в тот момент этого было достаточно.

Что-то внутри меня подсказывало, что я должна доверять ему.

Я почувствовала, как его пальцы сжали мои ягодицы, он продолжал удерживать меня, как в ловушке, и я всхлипнула от его грубого захвата. Потом его пальцы неожиданно скользнули между половинок моей задницы, что заставило меня всю напрячься.

— Рейз, — завопила я в тревоге, когда его палец толкнулся в мою тугую дырочку, и я попыталась встать. Он удерживал меня своей твердой рукой, страсть сменилась паникой, пока я сопротивлялась этому нежелательному вторжению. Палец он тут же вытащил, но, когда я оглянулась, то увидела его кулак, обернувшийся член, и головку, направленное на это место. Я начала бороться, чтобы подняться со скамейки, ощущая, что кончик члена уже прижался к анальному отверстию. Я не хотела, чтобы он туда проник.

— Рейз! Остановись! — приказала я.

Он сжал челюсть и уставился на меня.

— Не сюда! — умоляла я, наблюдая, как он пришел в замешательство. Мой страх на этот раз сменила грусть, когда до меня дошло, что он не понимает, почему я протестую.

Сдерживая себя, я произнесла:

— Ниже.

Я видела, что Рейз опустил взгляд на мою киску, и на его лице отразилась растерянность.

— Ниже, трахай меня в другое отверстие, — руководила я, пока разрушительная правда доходила до моего сознания.

Рейз, откуда, черт возьми, ты взялся?

— Я не понимаю, — выдохнул Рейз, и его тело напряглось от беспокойства.

Обернувшись, я взяла его член и провела им по своей киске. Когда он уперся во вход, а его мощные бедра прижались ко мне сзади, я сказала:

— Теперь толкайся. Трахай меня сюда.

Взгляд Рейза сосредоточился на его готовом войти члене. Притягивая меня за бедра, он начал толкаться вперед, проскользнув кончиком в мое влагалище. Затем он неожиданно остановился, и я расслабилась, наслаждаясь ощущениями, как раз в то время, когда Рейз почти болезненной хваткой вцепился в мои бедра и продвинулся вперед, врезаясь в меня, пока не вошел до упора.

— Рейз, — вскрикнула я, а он зарычал, и тут же почувствовала, как трясутся его руки, как он прижался своей грудью ко мне, и я ощутила горячее дыхание на своих волосах.

— Бл*Дь, — простонал он и начал раскачивать бедрами взад и вперед, его член был таким большим, что легко задевал мою точку G, я закрыла глаза и просто растворилась в этих ощущениях. Я могла чувствовать его повсюду: в моем теле, в моем сердце... в моей душе.

— Киса, — застонал Рейз, отводя волосы с моей спины в сторону и прижимаясь теплыми губами к голой коже, заставляя меня дрожать. Его губы проследовали по моему позвоночнику, вынуждая меня неудержимо стонать, а затем и его влажный язык стал оставлять следы на моей влажной коже.

— Я помню это, — сказал он, наращивая темп, его член погружался в меня еще сильнее, заставляя плавиться мой мозг. — Я что-то вспомнил. Это чувствуется так хорошо. Это всегда хорошо... с тобой... только с тобой.

Мои глаза затуманили слезы, и я вспомнила свой первый раз... с Лукой. Мы были такими юными, слишком неопытными, но эти воспоминания были для меня всем. Я чувствовала, что снова занимаюсь любовью с Лукой. Те способы, которыми он лелеял меня, заставляли думать о Луке.

Чувствуя, что Рейз уже на грани оргазма, мне захотелось сделать это вместе с ним. Нам надо кончить одновременно. Чуть повернувшись, я взяла его руку и, проведя мимо талии, положила его пальцы на клитор.

— Покрути своими пальцами здесь. Я хочу кончить вместе с тобой. Погладь мой клитор и заставь нас кончить вместе, — давала я указания.

Из Рейза вырвался стон, когда мышцы моего влагалища сжались вокруг члена, подталкивая меня к оргазму еще ближе.

Казалось, он стал еще больше, когда начал врезаться в меня быстрее, необузданный и жесткий в его любовных ласках, дикий и примитивный, сосредоточенный только на нашем удовольствии.

Тот восхитительный взрыв, который отозвался огнем в основании позвоночника, разлился теплой волной по всему моему низу. Я чувствовала, как напряглись бедра Рейза, его пальцы стали бешеными, а толчки еще более сильными, длинными, быстрыми и грубыми.

— Киса, — он успокоился, когда потным торсом шлепнулся на мою спину. Я попыталась ответить, но не смогла произнести, ни слова. Когда он вошел в меня последний раз, безмолвный и лишь мычащий в своем освобождении, я кончила вместе с ним, испытывая неопишуемое удовольствие, заставляющее меня видеть яркие вспышки.

Руки Рейза сомкнулись на моей талии, а потом он начал опускаться на пол, опираясь на спину и таща меня за собой. Я сидела у него на коленях, его подрагивающий член все еще находился внутри меня.

Некоторое время прошло в тишине, его дыхание выравнивалось, пока я гладила его по

тренированным предплечьям, дорожа близостью, дорожа самым значимым сексом в моей жизни.

Когда мои пальцы пропутешествовали по его руке, то это отозвалось низким грохотом в его груди, и я улыбнулась. Ему нравились мои прикосновения. Затем Рейз перенес вес на ноги, встал, все еще удерживая меня на руках, и направился в сторону своей импровизированной кровати и уложил нас. Он оберегал меня в сильном захвате своих рук; он не мог отпустить меня. Это движение было столь притягательным, я любила каждый момент с ним. Я никогда не чувствовала себя более целой, чем в его объятиях, прижатой к его груди.

Я прижалась губами к грубой и покрытой шрамами коже рук, обернутых вокруг меня, наслаждаясь его теплотой на моей спине.

Услышав ошеломленный вздох, выскользнувший из уст Рейза, я напряглась и мой мирок наполнила печаль, когда он прошептал:

— Я... я не знаю, на что это было похоже.

Его глубокий, хриплый голос был полон стыда и смущения. Не способная сдерживать боль в моем сердце, я развернулась в его руках, и несчастное выражение его глаз ранило меня глубже, чем это мог сделать любой кинжал.

Он опустил глаза, мое сердце стало биться еще быстрее, пока я гладила кончиками пальцев его щеку.

— Скажи мне, что с тобой случилось... пожалуйста. Я хочу знать.

Выражение лица Рейза стало каменным, я наблюдала за ним, как он боролся с различными эмоциями. Затем он покачал головой, его карие глаза потемнели:

— Я... я был в ГУЛАГе.

Медленно опустившись на локоть, я откинула растрепанные пряди волос с его лица, в то время как его указательный палец дотронулся до моей груди и начал кружить вокруг соска, а его язык скользить по моим губам.

— ГУЛАГ? — переспросила я, пытаясь сосредоточиться. — Разве это ни какая-то старая русская тюрьма времен войны?

Рейз кивнул и его палец начал дрожать.

— Это была тюрьма. Мы назвали ее ГУЛАГ из-за дерьмовых условий. Тебя держат в клетке, а потом заставляют выходить на арену и сражаться насмерть.

Его прекрасное мужественное лицо исказила вспышка гнева, и я наклонилась вперед, чтобы прижаться в поцелуе к его губам. Его дрожь сразу же прекратилась, а из горла вырвался стон. Когда он отстранился, я заметила, что его зрачки расширились, и мое дыхание остановилось. В этот момент он был так похож на Луку, но мне было все еще трудно допустить такую возможность.

Потому что если Рейз был моим Лукой, то я собиралась услышать все, что случилось с ним за эти годы, пока мы считали, что он умер. Когда нам сказали, что он сгорел... Когда он был вырван из моей жизни, без объяснений, разрывая мою душу пополам.

— Почему ты оказался там?

Рейз нахмурил брови, и я видела, как он боролся с воспоминаниями. Когда его лицо приняло злобное выражение, он сжал губы и произнес:

— Я не помню. Я ничего не помню, кроме смерти, насилия, боли и ...

Мое дыхание прервалось, когда я подумала о том, каким образом он собирался взять меня. Он собирался...

Придвинувшись ближе к Рейзу, соприкасаясь с его кожей, я запустила пальцы в волосы и спросила:

— Почему ты собирался взять меня сзади... это похоже на.... Так... делали...? — Я замолчала не в силах задать очевидный вопрос. Этому должно было быть объяснение, но я не была уверена, что готова это услышать.

Карие глаза Рейза расширились, он опустил подбородок, спрятав их от меня. Он была такой загадочный и большой, как Халк, но этот вопрос омрачил его.

— Рейз, — позвала я, подавив внезапный прилив грусти, он медленно поднял голову.

— Я помню первый раз, когда один из них пришел в мою камеру. Он был огромным, а меня только что избили битой. Я не мог пошевелиться, и лишь наблюдал, как он подходит ко мне, расстегивая ремень и опуская вниз молнию. Я помню, как он надавил на мой живот. Помню боль. Такую боль, какую никогда не чувствовал прежде. Да и потом, все что я могу помнить, заблокировано. Каждый раз, когда они приходили в мою камеру, я отстранялся от этого дерьма, пока не вырос и не стал слишком большим для них и опасным, чтобы трахать меня.

Инстинктивно, он схватил своей рукой мою и сжал ее, словно я давала ему силы продолжить, будто он наполнялся храбростью и мужеством, чтобы рассказывать мне об этих ужасных изнасилованиях. Я едва могла видеть сквозь поток слез, падающих вниз по моим щекам, пытаюсь придумать способ, чтобы сделать для него что-то хорошее.

— Рейз, о боже, — я заплакала и прижалась лбом к его лбу, опустошенная рассказом о жизни в ГУЛАГе.

Он ничего не ответил, но все еще удерживал мою руку. Я догадалась, что это был первый раз за долгие годы, когда он нашел утешение. Конечно, я слышала об условиях содержания в подпольных русском тюрьмах, но то, что я слышала, не сравнить с тем, через что пришлось пройти Рейзу.

— Сколько тебе было лет? — спросила я, осыпая поцелуями его холодные, покрытые щетиной щеки.

Рейз сжал мои волосы в своих руках и ответил:

— Я... я не знаю. Трудно сказать сколько. Ни у кого из нас никогда не было дня рождения.

Вернув некоторое самообладание, не желая погружать его еще больше в неприятные воспоминания моими подозрениями, я продолжила:

— И они заставили вас сражаться? Насмерть? Детей?

Рейз кивнул, направив свой отсутствующий взгляд куда-то вдаль.

— Да. Они управляют целой сетью игорных заведений. Похожих на это.

Тошнота подкатила к моему желудку из-за того, что он сравнил «Подземелье» с ГУЛАГом. По крайней мере, я точно знала, что мы не заточаем и не насилуем детей, вынуждая их сражаться насмерть.

— Рейз, я не знаю что сказать. Я раздавлена твоей историей, — сказала я, чувствуя себя неадекватной — нет, жалкой.

Рейз сжал мой затылок, надавил вниз и робко поцеловал меня. Я сразу же растворилась в его хорошо знакомом поцелуе.

Потом он отстранился и посмотрел на меня.

— Был побег. Несколько бойцов освободились и убили охранников. В ночное время всегда было меньше охранников. Остальные заключенные тоже взбунтовались и стали

сбегать.

— А ты как освободился?

Рейз скривил губы в усмешке.

— 362.

— 362? — удивленно переспросила я.

— 362, другой боец, единственный, с которым я когда-либо говорил, — тон его голоса изменился.

— Он был твоим другом? — предположила я.

Едва уловимая улыбка Рейза вновь сменилась безразличным выражением лица.

— Другом? — спросил он так, словно наслаждался звуками этого слова на своем языке.

Мое сердце опять сжалось. Он понятия не имел, что это значит.

— Да, твоим другом. Ты говорил с ним, проводил время. Доверял ему... он нравился тебе?

— Я тренировался с ним. Он помог мне приспособиться к жизни в ГУЛАГе. Научил меня, как блокировать неприятные вещи. Мы никогда не сражались. В ГУЛАГе мы были лучшими бойцами. Когда случился бунт, он освободил меня. Большинство других просто не посмели бы подойти ко мне, боялись меня. Но не он.

Улыбка коснулась моих губ, и я спросила:

— И где он сейчас? Вы вместе добрались до Нью-Йорка?

Он покачал головой в отрицании.

— Я не знаю, куда он направился. Куда-то на запад. Мы все просто сбежали.

Рейз продолжал пристально смотреть на меня. Я подумала, что зашла слишком далеко в течение одной ночи. Он побледнел, его тело расслабилось. Почувствовав тепло, которое разлилось в моей груди оттого, что он доверился мне, я прижалась губами к его лбу.

Выражение лица Рейза смягчилось. Он дотронулся пальцем до моей шеи, а потом провел им вниз до моей груди. Я закрыла глаза, млея от его прикосновения.

— Хочу трогать тебя, — сказал он. Его палец остановился, и он посмотрел в мои глаза.

Поднеся к его лицу руку, я провела своим пальцем по его левому глазу с пятнышком синего.

Прикусив губу, я набралась храбрости, чтобы спросить:

— Ты заметил, что твой левый глаз — с пятнышком голубого, когда вся остальная часть коричневая?

Рейз изучал меня, поднял руку, чтобы коснуться глаза, он нахмурился. Я затаила дыхание в ожидании того, что он скажет. И вот тут моя надежда ожила, потому что он наклонил голову набок и поджал свои полные губы.

— Мы предназначены друг другу, — выдохнул он и прищурился, всматриваясь в мои глаза. — Твой синий оттенок точно такой же, как и в моем левом глазу.

Моя нижняя губа задрожала. Я больше не могла сдерживать рыдание, подступившее к горлу. Рейз понятия не имеет, почему я плачу. Как он мог знать, что произносятся эти слова — «Мы предназначены друг другу» — пробудило во мне сразу два противоречивых чувства: большую надежду и глубокую печаль.

Это был Лука. Это должен быть Лука. Я убеждалась в этом все больше и больше. И это не было похоже на одержимые фантазии, какую-то глупую подростковую безумную влюбленность в этого раненного и неопытного мужчину, который был создан для меня. Все больше и больше я верила в то, что это было правдой, истинным, реальным. Соединенные

Богом души.

Этот мужчина, этот подвергшийся пыткам большой и неуклюжий человек был моей половинкой. Оказалось, мама была права: даже потерявшись, у нас есть способ, чтобы вновь найти друг друга. Но, если это был мой Лука — он сломлен. Никаких воспоминаний. Я не решалась подталкивать его быстрее или дальше из-за страха отпугнуть его.

Взяв его за руку, которая все еще покоилась рядом с моим глазом, я потянула ладонь вниз и поцеловала ее в самый центр:

— Мы предназначены друг другу, — прошептала я. Губы Рейза растянулись в улыбке. И она, как короткий проблеск счастья на его лице, стала моей погибелью.

Боже мой, он был прекрасен.

Переместив руку ниже, к моей груди, счастливое выражение его лица сменилось жаждущим. Он сжал мою грудь, и я застонала, прикрыв глаза.

— Мне нравится касаться тебя, — пробормотал Рейз.

Тогда я положила руки на его плечи и толкнула на спину. Он позволил мне контролировать ситуацию, и я знала, что это все из-за его неопытности. Это сделало момент еще более особенным для меня. Он достаточно доверял мне, что бы позволить вести. Я оседлала его бедра и сразу же почувствовала, как его член уперся в мою задницу.

Наши взгляды встретились, и между нами пробежала искра. Бедра Рейза приподнялись, пытаюсь приспособиться к моему входу. Наклонившись вперед, я положила руки ему на груди и стала медленно опускаться на его длину. Ни разу не оторвав свой взгляд от его лица, я наслаждалась каждой накатывающей волной удовольствия.

Когда я застонала и полностью опустилась на него, начала медленно двигаться вверх и вниз. Рейз закрыл глаза, его руки удерживали мои бедра.

— Открой глаза, — прошептала я, но Рейз покачал головой и сморщил лоб, пытаюсь сконцентрироваться.

Я нахмурилась в недоумении, чувствуя неуверенность, до тех пор, пока Рейз не ахнул и не сказал:

— Я закрываю глаза, чтобы чувствовать, каково это быть внутри тебя. — Он положил свою руку на сердце и продолжил: — Эти глаза видели слишком много плохих вещей. Поэтому я буду чувствовать своим сердцем.

На мои глаза навернулись слезы от его красивых и душераздирающих слов. Наклонившись вперед, я прижалась к его груди, стала мягко целовать его шею, быстрее двигая бедрами. Длинный стон удовольствия, похожий на глубокое рычание, вырвался из его горла.

Рейз обхватил меня за талию, мое дыхание участилось, поскольку я чувствовала приближение оргазма, и его стоны удовольствия подсказывали мне, что он тоже близок к нему. Облизывая и покусывая его горло, я пропутешествовала к его рту, и Рейз немедленно встретил меня, сплетая наши мокрые и горячие языки так, что от этого по спине побежали мурашки. Я кончила так быстро и так сильно, что оторвала свой рот от Рейза и закричала от удовольствия.

Длинный стон Рейза вскоре присоединился к моему удовольствию, и я ощутила, как его тепло затопило мою матку, и он все еще удерживал мои бедра, наслаждаясь каждой секундой удовольствия.

Пытаясь выровнять дыхание, я лежала удовлетворенная в руках Рейза.

— Киса, — прошептал он, растягивая мое имя, и я замерла, молясь, чтобы он сказал

что-то еще. Я знаю тебя. Я помню тебя. Ты — девушка, которую мне предназначено любить, ты — мое божественное благословение, мое солнышко. Но он не сделал этого. Вместо этого он глубоко вздохнул и сказал:

— Почему мне кажется, что я знаю тебя всю жизнь?

И тут я поняла...

Мое сердце билось так, что готово было взорваться. Я уловила этот момент, и улыбка озарила мое лицо. Он не мог вспомнить детали, но глубоко внутри его разума, пережившего трагедии и насилие, было заблокировано его прошлое, чтобы защитить от ужаса настоящего, мой Лука... мой Рейз... Он знал меня. Он чувствовал, что между нами есть скрытая связь.

— Киса-Анна, — пробормотал он, запуская пальцы гипнотическим жестом в мои волосы.

Я резко вздохнула, и Рейз абсолютно ясно уловил это, заметил мою шокированную реакцию. Его руки замерли.

Подняв голову, я посмотрела на него сквозь набежавшие слезы и спросила:

— Почему ты назвал меня Киса-Анна?

Рез открыл рот, чтобы ответить, но затем медленно закрыл его снова.

— Я не... — он пробежался рукой по голове, словно это была вспышка мигрени

— Рейз? — спросила я.

Он моргнул, а потом снова сказал:

— Я не знаю, почему назвал тебя так... но думаю... мне кажется, это твое имя. Так правильно.

Кивнув сквозь слезы, я ответила:

— Да, действительно, так правильно.

Я положила голову на грудь Рейза и закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением к нему, пока у меня есть такая возможность. Но я знала, что должна идти, и после того, как, не зная сколько времени провела в его объятиях, я неохотно оторвалась от него, заметив выражение лица... лица, в котором появилась... боль?

— Ты не можешь быть моей, да? — спросил он, опустошенным голосом.

— Я... я... это все сложно, — запинаясь и собирая свою разорванную одежду, я пыталась одеться и выглядеть как можно приличнее, молясь, чтобы длинный летний жакет прикрыл меня.

— Это из-за Дурова, разве нет? — выкрикнул он, проявляя свою дикую, необузданную натуру.

— Он опасный человек, Рейз.

Рейз поднялся на ноги, схватил меня за запястья, не давая застегнуть штаны.

— Я тоже.

— Я знаю, Рейз. Я знаю. Но ты не понимаешь. Мы обручены. Есть обязательства, — объясняла я, продолжая одеваться. Во мне смешались эмоции и мысли, омрачающие разум. Появились вопросы. Могу ли я объяснить все, что знаю Рейзу? Как мне решиться рассказать о связи с Братвой? Правильно ли заставляя его вспомнить, что случилось с моим братом, если он убил его? И каким образом мне выйти из-под контроля Алика?

— Но я хочу тебя. Ты придешь завтра снова? Ты нужна мне. Я снова хочу касаться тебя. Я не могу думать о тебе с ним.

Приведя себя в порядок насколько это возможно, я подняла голову, Рейз переплел наши пальцы и сосредоточил свое внимание на мне. Его глаза метались из стороны в сторону,

пока он пытался что-то вспомнить. Я растаяла в тот момент, когда он наклонил голову и поджал губы.

Определенно, это был мой Лука.

Мне надо что-то придумать.

— Я приду сюда завтра, как стемнеет, — ответила я ему. Рейз вздохнул с облегчением и опустил плечи. — Но завтра, когда будешь тренироваться, ты не должен дать понять Алику, что мы были вместе. Он не должен знать.

Рейз снова напрягся.

— Меня он не волнует.

Я прикоснулась к его щеке и произнесла:

— Знаю, но мы, действительно, пока должны хранить все в секрете.

Рейз раздраженно выдохнул и кивнул в знак согласия. Потянувшись на цыпочках, я прижалась губами к его полным губам, еще раз соприкасаясь с его голым накачанным телом. Неохотно, я вышла из комнаты, удерживая взгляд на нем, пока не закрыла дверь, оставляя за ней любовь всей моей жизни.

Моя голова кружилась, а желудок сводило от страха и волнения.

Выходя из тренажерного зала, я поймала вопросительный взгляд Сержа, когда проскользнула в машину, но я проигнорировала его, по-прежнему ощущая последствия того, что Рейз был внутри меня.

Я улыбнулась про себя.

Киса-Анна... только Лука называл меня так по имени.

Я снова нашла свою любовь.

Я просто должна заставить его вспомнить, кем он был... до того, как ГУЛАГ изменил его. До того, как он исчез из моей жизни.

14 глава

Рейз

— Иди за мной, — подстрекал юноша девушку, пробравшись в ее спальню, которая находилась на первом этаже особняка ее отца. Он проверил, что ни одного из Быков не было поблизости, поэтому никто не мог поймать его.

— Куда мы идем? — спросонья поинтересовалась девушка. Выскользнув из своей кровати, она накинула спортивную кофту поверх розового топика с шортами, и протянула руку юноше. Он подждал ее по ту сторону окна. Одетый во все черное, как вор. Девушка не смогла удержаться от смеха.

Юноша наклонил голову набок, поджал губы и спросил:

— Что тебя рассмешило, солнышко?

— Ты, — поддразнивала она, но все равно взяла его за руку, пока таяла от его улыбки. Дверь ее спальни скрипнула. Юноша и девушка застыли в панике, когда ее брат вошел в комнату.

— Что это за шум, Киса? — спросил брат, потирая сонные глаза, прежде чем опустить руки и пристально уставиться на пару, крадущуюся из окна. Он не был удивлен, когда увидел виноватые лица своей сестры-близнеца и лучшего друга. Брат закатил глаза и покачал головой.

— Куда ты, черт побери, тащишь Кису посреди ночи?

Мальчик посмотрел на своего лучшего друга и пожал плечами:

— На улицу. На свежий воздух. Выбирай любой вариант.

— На рассвете?

Юноша снова пожал плечами. Тогда брат скрестил руки на груди и приподнял бровь. Юноше пришлось влезть в комнату и встать лицом к лицу с братом:

— Родион, ну давай же, чувак! Не будь мудаком! Я хочу побыть с Кисой подальше от наших отцов.

Родион указал на Кису:

— Она — моя сестра, а ты пытаешься ее похитить!

— И моя девушка, — тут же ответил юноша. — Я никогда не сделаю что-то такое, что может причинить ей боль. Ты знаешь это. И я женюсь на ней однажды.

— Пожалуйста, Родион, мы будем в долгу перед тобой, — умоляла Киса, выглядывая из-за спины юноши. Родион посмотрел на нее, потом на друга, затем снова на нее. После этого брат покачал головой:

— Хорошо, идите! Мне надо поспать.

Он уже собирался выходить из комнаты, когда оглянулся и сказал:

— Смотри, чтобы она не залетела, иначе папа отрежет тебе яйца. Ей всего тринадцать, и она еще не твоя жена.

Юноша закатил глаза на своего лучшего друга, а лицо Кисы сделалось ярко-красным, она схватила ручку со стола и бросила ее в своего брата. Он лишь игриво рассмеялся в ответ. Родион вышел из комнаты, и юноша знал, что он их прикроет. Затем он повернулся к девушке, взял ее за руку и повел к открытому окну.

— Куда мы идем? — почти шепотом спросила она, когда он повел ее вниз, к пляжу.

Как только дом скрылся из виду, он положил свою руку ей на плечи и притянул ближе к себе.

— В нашу бухту. Куда же еще, солнышко?

Киса обернула руки вокруг его талии. Спустя несколько минут они оказались в скрытой от посторонних глаз бухте, когда юноша привел их к любимому месту. Он снял футболку, разложил ее на песке и сел, осторожно потянув за руку Кису, которая устроилась у него между ног, и он обнял ее за талию.

Юноша и Киса наблюдали за набегаящими волнами, сохраняя тишину, яркая луна казалась огромной на фоне темной воды. Киса мечтательно взглянула на юношу и улыбнулась. На этом пляже они были одни, и это было идеально.

Голубые глаза Кисы были затуманены, когда она смотрела на юношу. Он уже тогда знал, как сильно она его любит. Для него она была самой красивой. Он не мог припомнить ни одного события, не связанного с ней. Даже когда они были детьми, она всегда была с ним, он всегда был рядом, чтобы защищать и лелеять ее. Он не видел никого, кроме нее. Даже тогда, в четырнадцать лет, никакая другая девушка не могла заинтересовать его. Он любил эту девушку. Он знал, что она предназначена для него, инстинкты говорили ему об этом. Вместе, как он считал, они были идеальны.

Он были частью преступной жизни. Юноша знал, что пройдут годы и им придется выполнять свои обязанности, она будет поддерживать его и никогда не поставит под сомнение его работу или выбор, потому что когда-нибудь ему придется возглавить Братву, русский преступный мир Нью-Йорка.

Кису не беспокоили смерть и опасность.

Юноша улыбнулся, когда вспомнил, какую историю каждый раз рассказывала его мама, пока он подрастал. Бог создал их, и чтобы они не потеряли друг друга, поместил в его левый глаз пятнышко синего, такого же оттенка, как и у предназначенной ему девушки.

Опустив голову, юноша прижался своими губами к ее. Киса застонала, ее рука проскользнула за его шею, прижимая ближе.

Поцелуй стал глубже. Он немного отстранился, чтобы положить девушку на песок, и лег сверху, ощущая тепло ее тела.

Это заняло немного времени, прежде чем они потеряли контроль, юноша оторвался от губ Кисы со вздохом. Они выглядели распухшими. Своими руками она обхватила его за шею, чтобы снова притянуть к себе.

— Киса-Анна, — произнес он и поцеловал ее сбоку в шею. — Нам надо остановиться. Я не могу... мы не можем... я должен остановиться... мы должны прекратить.

Киса повернула голову в сторону, чтобы посмотреть на луну. Юноша положил голову ей на плечо, пытаясь взять себя в руки, восстановить дыхание и справиться с покалыванием в животе.

Она положила ладони на его щеки, потянула, пока он не поднял свои глаза и не встретился с ней взглядом.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Я хочу сделать это с тобой.

Глаза юноши расширились, его сердце в груди стало биться быстрее.

— Киса, ты... ты уверена?

Киса застенчиво кивнула.

— Будешь моим? — спросила она.

Чувствуя, как эмоции переполнили его грудь, юноша ответил:

— Да, — и прижался губами к ее губам.

Позднее той ночью, когда Киса лежала в его теплых руках, он не мог перестать целовать ее.

— Я люблю тебя, Киса, — признался он. Она повернулась к нему и опустила глаза, засмуцавшись.

— Я тоже тебя люблю. И рада, что ты был моим первым.

— И последним, — пообещал мальчик. Он сильнее сжал ее в объятиях. Оба были обнажены, скрываясь под его толстовкой.

— Я даже представить не могу, что смогла бы быть с кем-то еще... когда-нибудь, — сказала Киса и вздохнула.

Он не мог не согласиться.

Они были молоды и влюблены...

Но юноша знал без единой тени сомнения, что она была для него одной-единственной и предназначенной только ему.

Они были предназначены друг другу.

***

Мои глаза распахнулись, когда я пытался сделать следующий вдох, взгляд замер на стальных стропилах, находящихся выше. Я вспотел. Мой разум продирался сквозь затуманенное состояние, сквозь сон, который был похож на реальность.

Девушка.

Юноша.

Пляж.

Целующиеся...

Подождите!

Киса была там, только совсем юной, трахающейся с каким-то пацаном на пляже. Я ожидал вспышку ревности, волну гнева, проходящую сквозь мое тело, от мысли, что к ней кто-то прикасался, но этого не произошло...

Мальчишка мне напомнил кого-то. Но я не мог вспомнить... это был кто-то, чье место я не мог занять. Не понимаю.

Он был счастлив.

Он любил Кису.

И Киса, как всегда, выглядела красивой, улыбаясь и говоря ему, что тоже любит его.

Я тяжело вздохнул, мое сердце колотилось, словно эти слова она говорила мне. В груди что-то заныло, а руки начали дрожать.

Но она же ничего не сказала мне, лишь рассказывала о каком-то юноше на пляже и что она любила его... не меня, не Рейза, монстра, убийцу...

Это заставило меня задуматься о жизни, которая была у меня до ГУЛАГа. Каким я был в том возрасте?

Я ничего не знал о том, откуда появился. Я ничего не знал о своей семье. Столько всего произошло с того момента, как я приехал в Бруклин, это запутало меня. Вспышки мечтаний. Проблески изображений. Были ли реальными воспоминания, пробивающиеся в моем сознании?

Мои мечты казались настолько реальными, что когда я просыпался, то мог с точностью вспомнить каждую деталь. Я не помню, чтобы до встречи с Кисой у меня были такие сны, и она была в каждом из них.

Она чувствовалась такой настоящей для меня, важной. Хотя, может быть, я так отчаянно нуждался в ней, что воображал такую связь. Настолько отчаянно, что мне было пофиг на все, я хотел быть тоже значимым для нее.

Затем гнев и ярость наполнили меня, когда я представил ее вместе с Дуровым. Киса — моя. Я чувствовал, она — моя. Я знал, что она принадлежит мне. Я хотел ее. Хотел, чтобы она была моей, а не делить ее с тем психопатом.

Дуров был бесчувственным, кровожадным ублюдком. Я видел это, когда смотрел в его глаза, в глаза стольких бойцов. И то, как он смотрел на Кису, я знал, что рано или поздно он убьет ее. Он перегнет палку, или она попытается уйти, но он ни за что не даст ей уйти, и, чтобы быть уверенным, что она никогда не оставит его, Дуров убьет ее.

Что-то подсказывало мне, что это был не первый раз, когда я защищал ее от него. И тогда мои внутренности скрутило от мысли, что он собирается жениться на ней, и что это из-за меня он стал обладать ею... что каким-то образом я подвел ее.

Я должен убить его. Это был единственный способ, чтобы спасти ее. Мне захотелось проколоть его черное сердце в клетке.

Зажмурившись, я пытался вспомнить хоть что-нибудь, что угодно, из своего прошлого. Но лишь хорошо знакомая боль пронзила голову, и в отчаянии я медленно открыл глаза. Я потерял переносицу, вспоминая видение. Я мог ощущать запах моря и чувствовать песок, юноша и Киса лежали на нем. Я был там, но не мог связать воспоминания с реальностью.

И в том видении у Кисы был брат... брат, который любил ее, и юноша был его лучшим другом. Я никогда не слышал, чтобы Киса упоминала о брате. Он не был бойцом. Я никогда не видел его в тренажерном зале.

Твою мать! Может быть, это всего-навсего чертовски запутанное видение?

Звук открывающейся входной двери заставил вскочить меня на ноги. Я накинул тренировочные шорты, отодвинул мат и тонкое одеяло, которое до сих пор пахло Кисой. Мой разум сразу же вернулся к прошлой ночи.

Киса. Моя Киса-Анна... подо мной, влажная, горящая, выкрикивающая мое имя.

Мне нравилось трахать ее, быть внутри ее тела, гладить каштановые волосы и целовать лицо. Я хотел, чтобы она полностью принадлежала мне. Раньше у меня никого не было, кто был бы так дорог мне. И я хотел ее сейчас... только ее, и запах, который сохранило это одеяло, подталкивало меня к тому, чтобы убить Дурова.

Вспоминая прошлую ночь с Кисой-Анной, объезжающей меня, у меня возникло необъяснимое чувство, которое отозвалось в животе. Это заставило меня столкнуться с чем-то, чему я прежде никогда не противостоял.

ГУЛАГ, охранники... что они делали со мной на протяжении многих лет, то, как они брали меня...

Я не знал, что это не единственный способ для траха. И я почти взял Кису таким способом. Я мог причинить ей боль. Я мог все еще ощущать ее панику.

Приблизившись к боксерской груше, я ударил кулаком по твердой потрескавшейся коже и попытался выместить мой позор, мою вину... мои гребанные сожаления. Я мог бы причинить ей боль. Мне была невыносима эта мысль. Я был настолько заведен, пытаюсь выпустить ярость, что не заметил Виктора, вошедшего в дверь, пока он не встал передо мной.

А дальше все вокруг покрылось кровавой пеленой.

Схватившись за тренера, я удерживал его футболку в своих руках, а затем оттолкнул его прочь, пока его спина не ударилась о стену. В глазах Виктора отразился шок, а лицо стало пунцовым.

— Ты тоже делал это, ты, больной ублюдок? — процедил я, рыча сквозь плотно сжатые губы, чувствуя, как закипает кровь.

— Делал, что? — выдохнул Виктор.

Наклонившись к нему, я грозно спросил:

— Трахал маленьких мальчиков в ГУЛАГе. Ты тоже придавливал их и трахал?

Красный цвет лица Виктора сменился на белый, и он затряс головой в отрицании:

— Нет...

— ЛЖЕЦ! — прокричал я, поднимая его быстро вдоль стены.

— Нет... — задыхаясь, ответил Виктор, и, заметив его выпуклые глаза, я отпустил его и отступил. Когда я отошел, Виктор упал на пол и начал растирать горло.

— Рейз, я клянусь, что никогда не делала этого.... Я бы никогда не сделал этого.

Я посмотрел на него с отвращением.

— Но ты знал об этом? Знал, что они трахают маленьких мальчиков?

Виктор опустил голову.

— Да.

— И ты не сделал ничего, чтобы остановить это?

— А что я мог сделать? Мне пришлось выплачивать долг моей семье, с тех пор как мне

исполнилось десять. Сначала грузинам, теперь — русским. Мой папа был игрок и поимел нас всех. Я был низшим звеном в цепочке. У меня не было никакой власти в тех местах. И я не толпа, а пехотинец, одиночка.

Я подбежал к Виктору, наслаждаясь его громким хныканьем, а когда приблизился, то ударил кулаком по зеркалу, которое располагалось выше, разбитое стекло обрушилось на его голову.

— Да? Никакой власти? И у меня тоже, когда охранник вставлял свой член в мой зад и насиловал меня!

Я замолчал, когда эти слова вырвались из моего рта, по спине пробежала холодная дрожь. Я понятия не имел, что охранники делали что-то неправильное. Фактически, я никогда не думал, что все происходившее в ГУЛАГе было неправильным. Это была жизнь, она продолжалась день за днем. Почему я вдруг понял, что все это было неправильно? Почему что-то внутри меня подсказывало, что меня насиловали? Твою мать! В последнее время я стал слишком много чувствовать и не мог блокировать это. Я должен убить. Сражаться. Отомстить.

Моя голова пульсировала, я почувствовал, как ее пронзила острая боль, и знакомая сцена заиграла в моем сознании. Это был самый первый охранник, который встретил меня, который насиловал меня, бил и тренировал. Не то, когда он насиловал меня или избивал бейсбольной битой; это была картинка, когда он толкал меня вниз по лестнице в подвал ГУЛАГа, чтобы показать мое будущее, где в клетке сражались два мальчика и один из них вспорол живот другому.

— *Добро пожаловать в ад, пацан.*

Я закрыл глаза, сердце колотилось, пульс зашкаливал в попытке зацепиться за этот обрывок в моей памяти.

Мои глаза распахнулись, и я отшатнулся в шоке. Это был я... Тот мальчик, это был я. Меня откуда-то доставили туда. Где мой дом? Я не мог вспомнить, но помнил, что меня вырубил и связали. Похоже, мы ехали несколько дней. Затем я проснулся в клетке, после чего меня сразу же приволокли в подвал.

Все поплыло в моих глазах, я почувствовал, как кто-то хлопнул меня по щеке.

— Рейз. Покончи с этим, сынок. Рейз!

Мое зрение прояснилось, когда моргнул подряд несколько раз, передо мной стоял Виктор, выражение его лица... обеспокоенное? Взволнованное?

Я хотел оттолкнуть его от себя, но все еще не мог двигаться. Я был парализован.

Виктор сел и уставился на меня. Протягивая ладони, он сказал:

— Рейз, послушай меня. Я видел сотни таких бойцов, которые покинули ГУЛАГи, или других, живших в подземельях и встречающих смерть на ринге, принадлежащем мафии. Они повсюду, сынок. Сотни изнасилованных детей, как ты, умеющих только убивать, но не умеющих чувствовать. Они накачивали вас дерьмом, истязали на протяжении многих лет, тренировали не для того, чтобы вы помнили, а для того, чтобы убивали. Ты заблокировал свое прошлое в памяти, чтобы справиться с тем, что они заставляли тебя делать. Потом, когда ты сбежал и больше тебя не накачивают наркотиками, для твоего разума это стало спусковым механизмом, появляются воспоминания из прошлого. И ты не можешь справиться с этим.

Мои брови опустились, но руки и ноги все еще не двигались. Виктор откашлялся и придвинулся, медленно поднимая руку, наконец, положив ее на мое плечо:

— Просто дай воспоминаниям выйти. Не борись с ними. Не дави на себя, чтобы вспомнить. Если появляется что-то знакомое, то пусть проявит себя до конца. Это лучший способ, или ты прикончишь себя.

В животе появилось чувство страха.

— Я не знаю, хочу ли вспоминать. Я приехал сюда только с одной целью и только для одного: мести. Я здесь не для воспоминаний.

Я опустил голову, глядя на вытатуированный счет моих убийств, на свой номер 818, и сказал:

— Что если мне не понравится тот, кем я был? Что если я не вынесу этого?

Виктор резко опустил голову на задницу и провел рукой по своему лицу:

— Разве это не лучше, чем быть холодным монстром, которым ты стал в ГУЛАГе? А после того, как ты убьешь Дурова, что потом? Куда ты пойдешь потом? На другой смертельный ринг? Их сотни по всей стране. Ты можешь продолжить убивать, зарабатывать деньги, пока тебя не прикончат. — Виктор сделал глубокий вдох. — Или ты можешь начать жить, сынок. Ты сможешь начать жить, если вернешь свою жизнь обратно.

Я покачал головой. Мне не приходилось задумывать о будущем. У меня была только одна цель: убить Дурова.

— Я могу помочь тебе победить Дурова, но ты должен помочь сам себе и вспомнить прошлое. Прямо сейчас ты как животное, машина для убийств. Но ты был больше, ты — больше чем это.

Мой натренированный взгляд уперся в одну точку, голова не шевелилась, слишком онемевший, чтобы думать, но сквозь туман я услышал вопрос Виктора, который рассеял дымку:

— Почему Дуров, Рейз? Почему Дуров?

Моя грудная клетка напряглась и начали трястись руки, когда сквозь разум стали пробиваться обрывки памяти.

Три мальчика. Три мальчика у водопада. На семейном отдыхе. Двое из них — лучшие друзья. У третьего нож. Третий зарезал одного из них... Потом... что потом?

Я пришел в себя, но был разочарован, что не смог вспомнить до конца, все хотел знать. Почему Дуров? Кто были эти мальчики? Кого зарезали? Был ли я там? Был ли я один из тех мальчиков?

Я хотел знать, почему так случилось. Я хотел знать, что заставило меня забыть, по крайней мере, забыть все, но не имя этого ублюдка, которого я хотел убить.

Алик Дуров.

Бруклин, Нью-Йорк.

Месть.

Убить.

До моей комнаты стали доноситься звуки бойцов, пришедших на тренировку. Виктор поднялся на ноги и протянул руку:

— Вставай, Рейз. Тренируйся. И не позволяй своему прошлому сдерживать тебя. Вперед, используй это как силу. Это твой шанс вернуть свою жизнь обратно. Отомсти! Потом верни свою жизнь. — Виктор посмотрел на дверь, а затем снова на меня. — Тогда ты сможешь получить и девушку. Когда Дурова не станет, ты получишь девушку.

Мой гнев исчез, когда я подумал о Кисе. Она была моим утешением. Моя Киса-Анна.

Я ненадолго задержал взгляд на Викторе, пытаюсь сконцентрироваться и просто

дышать, чтобы потушить огонь, бушевавший внутри, а затем кивнул ему. Парень был такой же испорченный, как и я. Мне удалось разглядеть это в его глазах, но он понял меня. Я не нравился ему, но он понял меня. Как никто другой.

Когда я поднялся на ноги, он махнул мне, чтобы я следовал за ним в главный зал для тренировки с тягой верхнего веса. В тот момент, когда я начал тренироваться, открылась главная дверь со стороны подземного паркинга, и вошел Дуров... сжимающий рукой шею Кисы. Выражение ее лица было пустым, взгляд — отрешенным.

Я задрожал, наблюдая, что она находится под контролем того ублюдка.

Виктор подошел ближе:

— Игнорируй это. Контролируй свой гнев. Сначала убей, а потом живи. Тогда получишь девушку.

Я пытался обуздать гнев, держась за гриф тренажера и поднимая его по счету Виктора, но Алик остановился, как вкопанный, посреди зала, прямо на линии видимости, и накинудся на губы Кисы. Это был самый трудный бой, в котором мне когда-либо приходилось участвовать, потому что пришлось бороться с уколом ревности и желанием вырвать мою женщину из его лап.

Киса позволила этому произойти, но ее тело оставалось неподвижным и напряженным. Любой человек, у которого есть глаза, мог видеть, что она была напугана им, и, вероятно, именно этого он добивался, — чтобы Киса боялась и не ушла от него. Мне захотелось обезглавить его тупым ножом. Но она говорила мне, вести себя как обычно, чтобы не выдать нас, так что я буду вести себя чертовски сдержанно.

Опустив голову к плечу, я глубоко вдохнул, ощущая сохранившийся до сих пор ее запах на моей коже, ее руки, схватившие меня за плечи, когда она пришла. Этот аромат сдерживал меня от убийства Дурова. Я держался за то, что она придет ко мне вечером после боя... а к концу завтрашней ночи, он будет мертв, а она — моей.

Дуров отпустил Кису, и она проскользнула в свой кабинет, не оглядываясь назад. Она прекрасно выглядела в черном костюме и со связанными в хвост длинными темно-каштановыми волосами.

Затем Алик посмотрел на меня, Ив стоял у него за спиной, готовый тренировать. Я держал голову низко.

— Слышал, ты против Голиафа сегодня. — Краем глаза я заметил, как его лицо расплылось в дерьмовой усмешке. — Мой отец приобрел его в последнюю минуту. Ну, ты знаешь, чтобы дать толпе настоящее шоу. Настоящий тест на то из чего ты сделан.

Его взгляд упал на меня, продолжающего свою тренировку, и я не прервал ее, несмотря на глупые высказывания. Он рассмеялся:

— Похоже, тебя сегодня прикончат, Рейз. Этот придурок собирается убить тебя. Не могу сказать, что я сожалею. — Он наклонился и прошептал: — И когда я выиграю, то затяну Кису в заднюю комнату и трахну ее в задницу. Она ненавидит это, пытается бороться со мной... но от этого я становлюсь еще тверже.

Борясь со вспышкой гнева внутри, я пропустил его комментарий мимо ушей, попытался сосредоточиться, но почувствовал волну паники от Виктора, который стоял рядом со мной. Мне было наплевать на этот бой сегодня. Я никогда не испытывал страха в клетке. Это была моя территория, мой дом.

Дуров удалился, а я посмотрел на кабинет Кисы, только чтобы иметь возможность продолжить тренировку, когда заметил, что она смотрела на меня сквозь жалюзи.

Уверенность наполнила меня, мне было наплевать, кем был этот Голиаф. Я собирался сравнить его с землей.

Просто на моем торсе добавиться еще одна татуировка и на одного человека станет меньше на пути, который сделает Кису моей.

15 глава

Рейз

Звук сотни шагов отразился от стен, сотрясая пространство помещения «Подземелья», где проходил бой Дурова. Я выполнял прыжки со скакалкой, чтобы разогреть свое тело и подготовиться к бою, ожидая, что вот-вот широко откроется дверь. Я усердно разминался, пока ждал возвращение Виктора, который должен был прийти и сообщить имя победителя.

Мне не пришлось долго ждать.

Несколько минут спустя вошел Виктор, опустив взгляд вниз:

— Дуров выиграл, — это было все, что он произнес, но по его мрачному выражению лица было понятно, что Дуров «постарался» больше, чем просто убить. Он забавлялся и играл со своим противником, снова. Вероятно, отрезал от него по кусочку своим кинжалом, удерживая его, таким образом, живым до последнего вздоха.

В конце концов, Дуров не зря получил прозвище «Мясник».

Виктор прошагал к раковине, которая находился на другой стороне комнаты, ополоснул лицо водой, а затем подошел ко мне и встал напротив:

— Я видел Голиафа. Кое-что узнал.

Я посмотрел на Виктора, но не прервал свою разминку.

— Он — грузин, новичок этого сезона в подпольных боях без правил. Он никогда не проигрывал. Безжалостен, у него почти нет слабых мест. Он по весу превосходит тебя на десять килограмм, и выше по росту на полголовы.

В моей голове сформировался образ Голиафа, я пытался представить, каким образом уложить его.

— Оружие? — спросил я.

— Черный сай, — ответил Виктор.

Я замер на месте.

— Он из ГУЛАГа?

Виктор добавил:

— Да. Я видел одного из тренеров ГУЛАГа Западного побережья. Он один из их призовых бойцов. Они взяли его по дороге, ввели в состав участников подпольных боев без правил по всей стране. — Виктор протянул мне бутылку воды, жестом призывая выпить. — Ты будешь иметь дело с умным противником, Рейз. Он быстр. Непобедим, как и ты. Но сегодня ночью, один из вас умрет.

Стук в дверь прервал его, и за ней послышались знакомые слова:

— На выход!

Я снял толстовку и надел свои кастеты, нанес черные линии под моими глазами, позволяя жгучей ярости наполнять мускулы, как во время привычной подготовки к бою.

До меня доносились звуки толпы, становившиеся все громче, что дало мне понять — Голиаф вошел в клетку. Виктор открыл дверь и вывел меня в коридор с тусклым

освещением. Я заметил Дурова в его комнате ожидания, с пожилым мужчиной, который, поздравляя, хлопнул его по окровавленной груди. Он был похож на него. Я просто знал, что это был отец этого ублюдка. Он выглядел таким же чертовски злым, как и Дуров.

В коридоре отдавало сыростью, его наполняло зловоние смерти и следы крови борцов, что сражались ранее. Я слышал собственное дыхание даже сквозь рев толпы, а потом до меня донеслось что-то еще... кто-то звал меня по имени.

— Рейз!

Я оглянулся в сторону другого открытого коридора. В его тени стояла Киса. Виктор остановился и в удивлении приподнял бровь. Игнорируя его, я бросился в ее сторону, схватил Кису в свои объятия, поднял и прижал к стене.

Киса прикрыла свои голубые глаза, когда наши тела соприкоснулись, а я наклонился вперед, чтобы пройтись носом по ее щеке.

— Киса, — пробормотал я, пока она играла моими волосами.

Ее ладони скользнули к моим щекам, мой рот потянулся к ее, и она прижалась губами к моим губам. Зарывав в ее влажный рот, я толкнулся языком внутрь, пока не встретился с ее. Своей голой кожей я почувствовал, как налилась грудь Кисы.

Она сильнее сжала руками мои щеки, потом, тяжело дыша, разорвала наш поцелуй. Ее пальцы продолжали гладить мои щеки, я же ощущал, каким твердым стал член, когда бедра толкались в нее.

— Рейз, мне надо было увидеть тебя, — прошептала она.

Мои ноздри раздулись, когда я почувствовал ее запах, испытывая желание ощутить его на моем языке.

— Я хочу тебя, — ответил я, и увидел, как слезы заблестели в ее глазах. Я не понимал, что не так. Все, что я мог делать, это смотреть на нее в замешательстве.

Выражение лица Кисы внезапно изменилось, и она улыбнулась, проводя кончиками пальцев по моей шее.

— Я люблю, когда ты вот так наклоняешь голову набок.

Оставаясь в недоумении и не понимая, что она имела в виду, я проигнорировал это, задавая вопрос:

— Почему ты плачешь?

Киса обернула руки вокруг моей шеи и уткнулась в нее своим носиком:

— Я только что получила тебя назад, хотя думала, что это невозможно, и ты еще даже не знаешь этого.

Я почувствовал еще большее смущение. Потом я заставил ее посмотреть мне в глаза и сквозь слезы она прошептала:

— Видела того, с кем ты будешь драться.

Я напрягся:

— И?

— Он огромный, Рейз. Я расспросила о нем, он никогда не проигрывает и всегда убивает.

— Я тоже, — процедил я, испытывая легкое разочарование, что она не верила в мое мастерство. Я был убийцей. Непобедимым.

— Знаю, но... — сглотнула она, глядя мне в глаза и наклонилась, чтобы поцеловать меня в левую щеку. — Я в ужасе, что могу потерять тебя сегодня. Абрам привез его внезапно, даже не поставил меня в известность. Он боится, Рейз. Я знаю это, потому что ты

действительно можешь победить Алика в финале.

Мое сердце вновь стало сильным от ее слов, они разожгли во мне решимость победить Голиафа. К черту Алика и его отца.

Прижавшись своим лбом к ее, я пообещал:

— Я выиграю.

Из ее рта вырвалось рыдание, но я сдержал его, прижавшись губами к ее губам.

— Пожалуйста, — произнесла она напротив моего рта. — Мне так много надо тебе рассказать. Ты должен столько узнать. Ты должен выжить.

— Я выиграю, Киса-Анна, — прохрипел я, чувствуя, как ее стройное тело дрожит от страха. Но она и не догадывалась, что я использовал страх. Он толкал меня двигаться дальше.

Я не проиграю, не тогда, когда в моей жизни появилась Киса, и ее надо было спасти от Дурова.

— Ты выиграешь, — с облегчением вздохнула она.

Позади нас раздался кашель.

Виктор подошел ближе, он был в замешательстве, но произнес:

— Рейз, нам надо идти. Ты должен быть в клетке.

Я еще раз поцеловал губы Кисы, взял ее за палец и пробежал им вниз по моему животу.

— Сегодня здесь появится еще одно тату, а затем я снова возьму тебя, когда ты придешь ко мне.

Киса попыталась улыбнуться, но я заметил, что она напряжена. Отступив обратно, я вышел из коридора и направился дальше по туннелю, прям через толпу; люди расступались, чтобы пропустить меня. Я держал клетку в поле зрения, меня наполняла жажда крови и необходимость убивать. Приблизившись, я заметил, что мой противник уже кружит на ринге, но не обратил на него внимание. Моей единственной заботой была Киса, выживание для Кисы. Выжить, чтобы защитить и заботиться о ней.

Забежав по ступенькам лестницы вверх, я оказался около стальной двери.

— Впусти меня! — взревел я, сотрясая дверь. Охранник подошел сзади и открыл замок, я сразу же вошел в клетку, сжав кулаки.

Затем я посмотрел вверх...

И желудок ухнул вниз.

362?

362 — вот, что было вытатуировано на груди Голиафа.

Когда дверь захлопнулась, мой противник поднял голову. Я увидел, как по его лицу пробежала вспышка, и он узнал меня. Он замер. Я замер. Выстрел пистолета дал понять, что битва началась.

Ни один из нас не сдвинулся с места, слишком занятые, разглядывая друг друга.

— Он был твоим другом... — пришли мне на ум слова Кисы, сказанные прошлой ночью.

— Другом?

— Да, твоим другом. Ты говорил с ним, проводил время. Доверял ему... он нравился тебе?

— Я тренировался с ним. Он помог мне приспособиться к жизни в ГУЛАГе. Научил меня, как блокировать неприятные вещи. Мы никогда не сражались друг с другом. В ГУЛАГе мы были лучшими бойцами. Когда случился бунт, он освободил меня.

Мое сердце стало биться быстрее, чем когда-либо, стоило мне только взглянуть на 362... Голиафа? Киса сказала, что он был моим другом, и, глядя на него прямо сейчас, держащего сай в руке, впервые, находясь в клетке, я не мог заставить себя двигаться.

Я не мог заставить себя сражаться...

***

— 818, заходи. Будем тренироваться, — крикнул 362 с другой стороны тренажерного зала. Я осторожно подошел к скамейке для упора лежа, держась позади, пока он лежал на ней, выполняя упражнения.

— Ты будешь тренироваться со мной. Это поможет тебе выжить. Тренируясь с теми долбаными хлюпиками, что доставили тебя сюда, быстро найдешь свою смерть. Они слабые. Напуганные. Они не знают, что такое клетка.

— Ты не боишься драться со мной? — спросил я.

362 ухмыльнулся.

— Я старше. Этого не произойдет. Лишь когда ты тоже повзрослеешь и, возможно, станешь чемпионом, как я, но до этого они никогда не выпустят нас на один ринг. Они потеряют слишком много денег из-за этого.

Я кивнул, наблюдая, как он делает первый жим.

— Тогда я буду тренироваться с тобой.

362 ухмыльнулся и продолжил поднимать штангу, словно та ничего не весила.

— Держись меня, малыш, и вместе мы когда-нибудь выберемся из этого ада живыми.

— Почему я? — спросил его я.

362 остановился и взглянул на меня.

— Потому что я вижу, что ты не делал того из-за чего тебя привезли сюда. Это на твоём лице, в твоих глазах. Ты невиновен, как и я, но ты сильный, можешь бороться, можешь выживать... как я. Большинство детей умрут здесь в течение первых недель, а если нет, то до конца их первого года пребывания здесь. Но мы, мы — выживем.

— Ты хочешь выйти отсюда и отомстить тому, кто доставил тебя сюда, — сказал я, осознавая, что это именно то, что я чувствовал.

— Да. И я собираюсь дожить до этого дня, как и ты. Тренируйся со мной, спарингуйся со мной, и мы оба сможем отомстить.

362 вернулся к весам, и так мы тренировались с ним на протяжении многих лет, пока не стали чемпионами, как он и предсказывал.

Мы выжили, чтобы отомстить.

***

Но сейчас моей мести препятствовал мой друг, мой брат по ГУЛАГу.

362 стоял в центре клетки, и мои ноги двинулись в том направлении. Сжимая кулаки и вставляя лезвия вперед, на всякий случай если он ударит, я заметил в темных глазах 362-го, что он не собирался нападать.

Когда мы оказались лицом к лицу, он сделал резкий вдох и выдох, и он выругался. Его лицо было искажено болью.

— 818, — произнес он тихо.

— 362, — ответил я.

Он опустил голову.

— Это твоя месть? Это твой человек из прошлого, который оболгал, осудил и превратил в одного из нас?

Я кивнул.

— А ты? — спросил я, и услышал, как стала возмущаться толпа, что мы до сих пор не начали бороться.

— Они поймали меня через два часа, после того как я сбежал из ГУЛАГа. Пытался снова сбежать, но они поймали меня опять. Заставили сражаться за них. Возили по всей стране, заставляя биться насмерть. Прошлой ночью привезли сюда. Я должен прикончить бойца, который выйдет со мной на ринг. Мне приказали заставить тебя страдать. И делать это медленно.

Я замер.

— Дуров, — прорычал я.

362 прищурился.

— Один из тех, кто послал тебя сюда?

Я ничего не ответил. Не вспомнил пока всех деталей, но Дуров был каким-то образом причастен к этому.

Охранники стали приближаться к клетке, наводя винтовки. 362 придвинулся ближе.

— Если я выиграю сегодня, то буду свободен. Я наконец-то смогу отомстить.

Прикрыв глаза, я понял, о чем он говорит. Мы оба хотели отомстить. И только один из нас выйдет из этой клетки живым.

Я открыл глаза, и 362 протянул руку. Как вспышка, на его лице промелькнуло сожаление, и в этот момент я ощутил сострадание к моему... другу.

Взяв его за руку, я кивнул и сказал:

— Я благодарен за нашу дружбу.

362 ухмыльнулся. Он всегда так делал.

— Обещай мне. Обещай, что если выиграешь сегодня, то отомстишь... за нас двоих.

Я сжал его руку и произнес:

— Только если ты пообещаешь то же самое.

362 кивнул в знак согласия. Мы опустили руки; все чувства, сострадание — все отошло, уступив место наполнявшему тело адреналину.

Мы отступили. Охранники расслабились. Только одна винтовка была поднята вверх, чтобы выстрелить и дать сигнал к началу борьбы.

Я знал этого борца, как он движется, как он думает, его слабые места его силу. Но в той же степени он знал и все обо мне. Впервые за все время боев я почувствовал страх. Этот мужчина может победить меня. Когда мы начали кружить по арене, я увидел по выражению лица 362, что он думает так же.

Неожиданно 362 рванул вперед и ударил своим саем по моей руке, лезвие разрезало мою кожу. Но и он не смог остаться невредимым, потому что когда его сай нанес мне рану, я прошелся скользящим ударом по его бедру. 362 пошатнулся назад, так как это почти разрезало его мышцы.

Я чувствовал, как кровь текла по моим рукам. 362 набросился на меня, опрокидывая нас обоих на пол. Толпа начала сходить с ума, стуча кулаками по металлическим прутьям

забора. 362 и я сцепились на полу, изо всех сил сражаясь за господства, оба почти равные.

Но 362 был больше, ему удалось придавить меня. Его лицо напряглось, взгляд застыл, когда он поднес сай к моему лицу. Толпа бесновалась.

Я попытался сбросить его, но 362 был сильнее и превосходил меня в размерах. Каждая моя мышца напряглась. Я мог чувствовать, как пульсирует вена на моей шее и висок, но сай приблизился к моему горлу. Вот так и придет смерть. 362 просто перережет мне горло, и я буду мертв.

Повернув голову так, что прижался еще ближе к руке 362 с оружием, я заметил Виктора. Он стоял в стороне и кричал мне, чтобы я боролся за жизнь, чтобы отомстил.

Но кроме Виктора у входа в коридор стояла моя Киса... и Дуров позади нее, прижав ее спиной к своей груди, заставляя смотреть мой бой. Ее глаза были наполнены слезами. Дуров смотрел на меня, лицо этого психопата выражало насмешку. Это все, что мне было нужно, чтобы заставить себя бороться дальше.

Киса попыталась отвернуться, когда лезвие сая надавило на мою шею, но Дуров схватил ее за щеку и повернул обратно, заставляя смотреть на меня, при этом он прижал свой рот к ее уху и что-то говорил ей.

Ее голубые глаза были полны ужаса, все-то время, что она смотрела на меня. И я напрягся, как тугой канат, в попытке высвободиться. Ревя в отчаянии, повернул бедра, выбивая сай из рук 362 одновременно переворачивая его на спину.

Я не видел ничего, кроме красной пелены крови, когда уселся сверху на него и нанес первый удар в шею. Я не чувствовал ничего, кроме ярости, когда во второй раз нанес удар в висок. Не ощущал ничего, только одно-единственное намерение — разорвать Дурова, когда поднял оба кулака и опустил их вниз, погружаясь в грудную клетку 362. Лишь его умирающие всхлипы, которые я услышал, отвлекли меня от гнева.

Кровь, как река, вытекала из 362, моя кожа была покрыта его кровью. Он смотрел на меня. Я заметил одобрение в его взгляде, когда я опустил руки, и мою грудь наполнила боль.

— Мечь... — произнес он, подавившись кровью. — Заставь его заплатить...

362 умер, его грудь перестала двигаться. Толпа ревела. Но я не мог пошевелиться, только смотрел на мертвого 362, лежащего на полу клетки. Я не мог двигать ни руками, ни ногами, мою грудную клетку пронзила острая боль.

Стальная дверь открылась, ко мне подбежал Виктор. Он присел рядом со мной.

— Рейз, сынок, нам надо идти.

Я посмотрел на Виктора, затем опустил взгляд на 362 передо мной.

— Я знал его, — ответил я, сломленным голосом.

Виктор кивнул и положил руку на мое плечо.

— Я знаю, сынок. Я понял это в ту минуту, когда увидел его тату и вашу реакцию, как только вы оказались в клетке.

— Он был моим другом... — выдавил я, такое незнакомое и горько-сладкое понятие.

Виктор схватил меня за бицепс и помог встать на ноги.

— Мы должны идти, сынок.

Виктор и я вышли из клетки, двигаясь сквозь толпу. По моей спине кто-то хлопал руками, поздравляя, я же опустил глаза и старался двигаться быстро, чтобы оказаться в коридоре. Потом я рванул в свою комнату ожидания. Оказавшись внутри, направился прямо в ванную, и меня стошнило в унитаз, тело покрыл холодный пот.

Виктор стоял около двери, ругаясь себе под нос. Я, мать его, понятия не имел, что со

мной происходит. Я опустил на пол, из моих ран на плитку вытекала кровь. Виктор схватил два мокрых полотенца и прижал одно к руке, а второе — к горлу.

Я не дрогнул.

— Тебя надо защитить, сынок. Этот сай хорошо прошелся по тебе.

— Тогда сделай это, — ошеломленно ответил я.

Я никогда не чувствовал это... эту... боль раньше. Эта боль — вина? Была ли это вина? Я всегда блокировал это при убийствах. Те мужчины, с которыми я сталкивался на ринге, были лишь животными для забоя, а я был человеком, который нес им смерть. Не было никаких размышлений. Только инстинкт и долг в ГУЛАГе подталкивали меня вперед.

Но в этот раз... я чувствовал все: раскаяние, стыд, опустошение. Я был похож на мертвеца. Внутри я тоже чувствовал себя мертвым.

— Где ты живешь, сынок? — спросил Виктор, вытаскивая нить и иглу из металлической коробки над раковиной. Он стал зашивать мою руку. Я не чувствовал иглу, которая прокалывала мою кожу. Не чувствовал нить, соединяющую мою плоть.

— В спортзале.

Виктор замер и покачал головой.

— Черт, сынок. Просто... черт.

После того, как мои раны были защищены, Виктор заставил меня принять душ и повел обратно в зал. Когда он ушел, я закрыл глаза, устроившись на тонком матрасе. Все, что я мог видеть, — это кровь, повсюду кровь. И 362, который смотрел мне в глаза, когда жизнь уходила из него.

Я никогда не чувствовал раскаяние или сожаление, но сейчас тонул в них.

16 глава

Киса

— Почему я снова должен отвезти вас в тренажерный зал, Киса? — спросил меня Серж, когда я встретила его на тротуаре, после того, как Алик высадил меня около дома моего отца. Папа к этому времени уже ушел, чтобы встретиться с грузинской Братвой, что привезли Голиафа, а Алик должен был присоединиться к ним этим вечером, поэтому я знала, что буду свободна всю ночь.

Так было всегда, пока продолжался чемпионат. Главари Братвы собирались, чтобы обсудить дела по всем направлениям. Но сегодня что-то было не так, мой желудок скручивало от нервного напряжения, словно что-то плохое должно было случиться. Я знала, что на это повлияло сразу две вещи: первая — это странное настроение Алика, вторая — странная реакция Рейза, после того, как он выиграл бой этим вечером.

Алик был в ярости из-за победы Рейза. В такой ярости, что даже не использовал мое тело после боя, как обычно это делал. В этот раз он просто высадил меня около моего дома и холодно приказал зайти внутрь.

Алик испытывал страх. Никогда раньше я не видела, чтобы он боялся. Но увидев сражение Рейза с Голиафом, с каким невероятным умением и силой тот победил, Алика был в таком состоянии, в котором я раньше никогда не видела его: весь в себе, тихий, задумчивый.

Это пугало меня больше, чем его агрессия. Я понятия не имела, что делать с Аликом,

который не проявлял эмоции, или Аликом, который держался на расстоянии.

Но прямо сейчас я пыталась выбросить из головы любые мысли о нем. Мне надо было увидеть Рейза. Алик заставил меня смотреть этот бой, пытаясь утвердить свое господство надо мной. И, о боже, Рейз чуть не умер. Но затем что-то случилось с ним. Он не выглядел, как боец довольный своей победой. Он не мог подняться, выглядел как контуженный и смотрел на Голиафа опустошенным взглядом. Виктору пришлось поднимать его с колен, чтобы вытащить из клетки, и поддержать, пока он шел по коридору. Хуже всего, что я не могла пойти к нему. Вместо этого мне пришлось пойти с Аликом.

Я обижалась на Алика за это. В этот раз я сильно обиделась на него.

Я посмотрела на Сержа, пораненное лицо Рейза промелькнуло в моем сознании

— Пожалуйста, Серж, — попросила я, обращаясь к нему, стоящему передо мной, когда он открыл заднюю дверь «Линкольна» и жестом указал мне сесть. Я скользнула на сидение, а Серж сел за руль.

Он обернулся:

— Киса, что происходит? Вы что-то скрываете, и это, ставит нас обоих в опасное положение. Я ничего не буду делать, пока вы не дадите мне ответы на некоторые вопросы.

Я опустила взгляд на тротуар снаружи и испытывала беспокойство по поводу того, что же делать. Потом снова взглянула на Сержа, и мои глаза наполнились слезами.

— Киса, вы в опасности? — спросил он, а я покачала головой. — Вы... вы встречаетесь с кем-то еще? За спиной мистера Дурова? Вы встретили его в тренажерном зале?

— Это не так, Серж, — всхлипнула я и вытерла слезы. — Это больше, чем просто «встречаться» с кем-то.

Лицо Сержа побледнело.

— Киса! Вы встретили кого-то еще? Вы смерти ищете? Мистер Дуров убьет вас обоих если застанет. Этот мужчина даже в лучшие времена неуравновешен, а в этом случае? Он выйдет из себя. — Он опустил взгляд, но потом вернул его на меня. — Кто это?

— Ты не поверишь, если я расскажу тебе. Я едва могу сама себе поверить.

— Киса, вы говорите бессмыслицу.

У меня скрутило все внутри от того, что я собиралась произнести, из-за секрета, которым я собиралась поделиться. Серж наклонился вперед, и я прошептала:

— Ты не поверишь в то, что я скажу.

— Поверьте мне, — сказал он сухо.

— Это... это... Лука...

Серж уставился на меня, словно я была ненормальной.

— Лука? — переспросил он. — Лука Толстой?

— Да, — ответила я едва слышно и сжала сумку, лежащую на моих коленях. В ней были фотографии, сувениры — все, что напоминало о нашем детстве. Сегодня вечером я собиралась сделать попытку и заставить его вспомнить. Сегодня мне хотелось, чтобы он вспомнил меня... нас... все.

Я просто хотела вернуть моего Луку... в конце концов, я хотела вернуть как можно больше того, что было утеряно. Я была согласна на любую часть Луки, хоть на крошечный кусочек того, что еще осталось.

— Вы изменяете с Лукой Толстым? — спросил Серж с сильным русским акцентом.

Я кивнула, и он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Киса, мистер Толстой умер много лет назад в результате несчастного случая. Его

тело было сожжено. Что происходит? Кого ты пытаешься защитить?

— Рейз.

— Новый боец? — перебил Серж. — Что за чертовщина, как он связан с Лукой?

— Он и есть Лука, Серж. Рейз — это Лука.

— Киса, я не понимаю, как ...

— Его отвезли в подземную тюрьму, после того, как Родион был убит, подальше, где он вынужден был стать бойцом. Принимать участие в боях на смерть, Серж. Я знаю, это звучит невероятно, но это случилось. Он не помнит, кто он, откуда он, или кто мы все для него. Он подвергался пыткам и жестокому обращению. Как животное, он сражался, чтобы выжить, не оставив в себе ничего человеческого, но я замечаю мимолетные проблески, когда он смотрит на меня. — Я с трудом сглотнула и продолжила: — Когда он со мной.

— Киса, это все ...

— Его глаза такие же, как у Луки, карие с размытым пятнышком синего в левом. У него те же манеры. Он наклоняет голову и поджимает губы, его полные губы точно такой же формы. И ему снятся сны, яркие сны. Это воспоминания, а не просто сны, Серж. Я в этом уверена. Вернувшись в Бруклин, он вспоминает все больше и больше. Это Лука. Он вернулся ко мне. — Я посмотрела в потрясенные глаза Сержа и продолжила: — И он нуждается в моей помощи. Мне надо заставить его вспомнить. Мне нужно знать, что случилось много лет назад. Мы сделаем это. Там было так много боли. Так много вопросов осталось без ответов, которые оказались под завесой тайны.

Серж хранил молчание, я знала, что он не поверил мне. Мне было все равно, потому что я знала правду, и все обернулось так, чтобы я спасла Рейза. Все сложилось так, чтобы он смог найти обратный путь домой.

— Просто отвези меня в зал, Серж. И, пожалуйста, подожди, потому что я хочу съездить с ним позже на Брайтон-Бич.

Серж намеревался поспорить со мной, но я отвернула голову и прислонилась к окну, давая понять, что разговор окончен.

***

Я вошла в тренажерный зал и направилась в комнату, где тренировался Рейз. Почти все пространство было погружено во мрак, потому что свисающий с потолка источник света был слишком тусклым. Рейз сидел у дальней стены, опустив голову вниз, его грудь была покрыта красным и черным. Ноги были вытянуты вперед. Я никогда не видела, чтобы тот, кто выиграл бой, выглядел бы настолько побежденным.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Рейз? — Испугавшись, я бросилась к нему.

Опустившись на колени, я схватила лежащее рядом полотенце и прижала к только что нанесенной отметине на его туловище, которая была в два раза длиннее, в два раза глубже, и в два раза воинственней, чем другие его тату за убийства.

— Рейз, что ты наделал? — спросила я и попыталась заглянуть в опущенные глаза. Он не ответил и даже не шелохнулся, когда я прикоснулась к его татуированному торсу. Он сидел, сжимая сломанную ручку и окровавленное лезвие в своих руках.

Когда я стала дальше осматривать его израненное и покрытое шрамами тело, то заметила огромную защитную рану на его руке и стежки вдоль нижней части горла.

Я до мельчайших подробностей вспомнила тот момент сражения, когда он получил эти раны — в тот момент я думала, что снова потеряю его. Случившееся лишь утвердило во мне веру рассказать ему, кто он есть на самом деле. Завтра вечером ему придется сражаться с Аликсом, каждый из них смог добраться до финала, и завтра вечером, я должна буду потерять одного из двух мужчин, которые когда-либо что-то значили для меня. Но я знаю, кого я хочу, кого я всегда хотела, и прямо сейчас, он лежал на этом жестком полу и выглядел так, словно его мир был разорван на части.

Лука должен вернуться ко мне. Наконец-то, после всех этих долгих лет неволи, он должен быть освобожден. Он должен знать, что по-прежнему любим.

— Рейз, пожалуйста, посмотри на меня, — попросила я нежно, сдерживая слезы, и он медленно поднял голову. Его глаза были покрасневшими, а выражение лица указывало на опустошенность. От увиденного, мое сердце защемило. Я протянула руку и дотронулась до его щеки. — *Luibov moya*, что все это значит? Что случилось на бою сегодня вечером? Из-за того, что тебе было больно? Или это был особенный бой для тебя?

Я поймала руку Рейза, опуская в сторону, и окровавленное лезвие бритвы упало на пол. Его грубая, покрытая кровью ладонь легла поверх моей руки, которая все еще находилась на его щеке, и я замерла.

— Я убил своего единственного друга, — прохрипел Рейз и его пальцы сжались вокруг моих. Хватка была такой сильной, что это не оставляло сомнений о его эмоциональном потрясении.

У меня перехватило дыхание, и я сразу же подумала о Родионе. Он вспомнил? Неужели он вспомнил ту ночь? Он говорил о моем брате? Он смог вспомнить свое прошлое?

Моя рука нажала дрожать от тяжести понимания того, что это может означать.

— Какой друг? О ком ты говоришь, любовь моя? — спросила я, пытаюсь скрыть дрожь в своем голосе.

Рейз посмотрел на меня опустошенным взглядом и ответил:

— 362.

В ответ я моргнула и тут же вспомнила наш разговор прошлой ночью:

— 362? Из ГУЛАГа?

Рейз кивнул, продолжая удерживать мою руку:

— Голиаф...

Неожиданно все стало проясняться. Это не было связано с воспоминаниями о смерти Родиона, это был мужчина, с которым он сражался этим вечером, грузинский Голиаф.

— Мужчина, которого ты убил сегодня...

— Мой друг.

Моя нижняя губа задрожала от увиденного, что этот сильный, необузданный и суровый мужчина превратился в тело с горой мышц, которое не наполняло ничего, кроме чувства раскаяния и вины.

— Рейз, мне очень жаль, — успокаивала я.

— Его поймали, когда мы сбежали, грузинская мафия. Он сказал мне, что если бы выиграл сегодня, то они освободили бы его. Став свободным, он мог бы отомстить людям, которые отправили его в ГУЛАГ. После всех этих лет, что он учил меня, как выживать... Он был невиновен. Он заслужил, чтобы отомстить, но...

Веки Рейза дрогнули, и я наклонилась, покрывая поцелуями его лоб, щеки и обратную сторону ладони, которая все еще была поверх моей.

— Но что?

— Но так же, как и я, — прошептал он, и кровь в моих венах похолодела.

— Что ты? — надавила я.

Его глаза расширились, когда что-то прояснилось в голове, и грудная клетка напряглась, словно от шока.

— Я невиновен, — едва слышно ответил он, явно не в силах говорить громче. — Киса, я невиновен. Я не сделал ничего такого, чтобы быть заключенным. Я не делал того, в чем меня обвинили.

Рука Рейза теперь полностью обхватила мою, и он посмотрел на наши соединенные пальцы.

— Ты дрожишь, Киса-Анна. Почему ты дрожишь?

Рыдания прорывались сквозь мое горло, и я поднесла руку, держащую полотенце, ко рту. Слезы облегчения появились в моих глазах. Он не делал этого. Лука не убивал моего брата. Он был невиновен. Я всегда знала, что он был невиновен.

— Киса, я не понимаю, почему ты плачешь? — Рейз наклонил голову в сторону, и я прильнула к его груди, вдыхая пьянящий аромат, не беспокоясь о моей одежде, которую могли запачкать кровь и чернила.

Я нашла утешение в сильных руках Рейза, которыми он обнял меня и прижал близко к себе.

— Ш-ш-ш, solnyshko, — прошептал он, и я перестала плакать, подняв голову и заглянув ему в глаза.

— Solnyshko? — спросила я, а Рейз выглядел озадаченным, прежде чем опустить взгляд на меня.

— Это означает маленькое солнце, — ответил Рейз вот так просто. — Думаю, это по-русски. — И в этот момент на его лице отразилось удивление, словно он не понимал, откуда знает это.

— Ты назвала меня «lyubov moyu», — вдруг произнес он, наблюдая за мной, изучая меня, будто я была загадкой, которую он пытался отгадать. Я кивнула, пытаясь сдерживать свою нижнюю губу от трепета.

— Любовь моя, — сказал он, медленно растягивая слова, произнося каждый слог, пока его глаза широко не раскрылись. — На русском это означает «моя любовь», ты назвала меня своей любовью.

— Да, lyubov moyu, — ответила я и выскользнула из его объятий. Я заметила, как он был шокирован, сделал вдох, но просто позволила сидеть ему дальше, чтобы он мог подумать о моей давней привязанности к нему.

Быстро вытерев глаза, я пробежалась пальцем по его новой татуировке.

— Почему эта длиннее, чем остальные? И гораздо ярче, чем другие? Ты сильно поранил кожу.

— Потому что смерть 362 была почетней, чем у остальных. Он умер с достоинством. Он умер так, как должен настоящий боец. — Рейз провел пальцами по своему шраму и добавил: — Он умер прежде, чем смог отомстить. Его обманом лишили возможности отомстить тем, кто обидел его. Но он никогда не сдавался, до самого конца. В знак признания, он должен выделяться на моей коже, потому что, как боец и друг, он был особенным в моей жизни.

Мое сердце билось так громко, что мне едва удавалось расслышать его. Я поняла, как бы я не пыталась вообразить или вспомнить свой худший ночной кошмар, мне не понять через

что он прошел в ГУЛАГе. Он был ребенком. Ребенком, которого вынудили стать убийцей, и среди всего этого ада, он нашел того, кто стал заботиться о нем. Того, кого ему пришлось убить.

Я сочувствовала ему и не могла помочь, но была благодарна, что был мертв 362, а не мой Рейз.

— Мне показалось... мне показалось, что он собирался убить тебя, — произнесла я, и тут же в моем горле образовался ком от мысли, что я могла бы опять потерять свою половинку. Ни одно сердце не могло бы выдержать это.

— Он почти победил, — признался Рейз. Я ахнула, а он наклонился вперед, проводя пальцами по моей шее. — Но потом я увидел, что Дуров заставил тебя смотреть, как я умираю, и это помогло мне. Дало силы, чтобы я стал сопротивляться и смог победить своего друга.

Взгляд Рейза упал на мои губы, после чего он пробормотал:

— Я должен защищать тебя Киса-Анна. Я верю, что могу защитить тебя. — Его лицо исказилось, словно он с трудом пытался что-то вспомнить, и добавил: — Я должен защитить тебя от Дурова... снова.

Мое сердцебиение заглушало жужжание кондиционера, работающего в главном помещении тренажерного зала.

— Снова? — спросила я, замечая его растерянный взгляд.

— Да. Я думаю... я думаю, что и раньше защищал тебя от него. — Рейз взял меня за руку и подтянул ближе к себе. — Не так ли? Я ведь и раньше тебя защищал от него?

Я кивнула, не способная произнести ответ вслух.

Рейз сглотнул, его кадык дернулся, и он прохрипел:

— Я... я знал тебя раньше?

подавив рыдания, которые грозили вырваться из моего горла, я воскликнула:

— Да. Да, знал. Ты очень хорошо меня знал.

Рейз заволновался и его взгляд опустился вниз, упираясь в голый торс. Он отчаянно пытался вспомнить, но по его дыханию и разочарованному вздоху, я поняла, что у него ничего не получалось. Что-то блокировало его воспоминания, подавляло, не давая узнать, каким он был раньше.

Высвободившись из объятий Рейза, я полезла в свою сумочку и достала серебряную рамку со снимком, на котором двое подростков улыбались в камеру, и передала ее Рейзу, который стал с любопытством рассматривать фотографию.

Он был похож на человека, который впервые нашел сокровище, неуверенный в том, за что судьба послала ему такой подарок.

Я с интересом наблюдала за ним, пока его карие глаза рассматривали детей. Он вытянул фотографию и поднес ближе, чтобы хорошенько рассмотреть моментальный снимок, и все это время мое сердце билось, как крылышки колибри.

Его указательный палец пробежался по изображению девушки, он поднял голову, и с напряжением внимательно посмотрел на меня:

— Я видел эту девушку в своих снах.

— Да, — прошептала я, а он снова опустил глаза и наклонил голову.

— И этого юношу тоже.

— Да.

Это было все, что я могла ответить, моля Бога, чтобы он вернул Рейзу память. То, что он

помнил, кто были теми детьми, говорило о том, что он все еще хотел меня... и где-то глубоко, на глубоком уровне, понимал, что он любил меня так же, как я всегда любила его.

— Эта девушка, — произнес Рейз и опустил рамку, а потом пододвинулся ко мне, двигая своими накачанными плечами. Как только Рейз приблизился ко мне, то посмотрел в мои глаза и наклонил голову в сторону. Его губы блуждали и почти касались моих, теплое, манящее дыхание заставило меня закрыть глаза.

— Нет! — приказал он, и мои глаза тут же распахнулись. Рейз поднял рамку и поднес к моему лицу. Понимающее выражение лица сделало его черты более резкими, подчеркивая привлекательность. — Ты, ты и есть эта девушка на фотографии.

По моим щекам потекли слезы, я кивнула, не в силах ответить, а он откинулся назад и посмотрел на меня, словно впервые видел.

— Ты — девушка из моих снов...

— Да, Рейз, да, — ответила я, не скрывая волнения.

Из него вырвался протяжный выдох, словно он пробежал марафон, а потом он снова облокотился на стену, прижимая к груди рамку, и посмотрел на меня.

В ответ я посмотрела на него, желая, чтобы он вспомнил больше, но когда одинокая слеза скатилась по его небритой щеке, то это оказалось чересчур.

Я бросилась в его объятия.

— *Lyubov moyu!* Пожалуйста, не надо, — шептала я, обнимая его за шею и оседая на бедра, при этом чувствовала, как сильно бьется его сердце напротив моего. — Все хорошо. Мы сделаем так, что ты вспомнишь, кто ты такой. Со временем ты все вспомнишь. Я обещаю.

Его тело затряслось, и он уткнулся носом в изгиб моей шеи, потом крепко обнял и прижал меня к себе, что мне стало трудно дышать.

Мы сидели в тишине, успокаивая друг друга, и тут он спросил:

— Это я... я этот юноша на фотографии? Кто обнимает тебя?

Я замерла и медленно подняла голову так, чтобы посмотреть ему в лицо. Глаза Рейза потемнели, в них читался вопрос, и когда наши взгляды встретились, я ответила:

— Да. Уверена, ты и есть этот юноша на фото. Сначала я не знала, но теперь уверена. Это ты...

Первый миг от Рейза не последовало никакой реакции, а потом его рука обхватила мою щеку, а голова склонилась набок. Так мы замерли на несколько долгих минут, пока сквозь его губы на выдохе не прорвалось:

— Моя Киса-Анна... мое солнышко... Бог вложил кусочек твоих голубых глаз в мои, чтобы мы всегда знали: мы предназначены друг другу...

Радость и волнение накрыли меня, прорываясь как вода, сквозь плотину, сквозь рыдания я причитала: «Лука, мой Лука», а потом прижалась своими губами к его мужским, хранящим вкус мальчика, который был создан и предназначен любить меня. Любящий и потерянный мной мужчина, которого я сейчас обнимала.

Рейз замер, я оторвалась, чтобы посмотреть в его сияющие глаза, и заметила растерянный взгляд.

— Лука? — спросил он, его глаза расширились от удивления, и он сделал резкий вдох. — Лука, меня звали Лука... мое имя Лука?

— Да, — улыбнулась я и стала покрывать поцелуями его лицо.

Его рука схватила прядь моих коричневых волос.

— Киса-Анна, моя Киса-Анна, — продолжал он произносить снова и снова, и я была уверена, что никогда не устану слышать свое имя, которое слетает с его полных губ.

— Да! Да, Лука. Я твоя! Я предназначена для тебя.

Мы продолжали сжимать друг друга в объятиях, словно не было этой долго разлуки, и когда я, наконец, перестала обнимать его, то подарил длинный сладкий поцелуй и сказала:

— Ты не мог пойти со мной кое-куда? Я хочу отвести тебя в особое... особое место.

Рейз наклонил голову в сторону и без колебания ответил:

— Куда угодно. Я... доверяю тебе.

Он доверял мне.

Поднявшись, я взяла Рейза за руку и повела его в ванную, чтобы намочить тряпку и очистить кожу вокруг его новой тату, а сверху наложить свежую повязку из марли.

Рейз проскользнул в спортивный свитер и надел штаны. Я не смогла сдержать улыбку, когда поняла, что это был та же серая толстовка с капюшоном, которая была на нем в нашу первую встречу.

Рейз накинул капюшон, и мне показалось, что он сделал это инстинктивно, желая быть незаметным, потому что мы собирались выйти на улицу — я протянула ему руку, и он осторожно взял меня за нее. Я переплела наши пальцы и сжала ладонь.

Карие глаза Рейза, которыми он смотрел из-под капюшона, поймали мои, и, не говоря ни слова, я повела его на улицу, его огромные размеры превосходили мои.

Как только мы вышли через заднюю дверь, я заметила ожидающий «Линкольн» и Сержа, который вышел из машины, его высокая фигура напряглась, словно он приготовился встретиться с неприятностями.

Рейз потянул меня на себя, чтобы я остановилась, и подвинулся так, что я оказалась за его спиной, будто Серж представлял угрозу. Я потрясла его за рукав, но он прорычал:

— Отойди.

Я обошла вокруг Рейза и положила руки на его твердую грудь, дождавшись, пока он не посмотрит в мои глаза:

— Он — друг, Рейз. Он как 362 для тебя. Он — мой друг. — Я обернулась, чтобы посмотреть на Сержа, и знала, что он услышал все произнесенное мной на этой тихой стоянке, и была уверена, что могу доверять ему. — Ты тоже можешь помнить его. Он был тебе как дядя.

Рейз наклонил голову в сторону, и я смогла заметить, как он прищурил свои глаза, глядя на Сержа из-под капюшона. Я поднесла свою руку к его щеке и прошептала:

— Позволь себе вспомнить, Лука.

При упоминании его прежнего имени Рейз резко перевел взгляд на меня, потом снова на Сержа, и я заметила, что пытается вспомнить. Он расслабил мышцы и протяжно выдохнул.

— Серж, — произнес он тихо и неуверенно. — Серж, — снова повторил Рейз, и как только я повернулась к Сержу, заметила, что его лицо было бледным, и на нем отображался шок. Я поняла, что он поверил мне.

Снова взяв Рейза за руку, я подошла вместе с ним к Сержу, который не мог отвести взгляд от моего бойца, моей давно потерянной любви.

— Серж, — поприветствовала я, а Рейз замер, его голова наклонилась еще ниже так, что капюшон полностью навис на лицо.

Серж молчал.

Подняв глаза на Рейза, я попросила:

— Рейз, откинь капюшон.

Рейз не двигался в течение нескольких долгих секунд, но, в конце концов, поднял руку и отдернул капюшон, медленно поднимая глаза и фиксируя взгляд на Серже.

Серж смотрел на него оценивающе, изучая Рейза с близкого расстояния.

— Сергей? — произнес Рейз, и Серж немного пошатнулся от того, что его назвали полным именем. Он глянул на меня с недоверием, и тут же Рейз сказал: — Я помню... Я помню тебя.

Рейз схватил мою руку и прижал ее к губам, это простое действие почти заставило меня упасть от счастья.

— Ты должен был возить меня и Кису в школу... и возил нас на пляж?

— Да, — ответил Серж, и я услышала, как он поперхнулся, и увидела слезы в его глазах. — Господи! Это ты! Ты выглядишь по-другому, но... да, это ты.

— Я же говорила тебе, что нашла его. Что он вернулся к нам, — сказала я, а Серж покачал головой в изумлении.

— Мы думали, что ты умер. Нам сказали, что ты умер в результате несчастного случая.

Я почувствовала, как Рейз застыл, и на меня накатила волна паники. Я ведь ничего не говорила ему об убийстве или мнимой смерти. У меня еще не было времени рассказать ему о семье: Талии, Иване, матери, которая до сих пор не могла прийти в себя от потери сына. Рейз тоже ничего не упоминал о семье, поэтому мне не хотелось его подталкивать. Я не могла потерять его снова, если бы давление оказалось слишком большим и это заставило бы его сбежать.

— Что за несчастный случай? Чья смерть? — натянуто спросил Рейз, и я заметила, как вспышка боли проскользнула по его лицу. Было похоже на то, что воспоминания о прежней жизни, до того как он стал бойцом, вызывали физическую боль.

Серж нахмурился, а я покачала головой, без слов призывая его не продолжать дальше. Поднявшись на цыпочки, я поцеловала Рейза в губы и спросила:

— Хочешь поехать со мной кое-куда? Серж отвезет нас туда.

Рейз немного отступил и, не задумываясь, ответил:

— Да.

Серж открыл заднюю дверь «Линкольна», и мы проскользнули внутрь.

Рейз был очень напряжен, когда мы сели в машину, я гладила его по руке:

— Ты как, в порядке, любовь моя?

Рейз откашлялся и немного сдвинулся. Положив руку мне на колено, он сжал его.

— Машины заставляют меня нервничать. Я... я редко бывал в них, но мне не нравится то, что я не могу контролировать.

Взяв его тяжелую руку, я положила ее на свои плечи, а свою руку обернула вокруг его торса. Рейз водил по моей руке большим пальцем, и я вздохнула. Никогда не чувствовала что-то подобное. Даже когда мы были детьми, и я была увлечена Лукой, я не доросла до понимания, что с возрастом чувства могут становиться глубже. Я не знала, но теперь уверена, что если вы потеряли свою половинку, а потом снова нашли ее, то слово «облегчение» недостаточно описывает эмоции, потому что в реальности от ощущения, что ваши сердца снова бьются рядом, невозможно описать словами.

Подняв голову, я увидела смущенное и счастливое выражение лица Сержа, который смотрел на нас. Он всегда любил Луку, и если честно, всегда недолюбливал Алика. Кстати,

теперь я знала, что он не опасается за меня, ведь я была в руках Рейза. Это наполнило его счастьем, он беспокоился обо мне, какой будет моя жизнь с Аликом. Завтра вечером мой любимый и мой жених будут сражаться на арене, до смерти. Я почти задохлась от этой мысли, поэтому заблокировала ее в своем мозгу, пытаюсь сосредоточиться на объятиях со своей половинкой прямо сейчас, в эту секунду. Просто наслаждаться настоящим моментом.

Рейз притянул меня ближе и потерся носом о мои волосы.

— Мы всегда так сидели, не так ли? Ты в безопасности, под защитой моей руки.

Я улыбнулась, уткнувшись в его бицепс:

— Всегда.

— Кажется, я вспомнил это.

— Хорошо, *lyubov moyu*, это очень хорошо.

17 глава

Рейз

Как только открылась дверь автомобиля, знакомый запах моря ударил в мои ноздри, вызывая во мне воспоминания, оберегаемые моим разумом.

Юноша.

Девушка.

Пляж.

Летняя ночь перед рассветом.

Поцелуи... Что-то еще... что-то большее... что-то, изменившее жизнь... что-то, сдавившее мою грудь... что-то, что чувствовалось правильным.

Киса взяла в руки красный плед, Серж открыл дверь, выдергивая меня из воспоминаний.

— Я хочу показать тебе кое-что, Рейз, — сказала она, и я вышел из машины. Закрыв глаза, я услышал звук морских волн, ощутил запах соли, наполнявший воздух.

На меня нахлынуло спокойствие, как морские волны накатывают на берег. Доносившиеся с расстояния голоса людей, смех — все это заставило почувствовать меня словно я дома, впервые за долгое время. Я попытался позволить себе насладиться всем этим. Я никогда не позволял себе наслаждаться... чем-либо; слишком сконцентрированный на сражениях, убийствах, тренировках... мести, не позволяя себе просто существовать.

Запрокидывая голову назад, я сделал глубокий вдох и позволил душному ночному воздуху покинуть мои легкие, а на выдохе Киса взяла меня за руку и потянула к теплему песку.

— Буду ждать вас здесь, — крикнул нам Серж, я оглянулся, и заметил, что он садится в машину. Закрывая дверь, он послал мне улыбку, а я коротко кивнул ему в ответ.

Киса и я, молча, ступили на песок. Мы продолжали молчать, даже когда она подвела меня к кромке песка, остановившись только для того, чтобы я снял свои кроссовки. Как только мои босые ноги коснулись песка, я сделал глубокий вдох и уставился на темную воду, Луна была низкой и яркой.

Это заставило меня думать о сне, в котором юноша занимался любовью с Кисой на пляже. Мой взгляд метнулся вниз на Кису, которая тоже смотрела на океан, мое сердце стучало в груди так громко и сильно, что уверен, она слышала его. Но она просто продолжала смотреть в ночь, а я просто продолжал... вспоминать.

И я вспоминал...

Они были очень молоды, очень, когда были вместе, но это не имело большого значения. Они нервничали, даже слишком, но когда юноша вошел в нее, то ее киска была такой тугой и мокрой, что на миг он забыл как дышать.

Она тоже нервничала, когда юноша взял ее на песке, делая своей. Что-то переключилось внутри него, когда они стали одним целым, словно, в конце концов, все частички соединились, встали на свои места, и теперь они стали единым целым.

— Это мое самое любимое место на Земле, — прошептала Киса, неожиданно нарушая тишину ночи, я отступил, оставаясь позади нее, обнял за плечи и положил подбородок на ее макушку.

— Ты часто приходишь сюда? — спросил я, наблюдая за большими суднами, проплывающими вдоль горизонта.

Киса напряглась, а потом тихо произнесла:

— Я не была здесь двенадцать лет.

Я нахмурился, придя в замешательство, но прежде чем успел задать следующий вопрос, она развернулась и взяла меня за руку:

— Вот она.

Пытаясь понять ее, я спросил:

— Что?

На красивом лице Кисы внезапно появилось счастливое выражение, и она наклонилась ко мне, ее запах ударил в мой нос, сохраняя мое спокойствие. Я не люблю быть в общественных местах. Не люблю открытое пространство. Я так долго, очень долго был в клетке, что свобода и открытые пространства заставляют меня чувствовать себя неловко.

— Наша бухта.

Мы шли некоторое время, пока не перелезли через небольшие скалы, и за ними, спрятанный от посторонних глаз, находился небольшой клочок песчаного берега.

Киса глубоко вдохнула позади меня:

— Здесь ничего не изменилось, — прошептала она и прыгнула вниз со скалы на песок. Оборачиваясь, она дала рассмотреть, какими яркими были ее голубые глаза, как соблазнительно облегалo черное платье ее фигуру в форме песочных часов, как ветер растрепал ее длинные каштановые волосы.

— Киса-Анна, — прохрипел я и тоже попытался прыгнуть вниз, но вдруг остановился, когда что-то важное вернулось ко мне... что-то, о чем я, наверное, знал с той ночи, когда спас ее. Я просто не знал, как по-настоящему почувствовать это до сегодняшнего дня.

Мои глаза расширились от удивления, когда я посмотрел на свою женщину:

— Я взял ее... — прошептал я себе под нос и только для себя, воспоминания о нас, вместе, заполняли мой разум. — Я взял ее. Она была моей... — повторил я, когда подумал о нас на этом пляже, в этой бухте, в машине Сержа, на пирсе.

Я вытянул шею и посмотрел за скалы, за которыми увидел длинный и сияющий огнями пирс, сердце мое стучало, как раскат грома в грозу.

Киса расстелила одеяло на песке близко со скалами, я прыгнул вниз рядом с ней. Через несколько секунд поднял ее на руки. Ее удивленные голубые глаза встретились с моими, а руки вцепились в мои бицепсы.

Своим взглядом я впился в нее и, затаив дыхание, произнес:

— Ты — моя. С того самого дня как ты родилась. Я попросил тебя у твоей мамы, и она

сказала «да».

На лице Кисы отобразилась целая гамма эмоций: счастье, печаль и... надежда? Я не знаю, но она кивнула, ее глаза затуманились, угрожая, что вот-вот польются слезы.

Опустившись на колени от обрушившихся воспоминаний, я больше не мог стоять и, положив Кису на одеяло, лег сверху. Тепло наполняло мою грудь, словно дом, согретый солнцем, такие ощущения наполняли меня. До этого я ощущал только холод внутри. В камере было холодно. Убийства олицетворяли холод... Мне всегда было холодно, но прямо сейчас, я чувствовал тепло... Я чувствовал себя живым. Больше никаких ощущений, что я мертв внутри.

Я посмотрел в ее глаза и увидел только счастье в ее взгляде.

— Рейз, — пробормотала она, поглаживая и скользя по моим волосам, но я не мог говорить.

Мы навсегда вместе. Она и я, с самого рождения, мы навсегда вместе.

Убирая ее руку от моих волос, я пропустил свои пальцы сквозь ее и стал изучать их, эти тонкие, с розовым лаком на ногтях пальцы, на фоне моих грубых, со шрамами и следами от кастетов, которые годами портили мою кожу...

***

Когда мы сидели на диване, Киса достала книгу и начала читать, а я наблюдал, как она глазами пробежала по строкам, с полуулыбкой на губах.

— Долго наши отцы еще будут там? — спросил я, желая, чтобы она посмотрела на меня, чтобы уделила внимание мне, а не этой чертовой книге.

Киса бросила на меня взгляд поверх страниц и пожала плечами:

— Я не знаю. Папа всегда уделяет много времени тому, что касается бизнеса.

Я кивнул, но не сводил глаз с ее лица. Она опустила голову и покраснела. Мне было девять, ей — восемь, и каждый раз, когда я видел ее, то не мог отвести взгляд от ее лица. Она была очень красивой.

Киса продолжила читать, я подвинулся к ней поближе, пока наши руки не соприкоснулись. Она посмотрела в мою сторону и закусила губу.

Я пытался сесть поудобнее, но не мог перестать смотреть на Кису-Анну. Моя рука начала подергиваться, потому что я хотел протянуться и прикоснуться к ней. Она была моим лучшим другом, а лучшие друзья могут прикасаться друг к другу, подумал я.

Недолго думая, я все-таки протянул руку и взял ее за руку, обернув пальцы вокруг ее ладони.

Киса ахнула и спросила:

— Лука, что ты делаешь?

Я пожал плечами:

— Держу твою руку.

— Почему? — прошептала Киса, глядя на то, как мой большой палец поглаживает ее кожу. Она была очень мягкой.

— Потому что хочу, — ответил я честно, а она, казалось, задержала дыхание на несколько минут, не выдыхая, ее длинные ресницы трепетали, когда она посмотрела на меня.

— Хорошо, — едва слышно ответила она, и что-то теплое разлилось в моей груди и

устремилось вниз живота. — Я... мне нравится.

Я улыбнулся, и Киса снова покраснела.

— Мне тоже. Я теперь всегда буду держать тебя за руку. И никогда не отпущу.

— Я тоже не хочу, чтобы ты отпускал, — сказала она застенчиво, и я потянул ее к себе, откидываясь на спинку дивана, одним боком она прижималась ко мне, наши руки все еще были переплетены.

— Почитай для меня, — произнес я и закрыл глаза.

Киса сделала глубокий вдох, и начала читать историю с самого начала:

«Им было предназначено быть вместе, один мальчик и одна девочка, две половинки сердца, посланные странствовать по свету. Бог захотел проверить, насколько искренней была любовь и сможет ли она выдержать испытания. Он хотел увидеть, как половинки одной души смогут найти друг друга, несмотря ни на что. Пройдут годы, каждому из них будет больно, они будут грустить, но в один из дней, когда они меньше всего ожидали, их пути пересекутся снова. Вопрос в том: смогут ли их души узнать друг друга? Сможут ли они найти путь, чтобы возродить любовь...?»

***

— Мы держались за руки, — сказал я, когда рассеялось видение, как будто у меня почти не было никакого контроля над своими воспоминаниями, которые обрушились на мой мозг как водопад. — Ты читала мне. Я держал тебя за руку, пока ты читала мне.

Киса кивнула в знак согласия, из ее глаз выскользнули слезы и скатились на одеяло. Левой рукой она скользнула в мои волосы, от удовольствия я прикрыл глаза, погружаясь в захлестнувшие меня воспоминания:

— Мне нравятся твои волосы, Лука. Они такие золотистые, а чувствуются как шелк, — сказала совсем еще юная Киса, когда я лежал на траве в парке.

— Ммм... не останавливайся. Мне нравится, когда ты играешь с моими волосами.

Я затаил дыхание из-за картинки, возникшей в моей голове, и сосредоточился на ощущении ее руки в моей:

— Можешь погладить мои волосы как тогда, в парке, — произнес я, мой голос отражал тот объем и скорость, с которым возвращались воспоминания из прошлого.

— Да, — всхлипывала Киса, ее нижняя губа дрожала, но голубые глаза сияли, отражая желание большего, намного большего. — Да, могу.

***

— Киса, быстрее, давай за мной. Отец Хрущев не смотрит!

Я взял Кису за руку, мы выбежали из церкви на крыльцо, где я посадил ее к себе на колени и притянул для поцелуя.

— Ммм... Лука, — застонала Киса, и схватилась за ворот моей рубашки.

— Черт, мне не нравится церковь, это скучно, — прошептал я ей в губы, и Киса вырвалась, смеясь над моим признанием.

— Ты не можешь так говорить! Бог наблюдает! — прошипела Киса, а я наклонил голову к ее шее, чтобы вдохнуть ее запах.

— Нет, он уже дал мне тебя. Очевидно, он сильно любит меня, чтобы дать мне

возможность улизнуть с церковной службы и целовать мою девушку.

Киса потянула мое лицо к своему, и всего один взгляд сказал мне, как много я для нее значу.

— Лука... — она замолчала и прижалась губами к моим. — Тогда он не меньше любит и меня, потому что он знает, что я могу хотеть только тебя.

***

— Церковь, — произнес я, мои руки напряглись и начали трястись. — Мы на ступеньках.

— Да! Да, Рейз! Еще, пожалуйста, вспомни еще, — умоляла Киса, а я снова закрыл глаза...

***

— Лука, — прошептала Киса, и я не смог сдержать улыбку.

— Киса, — ответил я и посмотрел на ее мокрые губы, а потом выпалил: — Я хочу поцеловать тебя сейчас.

— Но я... Я никогда не целовалась раньше..., — сказала Киса, краснея, и у меня перехватило дыхание от того, насколько она была прекрасной, я улыбнулся.

— И я нет.

Шок отразился на ее лице:

— Ни разу?

— Кого мне целовать? — сказал я, обозленный на нее, что она думает, будто другая девушка будет иметь для меня значение.

Она пожала плечами.

— Откуда мне знать? В церкви многие девушки крутятся вокруг тебя.

Я улыбнулся и покачал головой. Сжимая ее за плечи, я наклонился и прохрипел:

— Но ни одна из них не ты.

Я указал на левый глаз, тот, в радужной оболочке которого было пятнышко синего.

— Мы одно целое. Зачем мне кто-то еще? Все они — не ты. Ты так красива со своими длинными каштановыми волосами, голубыми глазами и загорелой кожей.

***

— Мы поцеловались, — припоминая, я опустил взгляд вниз и провел рукой по песку. — Здесь, — добавил я потрясенный. — Наш первый поцелуй был здесь, на этом месте.

Счастливый смех Кисы смешался с ее радостными всхлипами, она притянула меня к своим губам, ее рот был мокрым и соленым от слез. Ее руки сжали мои волосы, а мои — обхватили ее лицо, не желая отпускать ее, к тому же, ее ноги были обернуты вокруг моей талии.

Оторвавшись на несколько сантиметров от моих губ, она спросила:

— Что еще, Рейз? Что еще мы делали тут? Ты можешь... ты можешь вспомнить? Пожалуйста, позволь себе вспомнить.

***

Опустив голову, я прижался губами к ее губам, и она простонала в мой рот, положила руку на шею и скользнула ею вверх, к затылку.

Поцелуй стал глубже, я оторвался, чтобы положить Кису на песок. Сам лег сверху, чувствуя ее тепло подо мной.

Еще немного и контроль будет утерян, поэтому, с трудом дыша, я отстранился от рта Кисы. Ее губы распухли, а руки обхватили мою шею, чтобы притянуть обратно.

— Киса-Анна, — сказал я и поцеловал ее шею. — Нам надо остановиться. Я не могу... мы не можем... я должен остановиться... мы должны прекратить.

Она опустила голубые глаза сначала вниз, а потом в сторону, глядя на луну. Я положил голову ей на плечо, пытаюсь восстановить контроль и унять покалывание в моем животе.

Киса положила руки на мои щеки, потянула мое лицо, пока я не поднял голову и не посмотрел ей в глаза:

— Пожалуйста, — прошептала она, — я хочу сделать это с тобой.

Я был потрясен, мое сердце забилось быстрее:

— Киса, ты... ты уверена?

Она застенчиво кивнула.

— Будешь моим? — спросила она.

Чувствуя, что мое сердце готово взорваться в груди, я ответил:

— Да, — и снова прижался губами к ее.

Позднее этой ночью Киса лежала в моих теплых объятиях, я не мог удержаться от того, чтобы не целовать ее лицо.

— Я люблю тебя, Киса, — признался я, она повернулась ко мне и опустила глаза, поддавшись внезапному порыву застенчивости.

— Я тоже люблю тебя. И рада, что ты был моим первым.

— И последним, — пообещал я, сжимая ее крепче в своих объятиях. Мы оба были голые под моей толстовкой, которая скромно прикрывала нас.

— Я даже представить не могу, что смогла бы быть с кем-то еще... когда-нибудь, — сказала Киса, вздохнув.

Я не мог не согласиться с ней.

***

Из меня вырвался стон, желудок скрутило, а член стал твердым из-за лежащей подо мной Кисы. Ее соски ощущались твердыми горошинками сквозь платье. Я приблизился и лизнул один прямо поверх материала, мои бедра оказались напротив ее горячей киски, когда она выгнулась от моих прикосновений.

— Рейз, — пробормотала Киса, я опустил руки к подолу ее платья, а затем согнул ей ноги, разводя и прижимая к талии. На ней были маленькие черные трусики, из меня вырвалось рычание, наклонившись, я лизнул вдоль полоски, вдыхая мускусный запах, к которому пристрастился.

Жажда попробовать ее разрушила мой контроль, и через мгновение трусики Кисы уже валялись на песке позади нас. Ее киска предстала во всей красе: лишь небольшая линия волос и гладкие половые губы, покрытые влагой.

Потянувшись, я пробежал пальцем вниз по ее щели, бедра Кисы дернулись, и, закрыв глаза, она издала глубокий стон. Я приподнялся, чтобы сорвать с себя толстовку, потому что стало слишком жарко. Киса, не отрываясь, наблюдала за мной, за каждым моим движением, ее голубые глаза светились желанием.

Мой член пульсировал и стоял, как стальной, но когда Киса развела ноги еще шире и обхватила свои груди, я подался вперед и пробежал губами по внутренней стороне ее бедра, а затем, инстинктивно, прошелся языком вдоль ее щели.

Как только мой рот наполнил соленый вкус, я захотел большего. Я стал вылизывать, пить ее. Руками Кисы сильно тянула пряди моих волос, но это только еще больше распалило меня. Используя свою силу, я положил свои руки на внутреннюю поверхность ее бедер и раздвинул, открывая их, насколько было возможно, чтобы взять ее так, как я хотел.

Рука Кисы проскользнула вдоль моей хватки и опустилась на киску, я наблюдал, удерживая дыхание, как она касается себя. С головки моего члена упало несколько капель предэякулята, а яйца заболели от необходимости пометить мою женщину, снова взять ее, но на этот раз, зная, кем мы были друг для друга, кем она была для меня.

— Прикоснись ко мне, здесь, Рейз. Полижи меня. Соси меня вот здесь, мой клитор. Дай мне кончить на твой рот.

Мое сердце так сильно колотилось в груди от ее слов, что показалось, будто оно сейчас выскочит из моей груди. Я наклонился вперед, опустил свой рот, отводя ее руку в сторону, чтобы сделать то, о чем она просила.

Это был первый раз, когда я пробовал киску. Ее запах провоцировал меня двигаться дальше. Пальцами я развел ее губы, продолжая кружить кончиком языка по ее клитору. Киса застонала и дернулась, как только почувствовала мои прикосновения. Мой язык стал неистовым, вылизывая ее клитор снова и снова, ноги Кисы стали дрожать, а ногти царапали мои голые плечи.

— Рейз, *lyubov toya*, так хорошо... так хорошо... Ах!

Киса вскрикнула, когда мои губы накрыли ее клитор, посасывая, я вставил палец в ее сочащуюся дырочку, двигая им веред и назад.

Я сходил с ума. От мускусного запаха ее киски, вкуса соков, мокрого влагища и как это ощущалось, от звуков, которые она издавала. Я стал сосать еще жестче и добавил второй палец, это заставило Кису напрячься и царапать ногтями мою кожу так сильно, что я знал, останутся кровавые следы. Киса кончила бурно, нарушая криком тихую ночь. Замедляя движения, я вынул пальцы из ее влагища, прошелся языком по губам киски, пока она пыталась восстановить дыхание и гладила меня по волосам.

Подняв голову, навис над красивым телом Кисы, и обнял руками ее покрасневшее лицо. Она смотрела в мои глаза, пробегая тыльной стороной ладони по моей щеке:

— Ты вспомнил, *lyubov toya*? Ты вспомнил еще что-нибудь?

Закрыв глаза и облизнув губы, я открыл их снова, но лишь кивнул и опустил руку вниз, чтобы освободить свой член из штанов. Я был чертовски твердым, и все, что мне нужно было, — это оказаться внутри Кисы. Мне надо было услышать, как она выкрикивает мое имя.

Скользнув по ее телу, я потянул за бретельки и спустил их с плеч, ее грудь обнажилась, а твердые розовые соски так и ждали, когда я накрою их ртом. Наклонившись, я втянул правый, а потом немного поиграл рукой, неохотно оторвавшись, то же самое проделал с левым соском.

— Любюв мою, ты нужен мне внутри меня, — простонала Киса, направив руку вниз, чтобы обернуть ее вокруг моего члена и подвигать вверх-вниз. Откинувшись назад и присев на пятки, я запрокинул голову и прошипел сквозь зубы. Мои яйца стали тяжелыми, пока она проделывала это со мной снова и снова, но когда я почувствовал влажное прикосновение к головке члена, мои глаза распахнулись, и в теле напрягся каждый мускул.

Из груди вырвалось низкое рычание, я посмотрел вниз, и увидел Кису, стоящую на четвереньках, ее поднятую вверх задницу и полные губы, которые она обернула вокруг моего члена

— Киса, — простонал я, мой голос был низким и хриплым. — Твою мать, так хорошо...

Из Кисы вырвался стон, ее спина выгнулась, она продвинулась вперед, чтобы взять мой член еще глубже в свой горячий рот, сколько смогла, пока головка не задела заднюю стенку горла. Тепло начало разливать по моему телу, вдоль бедер к коленям, и я знал, что если Киса продолжит сосать мой член, то очень скоро я кончу.

Прищурив глаза, я не поддался соблазну взять свою женщину, кончив ей в рот и заставляя глотать сперму. Вместо этого я оттолкнул ее, заметив, какими блестящими были эти полные красивые губы, насколько светящимися выглядели ее голубые глаза, когда она подняла их и посмотрела на меня с самым прекрасным выражением лица.

Слова застряли в горле, я толкнул ее на спину, чтобы она легла на одеяло. Я закрыл глаза, вспоминая себя в этом же положении много лет назад, когда нервничал и был неопытным, но чувствовал себя соединенным с Кисой, и, вспоминая, как дрожали мои руки, когда я вошел в нее и взял ее девственность.

— Мальш, посмотри на меня. Держи свои глаза открытыми, когда собираешься любить меня. В этом нет ничего плохого, только хорошее между нами, — прошептала Киса. Я сделал, как она просила, и чтобы оказаться над ее хрупким телом перенес свой вес на руки. Я надавил бедрами, чтобы протиснуться между ее ног, пока головка члена не уперлась в горячую щель.

Руки Кисы блуждали по моей спине, напрягшимся рукам, шее, волосам. Ее прикосновения почти добились меня, и когда я посмотрел сверху вниз, то все казалось правильным. Это была моя женщина, моя Киса-Анна, половинка моей души.

Опускаясь на нее и уперевшись локтями, я прошелся кончиком носа по ее щеке, вдыхая запах, затем — по волосам, останавливаясь около ее уха.

— Я помню, как взял тебя тут, на этом пляже. Помню наш первый раз. Мы были совсем юными, возможно, подростками? Я не знаю. Но я прокрался в твой дом, забрал тебя и привел сюда, в нашу бухту. Мы целовались, и это стало чем-то большим. И тогда ты спросила, стану ли я твоим, — по лицу Кисы бежали слезы, я потерся головой об ее щеку. — И я ответил, что «да».

— Рейз, — она плакала, и ее дыхание было сбивчивым.

От ощущения чего-то неправильного я замер.

Выражение лица Кисы сменилось с удовольствия на беспокойство:

— Рейз? Что случилось?

Как только она произнесла мое имя, я понял, что не так.

Рейз... Рейз, Рейз, Рейз...

Рука Кисы пробежала по моим волосам.

— Рейз, — прошептала она снова, а я схватил ее за запястье, удерживая его, ее голубые глаза расширились от шока. — Рейз, что...

— Нет! — произнес я сквозь зубы. — Не называй меня так!

Лицо Кисы стало бледным.

— Почему?

Почему?

Почему?

— П-потому что это не мое имя. Я — не узник под номером 818. Я не... Я не Рейз.

Мою грудь сдавило, словно я не мог дышать. Я отпустил запястье Кисы, чтобы провести по своей грудной клетке.

— Ре... — Киса замолчала, а затем соединила свою руку с моей и поднесла ее к губам, чтобы поцеловать. — Почему тебя так называли?

Я посмотрел в сторону моря, задумавшись, что слишком многое не помню:

— Чем лучше я обучался драться, — ухмыльнувшись, произнес я, — убивать, тем сложнее меня было остановить. Раз за разом я становился лучше и лучше, больше и быстрее своих противников, которые противостояли мне. Из-за них я становился только прочнее. С лезвиями на моих кастетах я был неудержим. Охранники шутили, что я стираю с лица земли своих противников. Вот так слово «рейз» (Прим. перевод. gaze — соскребать, разрушать до основания, скользить по поверхности) и закрепилось, а потом охранник сделал тату на моей спине, чтобы угодить толпе, которая могла бы выкрикивать его, когда я входил в клетку.

Я заморгал, чтобы вернуться в реальность из воспоминаний. Затем снова перевел взгляд на мою Кису:

— Поэтому мне не хочется, чтобы ты произносила это слово. Ты не относилась ко мне как охранники или те люди.

— Нет, и никогда не буду. Тебя обидели, но больше никто не посмеет, малыш.

Упершись руками поверх головы Кисы, я наклонился и сказал:

— Я хочу, чтобы ты назвала меня по имени. Моим настоящим именем.

Беспокойное выражение лица Кисы, наконец, сменилось пониманием, ее глаза снова наполнили слезы, и она кивнула:

— Ты... ты хочешь, чтобы я называла тебя... Лука, — прошептала она осознанно, и, услышав, что за имя слетело с ее губ, я обнял ее, прижимая к себе.

Мой член стал еще тверже, но этого было недостаточно.

— Повтори, — потребовал я хрипло, Киса сглотнула, развела ноги шире, обвивая их вокруг меня, и приставил член к своей киске.

Как только я протолкнул головку в ее вход, Киса обернула руки вокруг моей шеи и приблизила рот к моему уху. Мы оба застонали, я вводил в нее сантиметр за сантиметром.

Киса подначивала меня, двигая бедрами. Я ощущал над ухом ее теплое дыхание:

— Лука, — стонала она, — люби меня... мой Лука.

И тут меня словно прорвало, я взревел и со всей силой начал толкаться вперед, проскальзывая в Кису, наполняя ее, пока она кричала мое имя. Лука. Она выкрикивала его снова и снова.

Лука, Лука, Лука...

На этот раз я сделал ее своей, не было никаких мыслей — только ощущения. Впервые за все время я действительно чувствовал это. Мое горло душили многие эмоции, которые я чувствовал. Я так долго блокировал их, держал в себе так долго, что теперь не знал, как бороться с этим. Поэтому я сосредоточился на том, что был внутри женщины, от которой исходили стоны, пока я прижимал ее набухший клитор, и мой член задевал какое-то место

внутри нее, что от этого она сходила с ума.

Ее твердые соски касались моей влажной груди, и каждый раз, как я толкался вперед, Киса задыхалась от трения, от чувства, что мой член наполняет ее, указывая ей, кому она принадлежит.

— Лука, мой Лука, — стонала она мне прямо в ухо, и каждый слог, слетающий с ее губ, заставлял меня толкаться дальше и дальше, работать бедрами быстрее и быстрее. — Ты вернулся ко мне...

— Киса, — сказал я с напряжением в голосе, чувствуя, что мои яйца натянулись почти до боли. — Я собираюсь кончить, solnyshko...

Ногтями она впиалась в мои плечи, дыхание стало прерывистым.

— Близко... так близко, Лука... трахни меня сильнее... сильнее, Лука, сильнее!

С каждым ударом я входил на всю длину и со всей силой, что могли выдать мои бедра. Я вбивался в нее на полную, ударяясь о ее киску, звуки, что мы вместе издавали, толкали меня через край.

Мой член вздулся, рот пересох, а услышав звуки пронзительного оргазма Кисы, я подался вперед, погрузил руки в теплый песок под головой Кисы, пока наполнял ее своей спермой.

Я опустил лоб на спутанные волосы Кисы.

Я пытался восстановить дыхание, минута за минутой, когда снова испытал сильное волнение от слов Кисы:

— Я люблю тебя, Лука. Все эти годы без тебя, я никогда не переставала любить.

Я замер.

— Любить? — спросил я, нахмурившись. — Что... что это значит?

Киса расслабила ноги, обернутые вокруг меня, и толкнула меня в грудь, чтобы я посмотрел на нее.

— Любить, *lyubov* *moya*. Ты не помнишь, что это такое?

Ее голос звучал грустно, словно этим я причинил ей боль.

Мне не хотелось делать ей больно. Если ей больно, то и мне.

В смущении я опустил голову:

— Нет, я не очень понимаю, что это значит. Я слышал это слово, но оно не имеет никакого значения для меня.

Киса притянула меня обратно, взяла за руку и положила ее себе на грудь, я чувствовал, как колотится ее сердце под ладонью. Мое сердце колотилось также.

— Любовь — это чувство между двумя людьми, которые разделяют его, Лука. Два человека не могут перестать думать друг о друге. Два человека мечтают друг о друге каждый день, каждую секунду, и днем, и ночью. Два человека хотят провести жизнь вместе. — Она сделала паузу, чтобы прижаться своими губами к моим, а потом отстранилась. — Два человека занимаются любовью, как мы с тобой сейчас, и знают, что их души принадлежат друг к другу, и только друг другу.

По щеке Кисы сбежала слеза, и, наклонившись, я поцеловал ее. Отстранившись, я наклонил свою голову набок, чтобы посмотреть на прекрасное лицо Кисы.

— Тогда я... тогда я люблю тебя?

Киса замерла на мгновение, а потом, удивив меня, обхватила руками шею и уткнулась лицом в мою грудь.

— Я надеюсь, что это так, Лука. Я молюсь, что ты все еще любишь меня.

И я почувствовал, как от ее слез, моя кожа стала влажной.

Я прижал ее к своей груди, перевернул нас на сторону, чтобы я мог видеть ее лицо. Не думаю, что мне когда-нибудь надоест смотреть на ее лицо. Киса шмыгнула носом, пытаюсь скрыть нервную улыбку.

Я положил голову на бицепс и указал на свою грудную клетку.

— Так что... боль, которую я чувствую вот здесь с того момента, как увидел тебя... это любовь? Когда я вижу тебя в своих снах или хочу тебя, это потому что я люблю тебя?

— Лука, это правда? — прошептала она тихо, с надеждой в голосе.

Я кивнул, она обернула свой указательный палец вокруг моего. Я посмотрел на наши соединенные пальцы, и по непонятной причине не смог отвести глаза.

— Я всегда любила тебя, Лука, и мечтала, что ты вернешься ко мне. Знала, что это было невозможно, но я не переставала молиться за тебя, так или иначе, надеясь на чудо.

— Мое... — я откашлялся, пытаюсь выразить словами то, что застряло в груди.

Киса затаила дыхание, в наших переплетенных пальцах почувствовалось напряжение.

— Мое... что-то внутри меня, вот тут, — я указал на сердце. — Здесь, — обратил внимание на свой живот. — И здесь, — показал на свою голову. — Все говорит о том, что ты — моя. Что ты должна принадлежать мне. Что ты создана принадлежать мне, а я — тебе.

— И здесь, — произнесла Киса, указывая на мои глаза.

— Здесь? — переспросил я, тоже указывая на свои глаза.

Киса кивнула и улыбнулась.

— Это пятнышко синего в радужке твоего глаза, оно говорит, что мы связаны навсегда.

Мой пульс подскочил, и на этот раз я чувствовал, как кровь побежала по венам, а не была застывшей, и это вернуло меня к жизни.

— Почему, Киса? — спросил я. — Почему это происходит между нами?

Киса опустила взгляд и замолчала на какое-то время, а потом застенчиво улыбнулась и прошептала:

— Из чего бы ни были сотворены наши души...

— ... его душа и моя — одно, — закончил я словами, которые вырвались из памяти, скрытые в моем подсознании. Я удивился, наблюдая за счастливым выражением лица Кисы. — Что... что это значит? Откуда я это знаю?

— Это «Грозовой перевал», книга, которую я читала тебе перед тем, как ты пропал. Это цитата, которой моя мама описывала наши отношения. Мы использовали ее, потому что она нам нравилась.

— А где твоя мама?

Киса прерывисто вздохнула, ее глаза заблестели.

— Она умерла, Лука. Она умерла, когда мне было пятнадцать.

Смерть. Она была везде.

Ни один из нас не произнес ни слова, но через некоторое время, когда стала надвигать ночь, я притянул Кису к себе.

— Киса? — позвал я.

— М-м-м? — пробормотала она сонно, уткнувшись в мою грудь.

— Завтра ночью я убью Дурова.

Киса напряглась и затаила дыхание. Она никогда не рассказывала о том, что чувствует к нему, только то, что он не может жить без нее и нуждается в ней. Но я тоже нуждался в ней, и разница между Аликом и мной была в том, что она нуждалась во мне, чтобы я был рядом,

даря ей безопасность.

— Я знаю, — наконец прошептала Киса в ответ, но я заметил боль в ее голосе. Воспоминания, когда я был ребенком, неожиданно вернулись ко мне, и я резко выпрямился, отчего Киса упала на песок.

Я схватился за виски, память возвращалась так быстро, что это почти причиняло боль, которую едва удавалось выдержать...

***

— Ты убил его, Алик! — кричал я, покрытый кровью моего лучшего друга, в то время как Родион умирал на моих руках.

Алик ударил его ножом, его глаза были дикими, губы искривились в сумасшедшей улыбке.

— Нет, Лука, я не убивал его.

Я наблюдал, как Алик ударил в себя ножом где-то в области желудка и упал на пол.

— Ты сделал это! Вы спорили, подрались, а потом ты вытащил нож и убил его

— Что... какого хрена? Ты с ума сошел? — кричал я на него, но Алик уже звал на помощь.

— Он умер, — сказал Алик, глядя на меня и схватившись за живот. Из него сочилась кровь, и он указал на Родиона.

— Наследника Волкова больше нет. Я лишь сделал то, что приказал мой отец. И теперь однажды я стану Паханом. Родион был слишком слабым для этого, слишком милым. А я был рожден, чтобы стать безжалостным, чтобы убивать всех, кто встанет на моем пути.

Моя кровь превратилась в лед, когда я услышал, что он убил Родиона из-за власти. Его отец приказал ему убить, так что его сын стал следующим в очереди.

Святой Иисус!

— А я? — прошептал я ошеломленный. — Почему, твою мать, ты подставил меня?

Послышались шаги и голоса наших отцов, зовущих нас. Алик крикнул в ответ, падая на землю, но перед этим улыбнулся и сказал:

— Потому что должен быть кто-то виновным, и я хочу то, что есть у тебя.

Я покачал головой в замешательстве.

— О чем ты?

— Она всегда много значила для меня, а не ты. Она нужна мне. Она единственная, кто может успокоить меня. Единственная, кто способен заглушить голоса в моей голове и остановить меня, чтобы я не вредил людям. И ее одержимость тобой стала препятствием на моем пути, чтобы сделать ее своей.

Я отшатнулся, как только до меня дошло то, что он сказал.

Киса.

Он убил Родиона из-за власти и оклеветал меня из-за... Кисы? Прежде чем я осознал, уже оказался сверху на нем и, не обращая внимания на то, что из его живота льется кровь, наносил удары по лицу.

— Ты не сделаешь ей больно, ты, больной ублюдок! Оставь ее в покое! Ты сумасшедший! Тебя надо запереть!

Алик улыбался, пока я бил его по лицу, будто он не чувствовал удары на себе. Я замер в

шоке, и он сунул нож мне в руку.

Прибежал мужчина, пробравшийся сквозь деревья, и, увидев своего сына мертвым на земле, упал на колени. Все, что я мог делать, — это наблюдать, как он пытается вернуть его к жизни, а потом он закричал, когда искусственное дыхание оказалось бесполезным.

Затем прибежал еще один мужчина.

Они увидели, что я сижу на Алике, мои кулаки покрыты кровью, рот искажен от гнева. Я поднялся и попятился, пока не приземлился на задницу. Мои ноги не двигались, как в немой сцене. Я не мог говорить. Не мог заговорить, чтобы объяснить... мой лучший друг был мертв.

Один из мужчин бросился вперед, подбегая к Алику, лежащему на земле, потом я заметил, как его взгляд метнулся ко мне и обратно.

Повернув медленно голову, я опустил взгляд и увидел то же, что и они: покрытые кровью руки.

Я пытался открыть рот, чтобы объяснить и рассказать о том, что произошло, но как только попытался, то отец Родиона в пальто, которое было покрыто кровью, подошел ко мне, привлекая внимание.

— Лука, что ты наделал?

***

— Лука! Лука! — С паникой в голосе Киса нарушала тишину ночи. — Дыши, дыши... Ты не дышишь. Постарайся успокоиться.

Я сосредоточился на лице Кисы, ее руке, поглаживающей мои волосы. Когда я смог, наконец, пошевелиться, то поднял руку и обернул ее своей.

— Что такое, *lyubov* моя? Что ты вспомнил? — спросила Киса, и я заметил беспокойство в ее голосе. — Ты пугаешь меня.

— Д-Дуров, — заикаясь, выдавил я. — Дуров убил Родиона, нанес удар себе, а потом обвинил меня во всем.

18 глава

Рейз

Рука Кисы, которой она удерживала мою руку, затряслась, и я заметил, что ее лицо стало бледным от сказанного мной, от того, что всплывало из глубин заблокированных воспоминаний о моем прошлом, когда они нахлынули на меня.

— Родион, — прошептал я, чувствуя, словно кто-то нанес мне удар под дых. — Родион был моим лучшим другом, не так ли? Мы были как братья, да?

Я заметил, как из глаз Кисы полились слезы. Я попытался вспомнить черты Родиона: светло-каштановые волосы, голубые глаза. Я вспоминал о нем иногда. Он был мальчиком из моих видений. Его черты представлялись размытыми, я никак не мог с точностью их разглядеть. Но теперь все изменилось, я увидел его образ предельно ясно. Я знал его. Я...

Дерьмо...

Я посмотрел на Кису. Она опустила голову, вытирая слезы с лица. И потом я увидел картинку в моей голове, где она и Родион вместе: в церкви, на пляже, за столом со стороны

их отца...

Подняв руку, я прикоснулся к ее спине и, с трудом сглотнув, спросил:

— Он... Родион был твоим братом, не так ли? Твою мать, Киса, у тебя с Родионом одна кровь.

Из Кисы вырвались рыдания, она упала на песок. Подвинувшись к ней ближе, я прижал ее к себе и обнял за талию. Она наклонилась, и зарыдала в моих руках еще сильнее, пока она обнимала меня за бедра, я пытался контролировать дыхание от нахлынувших воспоминаний из прошлого, которые сбивали меня с ног.

— Киса, — пробормотал я. — Дуров убил его. Он убил его.

Еще один громкий всхлип вырвался из ее горла, и она начала дрожать. Опираясь руками о мои бедра, она приподняла голову вверх. Ее прекрасное лицо покраснело, а глаза были мокрыми от слез.

— Нет! Я всегда думала, что его смерть была несчастным случаем. Недоразумением. Мне так объяснили. Я, я... — потянувшись, она схватила меня за бицепс, а ее лицо отражало отчаяние. — Зачем? Почему Алик убил его? Что такого ему сделал Родион? Я не понимаю! Они же были друзьями!

Я закрыл глаза, задержав дыхание, словно это могло заставить мою память заработать.

— Пожалуйста, вспомни. Пожалуйста, вспомни, — умоляла Киса.

«Наследника Волкова больше нет. Я лишь сделал то, что приказал мой отец».

Все еще удерживая вздох, я посмотрел на Кису, и в моей голове всплыло лицо человека. Он был высокий, темный, старше, с гребаным дьявольским огнем в глазах. Таким же, как у охранников, подумал я. У него был тот же садистский, контролирующий взгляд, который всегда был у охранников.

— Его папа, — сказал я, на что Киса могла лишь моргать. — Его папа сказал ему, что надо избавиться от наследника, и тогда он станет следующим в очереди. И он станет лидером, когда придет его время.

— Нет, — произнесла Киса, качая головой. — Нет! Абрам не стал бы делать этого. Он любил Родиона.

— Алик зарезал Родиона, потому что его отец приказал ему сделать это. Алик сам это сказал!

Киса стала отчаянно трясти головой.

— Нет, нет, нет, нет!

Она неуверенно поднялась на ноги и обхватила себя. Внезапно замерла и спросила:

— А Алик? П-почему если он сам заколол, то обвинил тебя? Почему забрал и тебя у меня?

Я застыл, словно каждую мою мышцу заморозили, и лишь сердце стучало в моей груди. Киса заметила мою реакцию и опустила руки.

— Что? — спросила она, в ее голосе слышались нотки страха и... тревоги.

Поддавшись желанию защитить ее, я рванул вперед и накрыл ее рот своими губами, Киса постанывала от удивления. Ее руки обхватили мою накачанную шею, но ее рот сопротивлялся мне и той искре, что была между нами.

Отстранившись, в попытке выровнять дыхание, я прижался лбом к ее лбу, удерживая ее за шею.

— Лука, пожалуйста, скажи, — умоляла Киса, едва слышно.

Прерывистый вздох, после которого я закрыл глаза и честно ответил:

— Из-за тебя.

Я открыл глаза, и Киса попятилась, не отрывая от меня своего взгляда. Она качала головой, по ее щекам текли слезы.

— Ему надо было обвинить кого-то, и он хотел тебя, Киса-Анна. Он хотел забрать тебя у меня.

— Нет! — Она повернулась ко мне спиной и направилась к ближайшей скале. Она трясла головой, и все что я мог, — это стоять и смотреть на нее, содрогаясь от неизвестности... непонимания, как помочь ей, что сделать, чтобы она почувствовала себя лучше.

Я просто стоял там, онемевший, и наблюдала, как она разваливается. Но когда из ее горла вырвался страдальческий крик, и она упала на колени, мои ноги, казалось, начали двигаться по собственному желанию, я упал позади нее, оборачивая руки вокруг ее хрупкого тела.

— Он... у него проблемы. Он все время обеспокоен голосами в своей голове. Они заставляют его причинять боль людям. Он нуждался во мне, даже тогда, он нуждался во мне, чтобы заглушить их, — прошептала она. — Он всегда был одержим мной. Но я никогда не думала, что... Я не могла себе даже представить, — у Кисы перехватило дыхание, когда она повернулась в моих руках. Я замер, не понимая, что она делает, потому что Киса подползла ко мне на коленях и положила голову на плечо. Я пытался восстановить дыхание, ее действия пробудили во мне что-то теплое, словно ее прикосновения дарили близость, от которой таил лед в моей крови.

Покрасневшими глазами Киса посмотрела на мои татуировки, оставленные в качестве подарка от охранников, выставивших меня перед дьявольской толпой ГУЛАГа, и тут она выдохнула, и это дуновение напротив моей шеи, послало дрожь по спине.

— Я не могу... Я не могу принять то, что он обвинил тебя, мой прекрасный Лука, мой лучший друг, моя половинка... из-за меня... потому что он хотел меня...

За ее прерывистым дыханием последовало движение руки, которой она прочертила линию до моего живота:

— То, как он поступил с тобой... так... жестоко, чтобы скрыть ужасную ложь.

Я закрыл глаза, стараясь не слететь с катушек из-за ярости на Дурова и из-за того, что он сделал.

Но когда Киса продолжила, весь самоконтроль полетел к чертям:

— Он ведь даже не дал мне погоревать о тебе. Он просто взял и сделал меня своей собственностью. Мне было всего тринадцать. Но я была его. Мой отец не препятствовал этому, он был раздавлен, а потом через несколько лет от сердечного приступа умерла моя мама. Боль от потери моего брата оказалась для нее слишком тяжелой, она не смогла этого вынести. У папы осталась я, которая теперь была с единственным наследником, — это был лучший выход из сложившейся ужасной ситуации. И я была так напугана тем, что могу потерять всех, кого люблю, поэтому никогда не сопротивлялась ему. На самом деле, я была рада тому, что еще кто-то оставался рядом со мной.

Киса подняла голову и трижды поцеловала мою плотно сжатую челюсть.

— Я потеряла тебя. Меня ничто не беспокоило настолько сильно, как до того случая... когда ты спас меня в переулке, и мое сердце снова начало биться. — Она сделала глубокий вдох. — Я даже не понимала, что оно остановилось.

Не зная, что ответить, я обнял ее крепче.

— Лука? — спросила она. Я хмыкнул в ответ: — Куда ты пропал? Что случилось?

Я прищурил глаза, концентрируюсь на воспоминания о прошлом.

— Твой отец вместе с отцом Алика забрал меня в свой офис. — Я нахмурился, отчего моя голова начала болеть. — Кто-то пытался заступиться за меня. Еще один мужчина был в комнате с нами, как мне кажется, но я не могу вспомнить его лицо.

Киса замерла в моих руках.

— Ты не знаешь кто это? Как он выглядит?

Мужчина был старше и, возможно, у него были светлые волосы, но это все, что мне удалось разглядеть. Пытаясь вспомнить что-то еще, я напрягал свою память. Я боялся, что если слишком сфокусирую свое внимание на этом человеке, который пытался уберечь меня, забуду все остальное.

— Он просил твоего отца, чтобы тот не убивал меня, но отец Дурова хотел моей смерти. Я... — Мое сердце начало стучать очень быстро, разгоняя кровь по венам. — Помню, что от страха не мог открыть рот. Отец Дурова был так зол, он запугал меня. От его взгляда у меня пропал голос. Он жестикулировал, кричал, что убьет меня, если я произнесу хоть слово. Я онемел от шока. Мужчина, который пытался меня защитить, пытался спорить с ним, и... и они направили пистолеты друг на друга.

Я зажмурился, потряс головой, чтобы прояснить картинку из воспоминаний.

— Следующее, что я помню, твой отец сказал мне, что не будет никакого полицейского расследования о моем участии в убийстве Родиона, но меня отправят на родину, в Россию, по контактам, которые у него были там. Он сказал мне, что я буду наказан. Он говорил, что меня отправят в колонию, где меня ждет тяжелый ручной труд в одной из деревень, что находится в глубинке. Он сказал мне, что я никогда не вернусь в Бруклин.

Киса придвинулась еще ближе, почти слилась с моей грудью, словно хотела пробраться под кожу.

— Господи, Лука. Я помню, как они забрали тебя. Меня отправили домой... я лежала в кровати, неспособная двигаться или говорить.

Киса посмотрела на меня и положила свою ладонь на мою кожу.

— Что произошло потом? Потому что... потому что, когда ты пропал, я не знала, куда они тебя увели, вскоре мне сказали, что ты умер.

Мой нос жег запах дыма. Звуки, доносившиеся до меня, были визгом тормозящих шин, остановка. Это был автобус...

— Я был в автобусе. Снаружи было холодно. Ночь. Я помню, что через стекла ничего не было видно, потому что они запотели. Нас было четверо, может, пятеро, которых привезли непонятно куда. Никто не говорил. Мы все сидели отдельно друг от друга. Я чувствовал, что каждый из нас был напуган. Слишком юные... подростки? Кажется, некоторые были еще младше. Кого-то продали их семьи, чтобы они работали на полях.

Не отрываясь, я смотрел на огни, которые освещали пирс. Я чувствовал себя опустошенным от сегодняшних воспоминаний. Но огни становились размытыми, вместо них в моем мозгу стала проясняться картинка. Свет... визг шин...

— Автобус съехал с дороги, — выпалил я вслух все то, что нынче выдавала моя память. — Передние фары от фургона ослепили на темной дороге. Потом был громкий удар, водитель автобуса свернул, мы попали в кювет. Мы закричали, но водитель не шевелился. Помню, как перелазил через сидения, до меня доносились стоны других мальчиков, им было больно от ран, я полз к водителю. Но когда нашел его, то все что смог увидеть, — кровь. Я

заметил отверстие в его голове, и знал, что оно образовалось не в результате несчастного случая.

Ладонями чуть выше запястья я надавил на глаза, пытаюсь справиться с болью от слишком сильных воспоминаний.

— Лука? — прошептала Киса, поглаживая по спине. — Не надо, не заставляй себя. Все хорошо, *lyubov moya*. Все хорошо. Не торопи себя. Это слишком для тебя за такое короткое время.

Я закипал от гнева, меня начало трясти, внутренняя ярость была сильнее меня, чтобы я мог с ней справиться.

— Нет, — отрезал я, мой голос звучал убийственно даже для меня. Киса отшатнулась, когда услышала его, она задержала дыхание от моей внезапной смены настроения. — Мне надо... вспомнить, — выдавил я.

— Лука? — спросила Киса и медленно начала отползать назад. — Тебе надо успокоиться. Ты покраснел. Твоя кожа горит!

Запрокинув голову назад, я заорал в ночное небо, освобождаясь от всей путаницы, гнева, разочарования, которые атаковали меня все эти дни.

— Лука! — крикнула Киса, и я слышал шорох, ее рыдания, когда она стала отодвигаться от меня на коленях в сторону скал у нее за спиной.

— Водителя застрелили, в автобус ворвались мужчины... грузины... грузины взяли штурмом автобус. — Я стал раскачиваться на коленях, пока перед глазами разыгрывалась сцена. — Они били нас, загоняли в заднюю часть автобуса. — Я сделал глубокий вдох, задерживая дыхание, и посмотрел на Кису, которая успела одеться и прижималась к скале, словно перед ней был монстр.

Она была права. Я был чертовым отмороженным и больным монстром. Это было то, во что они превратили меня,... что сделали со мной...

— Они знали мое имя, — выплюнул я. — Эти люди... они обратились ко мне, назвав мое имя, — я моргнул, но полное имя так и не всплыло в моей памяти. — Лука, — произнес я и стал бить себя по голове кулаком. — Лука... Лука... А-а-хх!

Я не мог вспомнить свою фамилию!

— Толстой, — ветер донес до меня тихий голосок. — Лука Яков Толстой, это было твое полное имя. Это и есть твое полное имя.

Я опустил плечи, наклонив голову в сторону, и заметил, как выражение страха на лице Кисы сменила печаль.

Меня подкосило, я упал на четвереньки, врезаясь руками в песок.

— Лука! — взвизгнула Киса, и я почувствовал ее рядом с собой, ее рука неуверенно легла мне на спину.

— Их послали за мной, — прохрипел я, ощущая, как вся энергия покидает мое тело, уходя в песок подо мной. — Черт, я до сих пор чувствую это. Как и гребаный кинжал, Киса, кинжал.

— Каким образом? — осторожно спросила Киса, пальцами она пробежала по моей спине. — Почему их послали за тобой? Откуда ты знаешь?

***

— *Лука Толстой, ты пойдешь с нами,* — сказал человек с ружьем.

— Куда? Куда я должен идти, — спросил я, но ответа не последовало.

— В чертов ад, пацан. Тебя продали нам. Кое-кто заплатил нам дохрена денег, чтобы избавиться от вас. — Парень указал на других мальчиков, которых вытаскивали из автобуса. — За всех вас.

— Почему? — спросил я. — Кто заказал это?

Он улыбнулся, пожал плечами.

— Ты облажался, связавшись с неправильной семьей, пацан.

Все, что я ощущал от него, — это страх.

— Дуров? Это был Дуров?

Мужчина сначала опешил, а потом разразился смехом.

— Ну, по крайней мере, будешь знать, кто виноват в том дерьме, что ждет тебя впереди. Абрам сделал все, чтобы ты никогда не вернулся в Бруклин.

***

Покачиваясь в сидячем положении, я посмотрел на Кису:

— Абрам, Абрам Дуров.

— Что? Кого еще ты помнишь?

— Он нанял грузин, чтобы перехватить автобус. Он организовал захват и приказал сжечь автобус. Грузины подбросили в него тела мертвых подростков из ГУЛАГа, а потом подожгли, чтобы тела не узнали. Но это был Абрам. Он приказал убрать меня.

Глаза Кисы заблестели, она ничего не говорила, внешне оставаясь спокойной.

— Он защищал Алика, — произнесла она, кивая. — Ему надо было избавиться от тебя, чтобы никто не знал — Алик убил Родиона.

Я стиснул зубы, опустил голову, делая глубокий и долгий вдох.

— Они не ожидали, что я смогу выжить. Они думали, что меня убьют в клетке.

Некоторое время мы оба молчали, потом Киса поднялась и протянула руку. Я посмотрел в ее глаза и заметил в них поддержку.

— Но ты смог, Лука. Ты выжил. И... — она сделала вдох и расправила плечи. В ней появилась решимость. Я увидел это в выражении ее лица. — Нам надо вернуться обратно в тренажерный зал. Ты должен выиграть завтра этот бой.

Я смотрел на Кису-Анну, и гнев покидал мое тело.

Я должен выиграть этот бой.

Я должен вернуть себе свою жизнь или навсегда остаться жить в темноте.

Взяв Кису за руку, я заметил, как от слез блестят ее глаза. Я поднялся и прижал ее к себе. Наши взгляды встретились, я откинул назад ее длинные каштановые волосы, пробегая по ним пальцами.

Она прикрыла глаза.

— Ты должен выиграть бой, Лука. Правосудие должно свершиться. Это единственный выход, чтобы мы остались жить. Кровь за кровь. Ты должен сделать это для себя, для нас... но я хочу, чтобы ты сделал это ради Родиона. Он должен быть отомщен.

Наклонившись, я прижался лбом к ее, задержавшись так на мгновение. Затем я наконец-то отстранился, взял свои вещи и оделся. Застегнув мастерку на молнию, я поднял капюшон и посмотрел на мою Кису. Она смотрела под ноги, но затем подняла голову и на ее лице появилась грустная улыбка.

Я шагнул ближе, прижимая ее к себе, чтобы вдохнуть запах.

— Ты будешь хотеть меня после того, как я убью Дурова?

Киса замерла, а потом наклонила голову к моей груди.

— Да, *lyubov moyu*, — произнесла она едва слышно. — Я была с Аликом так долго. Он нуждался во мне, не мог долго быть без меня.

Киса отступила от меня, но не подняла головы. Ее руки играли с завязкой на моей мастерке.

— Я всегда знала, что он был... другой, опасный. Всегда знала, что он не был похож на остальных, но я мирилась с этим, потому, что он был единственным, кого я знала очень долго, и еще я знала, что он убьет меня, если я попытаюсь уйти. Он не сможет жить, если меня не будет рядом. — Киса сделала глубокий вдох, в то время как мое сердце разрывалось от боли в ее голосе. — Но я не знала, что он забрала тебя у меня, забрал у меня моего брата. Я расспрашивала его о том дне, и он поклялся, что это ты убил Родиона. Теперь все, во что я когда-то верила, рухнуло.

— А твой отец? Что он сделает? — спросил я, чувствуя прилив собственнического инстинкта по отношению к Кисе. Ревность из-за того, что Дуров обладал ею все эти годы. Он заставил ее поверить, что нуждается в ней так сильно, чтобы она не смогла быть ни с кем другим.

Она была моей. Не его. Никогда его... МОЕЙ!

Киса отпрянула, выглядев слегка растерянной:

— Когда папа узнает, что Алик сделал с его сыном, его наследником, гордостью и радостью, а потом узнает кто ты, что ты — невиновен, он тоже захочет смерти Алика.

— Он так захочет? — переспросил я в замешательстве.

Киса посмотрела на меня, наклонив голову набок.

— Лука, ты не помнишь, есть ли у тебя семья тут, в Бруклине? Ты имеешь представление о том, как мы познакомились? Почему росли вместе? Почему ты знаешь Родиона и Алика?

Мои ладони начали потеть, головная боль стала сильнее. Я закрыл глаза, напряжение росло, мне стало трудно дышать.

— Лука! Лука! — звала Киса, я выдохнул, резко открыл глаза. Пот бисером покрывал мой лоб, и я почувствовал усталость, словно бил по груше три часа подряд.

— Не надо, не пытайся вспомнить прямо сейчас, — настаивала Киса, и я посмотрел прямо в ее глаза и сосредоточился на руке, которую она положила на мою щеку. — Не надо, ты устал. Тебе пришлось пройти через многое сегодня. Ты побледнел.

Пальцы Кисы гладили мою щетину, и это успокаивало меня. Я дышал под ритм ее ласки, пока мое сердце не стало биться ровнее.

— Хорошо, *lyubov moyu*, — успокаивала Киса.

После того, как я пришел в себя, кивнул головой, давая понять, что со мной все хорошо.

Вопрос Кисы поразил меня. Семье? Люди, которые любили меня?... Я не мог даже представить себе это. Еще один укол боли, который мучил мой разум, но я знал, что должен блокировать его. Мне надо блокировать все, кроме боя с Дуровым.

Я наконец-то смогу отомстить.

— Нам нужно идти, — с неохотой произнесла Киса и протянула руку, которую я взял. Мы пошли обратно по песку в ту сторону, где нас, сидя в машине, ждал Серж.

Чуть позже мы приехали в тренажерный зал, я поцеловал Кису в губы.

— Увидимся завтра, Лука, — прошептала она. — Я постараюсь зайти к тебе до боя.

Кивнув, я открыл дверь автомобиля, но остановился, чтобы взглянуть на нее еще раз, замечая, какой красивой была Киса.

— Я... — я откашлялся, наклонив голову в сторону, и добавил: — Я ... люблю... тебя.

Было так странно произносить эти слова вслух, но когда ее глаза заблестели, а рот растянулся в огромной улыбке, я знал, что произнести эти три слова было правильным.

Любовь. Пока еще новая и незнакомая эмоция для меня.

Киса подвинулась ближе и обрушила свои губы на мои. Когда она отстранилась, прошептала:

— Я тоже люблю тебя. Очень сильно. Очень, очень сильно.

Кивнув снова, я ощутил что-то теплое, как это чувство наполнило меня. Это застало меня врасплох. Я не знал, как противостоять этому.

— До завтра, — сказал я, поглаживая большим пальцем по ее мягкому лицу, и встал.

— До завтра, — ответила Киса.

Серж приподнял фуражку, прощаясь со мной.

Я вернулся в темный тренажерный зал, чтобы снова остаться одному в темноте.

С каждым шагом на пути к своей комнате для тренировок я повторял про себя:

Дуров.

Нью-Йорк.

Мечь.

Убить.

Завтра вечером я наконец отомщу.

19 глава

Киса

— С вами все в порядке, мисс? — спросил Серж, всматриваясь в мое опустошенное лицо через зеркало заднего вида.

Я все еще смотрела в окно, эмоции переполняли меня, грозя вырваться наружу. Алик убил моего брата. Алик, мужчина, который контролировал и брал меня все эти годы, мужчина, которому я посвятила свою жизнь. И он обвинил Луку, моего Луку, в смерти Родиона... Боже! Только так он мог заполучить меня?

От этой мысли мне стало еще больнее. Ломоту усилило чувство вины. Отчаяние и миллион других эмоций.

Завтра вечером два моих любимых — один чистый, но сломленный, а другой — такой темный, что я только сейчас осознала, что совсем не знала его — будут сражаться насмерть.

Завтра вечером я потеряю одного из них.

Я знала, мое сердце подсказывало, кому — проиграть, а кому — выжить. Лука. Это всегда был Лука.

Алик заслужил того, чтобы умереть.

— Мисс? — снова обратился Серж, и я заметила беспокойство в его взгляде. — Что случилось? Я узнаю этот взгляд на вашем лице, это опустошение. До этого я лишь однажды видел его, и это было, когда мы сказали, что господин Толстой умер в аварии.

Я почувствовала, как по моему лицу потекли слезы, я шмыгнула носом и вытерла щеки.

— Серж, я только что узнала, кто убил Родиона. Я... я, — не в силах закончить предложения, я замолчала. Слишком много боли.

Я заметила, что мы подъехали к дому моего отца, паркуясь под покровом ночи, чтобы быть незаметными.

Как только машина остановилась, Серж развернулся ко мне лицом:

— Мистер Алик?

От удивления я открыла глаза, пульс грохотал в висках:

— Ты... знал? Все это время?

В отрицании Серж покачал головой:

— Нет, мисс. Не знал. Но, знаете ли, я наблюдал за ним всю его жизнь, видел, как он подрастал, превращаясь из мальчишки в мужчину, и что-то всегда с ним было не так. Словно он неустойчивый, и это глубоко в его душе.

Я сглотнула с трудом, слушая все то, что говорил Серж. Он был прав. Алик всегда был таким разным. Наслаждающийся насилием, контролем, владением мной... убийствами. Ему надо было продолжать убивать, или он мог вернуться на улицы, чтобы вымещать свой гнев на конкурентах. Пять лет назад Братва решила, что он должен представлять их на чемпионате в «Подземелье». Мой папа хотел, чтобы он мог дать выход своему гневу, и тогда это не будет создавать проблем с соперниками и когда-нибудь даже принесет прибыль.

— Когда новости о смерти Родиона дошли до персонала, то я не мог поверить, что Лука на такое способен. Он был хорошим мальчиком, хорошим мальчиком Братвы: строгий и жесткий, но не слишком холодный. Но самое главное, что он оставался верным своей семье. Любил свою семью. Его отец хорошо его воспитал, в отличие от Абрама. Тот воспитал своего мальчика, как убийцу. После того, как его мать сбежала, когда он был маленьким, он воспитывал мальчишку без всякой привязанности. — Казалось, что Серж задумался, но покачал головой. — Есть что-то такое в его глазах, что-то заставляющее насторожиться, когда находишься рядом с ним. — Серж поерзал в кресле. — Я помню, что когда он был маленьким, я застал его за убийством кошки — нет, он пытал ее. Он заметил, что я наблюдаю за ним в ужасе, и он улыбнулся. Он улыбнулся мне, Киса. Я знал, что-то зловещее наполняло его кровь. Он наслаждался тем, что убивал кота. Ему нравилось слышать эти звуки боли.

— О боже, Алик! — Плакала я. — Что же с ним произошло? Что сделало его таким?

Серж провел рукой по голове, пытаясь успокоиться.

— И в тот день, когда нам сказали, что Лука умер, мисс Киса... все плакали. Даже те, кто считал его убийцей вашего брата, они оплакивали его. Но Алик, он был безучастным, расчетливым, и, осмелюсь произнести, счастливым? Абрам оставался спокойным, никакой реакции. Ничего за целый день, хоть и находился рядом со мной.

— Серж, — вскрикнула я, больше не сдерживая рыданий, вырывающихся из моего горла. — Я не знаю что делать!

Серж положил руку мне на колено.

— Мистер Лука вернулся, Киса. Я не знаю, откуда, и мне не нужно это знать, это не мое дело. Но я вижу, что это не тот Лука, который был раньше. Теперь он стал скрытным, измученным. Его память хранит лишь фрагменты. Господи, замешательство, которое было заметно на его лице сегодня вечером, когда он увидел меня, было огромным. Но не было, ни одного дня с тех пор как вы родились, чтобы этот мальчик не смотрел на вас или не защищал. И даже сейчас, когда его разум искажен, к черту, я знаю, что он дойдет до конца и

не допустит, чтобы мистер Алик покинул ту клетку завтра ночью живым. В этом я уверен. Он убьет мистера Алика, чтобы защитить вас. Он заслужил свое право на месть. Он заслужил право вернуть себе место среди Братвы, узнать свою семью и откуда он родом.

— Он даже не помнит их, Серж. Никого из своей семьи. Папу Ивана, Талию, свою маму, никого из них.

— Всему свое время. Но сейчас у него есть цель, только одна вещь занимает его ум... исправить то, что мистер Алик сделал неправильно.

— Боже! Как, черт возьми, все это случилось? — сказала я, вытирая слезы. — Столько смертей, столько боли! Все из-за жадности и зависти.

Серж печально улыбнулся.

— Жизнь мафии никогда не была легкой. В ней всегда много смертей, слишком много боли. Но Господь вернул вам вашу любовь, Киса. Несмотря на боль, произошло чудо.

Мой желудок скрутило от ужаса.

— Но, что если Лука не сможет пройти все это, что тогда случиться? Что произойдет, если он все вспомнит? Сможет ли он выдержать это?

— У него есть вы, Киса. Вы увидели его душу, даже когда не смогли узнать лицо. И он узнал вас, даже когда память еще не вернулась к нему. Вы его свет, его опора для возвращения к жизни.

— Он показал мне свои глаза, — прошептала я, а Серж нахмурил брови. Сделав глубокий вдох, я попыталась объяснить. — С того дня, как я встретила его, то заметила, что его глаза всегда опущены, он прячет их, натягивая капюшон на лицо, словно где-то на подсознательном уровне знает, что в них есть особенность, по которой его можно легко узнать. И он позволил мне увидеть их. Он показал мне глаза почти сразу. И как только я увидела их, я увидела перед собой моего Луку.

Серые глаза Сержа заблестели, он опустил их, а затем поднял на меня снова:

— Тогда он тоже узнал вас. Даже если не помнил, но его душа узнала. Этот мальчик всегда был влюблен в вас. Я никогда не видел ничего подобного, чтобы двое детей так относились друг к другу. Ваша любовь настолько сильная, что со стороны кажется, словно вы вместе уже тысячу лет.

От слов Сержа мое сердце переполнили эмоции. Я наклонилась вперед, чтобы поцеловать его в щеку, но в этот момент дверь со стороны пассажирского сидения распахнулась, Алик забрался внутрь, от гнева его глаза стали красными, и он приставил пистолет к голове Сержа.

— Заводи, — приказал он, наводящим ужас низким голосом, от которого я инстинктивно задрожала. Страх отразился в моем голосе и каждой мысли, наполняющей мой разум.

— Алик, малыш, — прошептала я, пытаюсь совладать со страхом, чтобы мой голос звучал естественно. Алик напрягся.

— Заткнись! — рявкнул он, устрашающим тоном, его глаза были красными и пылали от гнева. Он сильнее ткнул дулом пистолета в голову Сержа.

— Вези нас к моей квартире в доках, — приказал Алик, и Серж, рискуя, посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Алик поднял пистолет и снова толкнул ствол в Сержа, наклонившись ближе: — Я сказал, вези нас, черт подери, к моей квартире в доках!

Я вскрикнула, когда заметила, что по лицу Сержа стекает кровь, но он завел автомобиль, и мы поехали вниз по улице, под покровом теней.

— Алик, пожалуйста? Что еще за квартира в доках? — прошептала я, наблюдая, как дергаются мышцы на его лице и краснеет кожа. Я могла наблюдать, как его гнев поглощает его бледность.

— У меня есть квартира в доках, Киса. Уже много лет. Я делаю там, твою мать, все, что мне хочется.

Я ахнула, когда догадалась, о чем может идти речь.

— И что это? — спросила я с опаской.

Он повернулся ко мне с ухмылкой, его глаза горели от злости. Он выглядел так, словно не спал несколько дней.

— Все, что я захочу, черт подери, и что сдерживает меня от убийства других людей.

Алик наблюдал за моей реакцией, которая как я знала, отображала мой страх. Кровь застыла в моих жилах. Он наклонился вперед, приближаясь, как автомобиль на огромной скорости.

— Ты облажалась, мышка. Я знаю, чем ты занималась и с кем.

Я втянула воздух и от перепуга, заикаясь, произнесла:

— Алик...

Алик с размаху ударил ногой по приборной панели с безумным ревом:

— Я сказал, заткни свою чертову пасть!

В то время как я вжималась в свое кресло, Алик задыхался, его грудь с шумом поднималась и опускалась. Я пристально наблюдала за ним, его голова подергивалась, а ноги постукивали от нетерпения. Я не могла плакать, не реагировала.

Мне было очень страшно.

Я никогда не видела Алика таким раньше. Никогда не бросала ему вызов или причиняла боль... до этого.

Он знал обо мне и Рейзе.

И я не была уверена, что смогу выйти из всего этого живой.

***

Доки находились не очень далеко от «Подземелья», но все же, на достаточно далеком расстоянии, чтобы никто и не догадался о том, что Алик здесь. Это даже не квартира как таковая, больше это место смахивало на хижину рыбака, которую отремонтировали.

Серж остановил машину, некоторое время мы все сидели в напряженном молчании. Алик опустил пистолет и повернулся к Сержу.

— Оставайся тут, нахрен.

Серж посмотрел на меня в зеркало заднего вида и с грустью покачал головой.

— Я не могу сделать этого, мистер Алик.

Алик рассмеялся и поднял «Беретту», покачивая пистолетом в руке.

— Ты будешь делать, твою мать, все, что я тебе говорю, старик.

Серж выпрямился в своем кресле, а я заметила улыбку на лице Алика. Я знала эту улыбку. Это была садистская улыбка. Мне не нравилось, что она была адресована Сержу. Моему старому доброму Сержу.

— Нет, Серж, пожалуйста, делай, как он говорит, — попросила я.

Глаза Сержа выражали решительность.

— Я не могу, мисс Киса. Я никогда не смогу простить себя, если позволю, чтобы с вами

что-то случилось. Вы... вы как дочь мне, которой у меня никогда не было.

Слезы скатились по моей щеке, я было попыталась убедить его, но Алик не оставил мне шанса, когда приставил пистолет к голове Сержа. Я открыла рот, чтобы закричать, но Серж посмотрел в мои глаза через зеркало и в отрицании покачал головой. Так он попрощался.

Через секунду Алик нажал на спусковой крючок. Серж упал вперед и умер, на этот раз я не стала сдерживать крик.

В это же время Алик выскочил из машины и открыл заднюю дверь.

— Вылезай, нахрен, — приказал он, мое сердце колотилось из всех сил, но, несмотря на шок от убийства Сержа, я приблизилась к двери, когда Алик тяжело вздохнул, наклонился, чтобы схватить меня за руку, и вытащить рывком. — Шевелись, твою мать!

Я продолжала кричать, пока Алик тащил меня к «квартире», отпер дверь и толкнул внутрь.

Я щурилась и моргала, пытаюсь привыкнуть к мерцанию в комнате. Обстановка в ней была более чем скромной, из мебели лишь диван с разорванной обшивкой, небольшая кухня и кровать. Мой желудок скрутило, когда я заметила спутанные простыни, использованные презервативы на прикроватной тумбочке, но совсем иное вызвало у меня шок. Эта честь принадлежала открытому пространству по левую сторону: на полу лежала развернутая полиэтиленовая пленка... полиэтиленовая пленка в крови.

— Алик, — едва слышно произнесла я. — Что это за место?

Я почувствовала теплое тело Алика у себя за спиной, он собрал мои волосы и перекинул их через левое плечо. Его рот приблизился к моему уху.

— Мое святилище. Где я могу быть таким, какой я есть. Не тем, кем я вынужден быть.

— И... и что ты за человек? — спросила я, но на самом деле не хотела слышать ответа.

Он поцеловал, потом снова поцеловал открытую часть моей шеи, посылая дрожь по спине. Каждая часть меня была напряжена. Я не понимала, почему он не кричит на меня. Этот молчаливый Алик был слишком пугающим.

— Свободный, — ответил он, что заставило меня дернуться.

Мои глаза блуждали по разобранной постели, я почувствовала себя нехорошо.

— Ты трахал здесь женщин?

Губы Алика застыли, и уже через мгновение он развернул меня, удерживая своей стальной хваткой за бицепсы, и прижал к ближайшей стене. Его суровый взгляд уперся в меня, холодный и бесчувственный.

— Они не ты, мышка. Они были шлюхами. Ты — моя женщина, вся моя гребаная жизнь. — Обезумевшие красные глаза Алика заволокло темнотой, и он так близко наклонился ко мне, что моя голова уперлась до боли в твердую стену. — По крайней мере, ты была такой. Пока ты, твою мать, не предала меня. Пока не раздвинула свои ноги, как шлюха.

Голос Алика был тихим, слишком тихим, мягкость была обманчива. Он поднял голову, покачал ею, поднося «Беретту» к моему лицу, проводя стволом вниз по щеке. Неожиданно он показался сломленным, полностью опустошенным.

— Как ты могла, мышка? Как ты позволила трахнуть себя, детка? Как ты могла дать ему то, что принадлежит мне?

— Алик...

Я попыталась возразить в ответ, но Алик провел пистолетом до моих губ, покачивая головой, а его другая рука дернула мое платье вверх, и он грубо сжал ладонью мою киску.

— Ш-ш-ш, мышка, — прошептал он. — Ты предала меня. Раздвинула ноги перед этим ублюдком, Рейзом. Вы разозлили меня. И ты, мышка. Ты причинила мне боль. Единственная, кто могла успокаивать меня, единственная, кто заполучила меня.

Я закачала головой, от волнения дыхание сбилось.

— Нет! Алик! — запротестовала я, поднимая дрожащую руку к его щеке, чтобы погладить его. Как только я коснулась его кожи своей ладонью, он прикрыл глаза, глубоко вздохнул, опуская голову на мои плечи.

— Малыш, — прошептала я, пытаясь успокоить его, мое сердце так колотилось, что в тот момент мне казалось, оно может остановиться от перенапряжения. — Я знаю, я знаю, что ты сделал с Родионом, Лукой.

Голова Алика замерла под моими ладонями, его взгляд метнулся ко мне, глаза блестели ярче обычного. Потом, он сощурил глаза, и произнес:

— Что, мать твою, ты несешь?

Из-за слез картинка перед глазами стала размытой, моя нижняя губа задрожала.

— Я знаю, я знаю, что ты убил Родиона. Я знаю, что это твой отец приказал тебе убить его. Тогда бы ты мог стать наследником Пахана.

Алик резко втянул воздух, его губы растянулись в тонкую линию.

— Серьезно? Ты узнала об этом? — спросил он, но понять его намерение за безразличным тоном было невозможно.

Сглотнув, я продолжила:

— И ты обвинил Луку, поранив себя ножом в живот, а твой отец подстроил мнимую смерть Луки.

Всего миг, и я заметила искру удивления в его глазах, мое сердце екнуло.

Он не знал, что Лука был в той аварии.... О, господи! Он думал, что тот был мертв. Это значит...

Он не знал, что Рейз — это Лука.

Он не знал, что я спала с Рейзом, потому что он был Лука.

Алик бы быстро распознал его.

— Лука умер, Киса.

— Но это ты убил Родиона? И ты обвинил Луку? — Всхлипнула я и вытерла слезы со щеки. — Ты поранил себя, чтобы обеспечить себе алиби, и выставил так, словно это Лука убил Родиона.

Я пристально посмотрела на него и добавила:

— Все потому что ты хотел обладать мной?

Злое выражение лица Алика изменилось, когда он снова взглянул на меня, теперь его сменило волнительное обожание. Свободной рукой, не удерживающей пистолет, он пропутешествовал от моей киски к волосам, отбрасывая их назад.

— Ты моя, детка. Ты знаешь это. И Лука просто стоял на моем пути. Он всегда мешал, касался тебя... касался того, что было моим.

Я задержала дыхание и зажмурилась. Я ощущала теплое дыхание Алика на своей коже, стволом пистолета он провел по моей шее вниз, задержавшись на груди.

— Родион должен был умереть, Киса. Он никогда бы не смог стать Паханом. Ему не хватало бы силы. А мне хватило. И я знал, что ты будешь на моей стороне. Это надо было сделать для Братвы, чтобы нас боялись больше, чем кого бы то ни было на Восточном побережье.

Я опустила руки вниз, убрав одну из них с его лица. Мой брат, Лука... и никакого раскаяния от Алика. Он гордился тем, что он сделал.

— Ты — сумасшедший, — прошептала я, чувствуя, как сдавливает мое горло, и я не могу сделать вдох. — Я просто никогда не позволяла себе видеть это раньше.

Алик улыбнулся, но стал пятиться, потрясая пистолетом перед собой, целясь, то в мою голову, то в сердце и обратно.

— Сумасшедший, детка? — холодно сказал Алик и шагнул вперед, заставляя меня испытывать страх. — Ты ничего не понимаешь. Потому что, мышка, до этого момента ты всегда была моим мышонком. Моим чертовым светом, стуком сердца. Единственное, что я мог любить так же, как убийство.

Алик подошел еще ближе, провел ладонью по моей руке, а затем жестко схватил меня за предплечье, сжимая, пока я не вскрикнула от боли. Лицо Алика оказалось прямо перед моим, оно ничего не отображало.

— Это было до того, пока ты, бл*дь, не предала меня, трахаясь с тем засранцем.

Мои глаза открылись от испуга, и он продолжил:

— Вы думали, что люди не заметят, куда вы пропали? Быки вчера сообщили о том, что ночью твоя комната была пустой, поэтому я проследил за тобой сегодня, мышка. Проследил прямо до места, где ты трахалась с Рейзом... а потом на Брайтон-Бич. — Он стиснул челюсти. — Я ненавижу это место.

Алик продолжал удерживать меня, по моим щекам текли слезы. На его лице отражались вспышки боли и ярости, они поглотили его, а затем он прошептал мне прямо в ухо:

— Я видел, как ты трахалась с ним. Я видел, как ты целовала его. Видел, как ты, бл*дь, обнимала его, смотрел, как ты гладила его волосы.

— Алик, — рыдала я, но как только я заговорила, Алик отступил назад, занес ладонь и ударил меня по лицу.

Потеряв равновесие от удара и шока, я упала на пол. Алик расхаживал передо мной, обхватив голову руками.

— Почему? ПОЧЕМУ? — кричал он, уставившись на меня и наклонив голову набок. — Киса, детка, моя мышка, почему ты заставляешь меня делать это? — Голос Алика был нежным, извиняющимся, полной противоположностью тому, какой он был минуту назад. Я покачала головой, взглянула на него, ощущая, как продолжает гореть моя щека.

Алик наклонился, провел рукой по моему лбу и снова нанес удар.

— Я видел, как ты трахалась с ним, Киса. Ты трахалась с другим парнем, и теперь я собираюсь заставить тебя заплатить за это. Твоя киска принадлежит мне.

Я потрясла головой, слезы скатывались вниз по моему лицу.

— Нет, Алик, пожалуйста. Ты не понимаешь...

Вздыхнув, Алик отвернулся, а когда повернулся ко мне снова, то, как только я попыталась заговорить, он схватил меня за волосы и поволок.

— Алик! — кричала я, но он не остановился, просто дернул меня сильнее и швырнул перед большой кроватью.

— Алик, пожалуйста, — просила я. — Я люблю его! Я... я люблю его.

Алик замер и за волосы подтянул меня ближе к себе.

— Что ты сказала? Ты хочешь сказать мне это снова?

— Я... я... — Алик крепче сжал в кулаке мои волосы, и мне показалось, что он выдернет их.

— Повтори мне это снова! — приказал он, и я зарыдала.

Но вдруг я набралась смелости и, глядя Алику прямо в глаза, заявила:

— Я люблю его. Он моя родственная душа. Я хочу его... Я хочу его.

Алик побледнел и попятился, словно я причинила ему физическую боль. Она отчетливо отражалась на его лице.

— Алик...

Другим ударом он повалил меня на кровать. На этот раз я не кричала, приземлившись на матрас, я почувствовала, как с разбитой губы на подбородок капает кровь.

— Родственную душу? Да ты только познакомилась с ним! — взревел Алик, проводя рукой по коротко стриженным волосам, а затем ударил меня прямо в живот.

Я кашляла и захлебывалась, потому что от удара не могла дышать, и Алик взревел снова. Наклоняясь, со слезами в глазах он произнес:

— Киса, — его голос был тихим, он провел пальцем по моей щеке. — Я не хочу причинять тебе боль, но образцовая жена Братвы не может трахаться на стороне. Ты заставляешь меня сделать это. Ты заставляешь меня преподать тебе урок, мышка. Ты изменила мне, но...

Алик вздохнул и начал целовать мое лицо. Мое тело скрутило, я пыталась контролировать дыхание.

— Но ты мне нужна. Но... — его тело вновь напряглось. — Я не могу перестать, твою мать, думать о тебе с ним, детка. Не могу выкинуть из своей головы картинку, как ты объезжаешь его член.

Алик запрокинул голову и зарычал в отчаянии. Он снова опрокинул меня на матрас и забрался на кровать.

— Мне надо трахнуть тебя, — сказал он твердо. — Я должен показать тебе, кому, бл*дь, ты принадлежишь.

Мое сердце упало, как только он произнес эти слова.

— Нет, пожалуйста, Алик. Пожалуйста...

Но он не слушал, его это не волновало. Алик резко снял джинсы, тут же следом избавился от рубашки. Как только он разделся, то потянулся к моей одежде. Я переместила свои руки в район живота, пытаюсь отбиваться от него, но Алик схватил мои запястья одной рукой, а другой — ударил по щеке еще раз. После этого он продолжил, как будто ничего не случилось.

Я сопротивлялась и отбивалась столько, насколько хватило сил, думая о Луке. Я не хотела Алика, не хотела, чтобы он брал меня, пытаюсь избавиться от чувств к Луке. Я не хотела, чтобы он трогал меня.

Он убил моего брата.

Он подставил моего Луку.

Алик наклонился, оскалил зубы и сжал мое запястье до треска. Я была уверена, что он сломал его. От жгучей боли перед моими глазами заплясали круги. Он сорвал с меня платье, провел носом по моей шее, почти с нежностью, и в это время его ладонь обернулась вокруг моего горла.

Слезы застилали глаза Алика, когда он посмотрел на меня, я же стала терять сознание, потому что из-за его хватки мне не хватало кислорода.

— Мышка, ты моя, — сказал он и раздвинул ногой мои бедра, готовый войти в меня. — Мне надо, чтобы ты была моей.

Как только он вогнал свой член в меня, его рука соскользнула с моего горла, позволяя мне сделать вдох, а затем он крепко схватил меня за бедра. Он брал меня грубо, помечая, давая мне понять, чтобы я не забывала о его контроле надо мной... что он, и только он, владеет мной.

Когда он стал врезаться в меня быстрее, то подался вперед, но мои глаза были не в состоянии сосредоточиться из-за ударов по лицу, от удушения, от сексуального насилия.

— Я собираюсь убить этого ублюдка завтра, мышка. Избавлюсь от него. Заставлю тебя выбросить его из своей головы. И больше никакого гребаного ожидания. Мы поженимся на следующий день после этого, ты запомнишь, где твое место раз и навсегда. Поняла меня? — Моя голова была повернута набок, глаза блуждали в попытке заострить свое внимание на чем-нибудь в комнате. Внезапно Алик снова ударил меня по щеке, заставляя посмотреть на него. Еще один болезненный удар, и он, обхватывая ладонью мое лицо, покачал голову из стороны в сторону, пока его бедра раскачивались, врезаясь в мою кисть.

— Я сказал, ты, черт побери, поняла меня?

Я пыталась говорить, но мои щеки онемели, губы распухли, поэтому не могли двигаться. Вместо этого из моего рта вырвался звук отчаяния, на что Алик улыбнулся, принимая это за мое подчинение.

— Черт, я люблю тебя, детка, — прошептал он, закрывая глаза и кусая губы, наслаждаясь моей беспомощностью. — Твоя киса такая узкая... такая чертовски моя.

Когда он кончил, то его шея расслабилась, он успокоился и упал на меня. Я лежала полностью потерянная и в отключке, Алик же встал и начал ходить по комнате, словно ничего не произошло, но я чувствовала абсолютно все, когда он снова лег сверху на мое израненное тело и взял меня еще раз.

Это ощущалось так, будто наказание не закончится никогда. Только когда Алик скатился в сторону, оборачивая свои руки вокруг меня, я позволила себе заплакать, жгучие соленые капли попали на мои раны, я не могла больше сдерживаться и провалилась в темноту.

Меня разбудила пощечина по лицу. От ударов по голове я почти ослепла, а мое тело болело так сильно, что меня тут же вырвало рядом с кроватью. Я пыталась лечь на спину, попыталась открыть глаза, но мои веки были такими тяжелыми, что я могла осматривать пространство вокруг только через узкую щель. Я попыталась пошевелить ногами, но у меня ничего не получилось. Пытаясь сосредоточиться, я изо всех сил старалась вспомнить, что произошло, когда внезапно меня повернули, и мое тело отозвалось дикой болью.

Алик навис надо мной.

— Просыпайся, детка.

Мои глаза открылись, пытаясь выполнить его команду, сквозь мое сдавленное горло вырвался хрип.

— Хорошо, мышка, ты учишься, — похвалил он, в его глоссы слышалась гордость. Я почувствовала, как Алик толкнулся в меня сзади, от жгучей боли у меня между ног из меня вырвался безмолвный крик. Сила этого крика ощущалась, как лезвия бритвы по моему горлу.

Боль. Все что я могла ощущать, это была боль, когда он взял меня снова, сквозь окна уже пробивался дневной свет.

Дневной свет?

Как долго я была здесь? Как это?

Алик толкался, как одержимый, его урок подчинения для меня, чтобы я никогда не

бросала вызов, еще не закончен. Чем яростнее он вонзался в меня, тем больше я теряла связь с реальностью, и, как только Алик проревел мое имя, он кончил внутри меня. Вздохнув с облегчением, он повернул голову, чтобы запечатлеть жесткий поцелуй на моих губах.

Я заскулила, когда он прижался к моим набухшим губам, затем он блеснул сладкой улыбочкой, прежде встать с кровати. Через опухшие глаза я наблюдала, как Алик оделся, словно я не лежала рядом в агонии, не способная двигаться... все из-за его рук.

Спустя несколько минут Алик повернулся ко мне и подошел, опустившись на колени, чтобы быть на уровне моей головы, лежащей на матрасе.

— Ты сама виновата в этом, мышка. Но теперь ты знаешь, что случится, если ты попытаешься снова трахаться на стороне. — Алик прищурил глаза, наклонился ближе и прошептал: — Опять же, если попытаешься повторить, то я уже никогда не смогу доверять тебе снова, детка. Так что я просто должен буду, мать твою, убить тебя... и себя убью тоже. Тогда мы будем вместе... всегда.

Мое сердце забилося, я не стала возражать, тогда он поцеловал меня в лоб и встал. Запрокидывая сумку для тренировок на плечо, Алик посмотрел на меня и сказал:

— Я убью этого ублюдка... медленно... сделаю так, чтобы он пожалел, что трахал мою женщину.

Он засмеялся, его это явно позабавило.

— Он понятия не имел с кем трахался, не так ли? Недаром они называют меня «Мясником».

Я хотела кричать, умолять и помешать ему уйти, но не могла двигаться, у меня едва получалось плакать.

— Когда я вернусь после боя, со свежей кровью на руках, мы поедем в Лас-Вегас, и ты выйдешь замуж, мышка, раз и навсегда. Мне надоело ждать.

После этих слов Алик ушел, заперев меня в этой комнатке.

Все, что я могла, — это плакать и лежать неподвижно, пока меня не сразил тяжелый сон.

20 глава

Рейз

— У тебя есть все для этого, Рейз, — убеждал Виктор, пока я разогревал мышцы, подпрыгивая вверх, до боя оставалось всего несколько минут. Я тренировался весь день. Выбросил все из своей головы, кроме одного — убить Дурова.

Я слышал рев толпы, и доносившиеся до меня звуки были намного громче, чем в предыдущие ночи. Это был финал, заключительный бой насмерть, чемпионат Подземелья.

Рейз против Мясника.

— Он сильный и опытный, но и ты тоже. У него скорость и мастерство, но ты превосходишь его. Он не знает себе равных во владении кинжалом, но ты — непревзойденный во владении кастетами с шипами. Он безумный, но Рейз, — Виктор встал передо мной, в то время как я подпрыгивал и наносил удары по груше. Он протянул руку, удерживая сумку, и заставил меня посмотреть. — Но ты здесь для мести. Ничто не сравнится с этим в качестве мотивации.

Я хмыкнул, соглашаясь, его слова разжигали мои мышцы. Единственное, что могло

сделать это еще лучше, была Киса. Она говорила, что собирается прийти и увидеться со мной перед боем, но до сих пор не появилась.

— Киса? — спросил я у Виктора, нанося удары кулаками по поверхности груши.

Виктор пожал плечами и покачал головой.

— Нет, пока не приходила. И она даже не с Дуровым.

Это заставило меня прерваться. Киса всегда присутствовала в тренажерном зале, когда мы тренировались. Она всегда была с Дуровым перед боем. Где, черт возьми, она могла быть?

Пощечина вернула меня в реальность, я зарычал, а Виктор одернул руку.

— Сфокусируйся, Рейз. Это он, это твой шанс. Прямо здесь, прямо сейчас: жизнь или смерть, оставь мысли о Кисе.

— Да знаю, — прорычал я, его пощечина вернула меня обратно в мир полный ярости.

— Хорошо, — сказал Виктор, — потому, что здесь находятся те, кто хотят смерти Дурова не меньше твоего.

Я взглянул на Виктора, его мутный взгляд впился в меня.

— Он заработал себе немало врагов, Рейз. Толпа там, как голодные волки. Ты первый реальный соперник, который когда-либо был у Алика. С остальными он просто играл. Как чертов тигр играет с игрой, но не с тобой, мы все знаем, что ты — единственный, кто может его убить. — Виктор шагнул вперед и положил мне руку на плечо. — Ты можешь убить наследника Братвы. Так что сегодня вечером тут собрались не только зеваки, сынок. Китайцы, итальянская мафия, чеченцы — все хотят быть в курсе, что Братва станет уязвимой в случае твоей победы.

Я пришел в замешательство. Я знал, что даже если Дуров будет мертв, то должен быть еще наследник, но не мог себе представить, кто?

Стук в дверь был сигналом, что пора. Настало время размазать Дурова.

Покрутив шею в разные стороны, я расслабил плечи и подошел к скамейке, чтобы взять свои кастеты. Проскользнув, я ощутил холод металла, они сели плотно, сливаясь со мной

Рев толпы становился все громче, я разминал ноги, раскачиваясь из стороны в сторону. Я закрыл глаза, представляя победу. Представляя Дурова под собой, как на него обрушивается вся тяжесть моих смертельных ударов. Представляя, как его взгляд становится безжизненным, как останавливается его черное сердце.

— Ты готов, Рейз?

Я моргнул, возвращаясь к тому, чтобы было здесь и сейчас. Виктор встал передо мной.

Я кивнул.

Я был более чем чертовски готовым к тому, чтобы прикончить Дурова. Все двенадцать лет я был готов к этому. Это была запоздалая двенадцатилетняя расплата.

Когда открылась стальная дверь, я вышел вслед за Виктором в затхлый, промозглый коридор. По доносившимся звукам я понял, что зрителей стало больше по сравнению с другими боями, это говорило о том, насколько их привлекал финал чемпионата. Я заметил по пылинкам, падающих с каменных стен, по топоту ног, создающих вибрацию вдоль длинного коридора, что зрителей собралась значительно больше, чем прежде.

Моя кожа пылала от адреналина, пока я раскачивался из стороны в сторону, подпрыгивая и пружиня на ногах, одетый в черные шорты, с нанесенными под глаза черными отметинами. Мое сердце, как насос, наполняло каждую вену мщением.

Свет из «Подземелья» осветил конец коридора, я замер у выхода, упиваясь видом самой

большой толпы, которую я когда-либо видел. Сборище преступников, шулеров всех мастей и всякого отребья — все кричали, обращенные ко мне. Я не мог разобрать что именно, мое внимание привлекла хорошо освещенная клетка, Дуров, как вкопанный, стоял в центре октагона, его фигура привлекала внимание, заставляя забыть обо всем другом.

Я мог слышать, как дыхание эхом прокатывалось от моей вздымающейся груди к ушам, я чувствовал, как сильно и быстро бьется сердце. Каждый мускул дергался от волнения; я усиленно тренировался — каждый бой, что я провел, был подготовкой к этому моменту. Я ладонью потер живот, проводя по области с отметинами об убитых мной.

Каждое убийство был подготовкой к этому моменту.

Моя ладонь скользнула по последней отметине. Голиаф... 362... мой друг... и я закрыл глаза.

Подняв их к стропилам, я еще раз ненадолго закрыл их, давая обещание 362, где бы он ни был. Я отомщу и за тебя тоже... брат.

Меня прервал скрежет металла о металл. Дуров обезумевшими глазами уставился на меня, вышагивая по краю клетки, как псих, его мускулистое тело обливалось потом, ноздри раздувались, он водил кинжалом по стене клетки.

В гневе я сжал губы, я жаждал крови этого ублюдка, который лишил меня нормальной жизни. Чья-то рука ударила меня по плечу, я бросил взгляд по левую сторону от себя, прямо на меня смотрел Виктор.

— Твое время пришло, Рейз. Верши свою судьбу.

Сделав глубокий вдох, я дал его словам наполнить меня, ноги начали двигаться вперед сами по пути к цели, сотни рук хлопали меня по спине. У меня же была одна цель, прямо сейчас он разминал шею, поворачивая кинжалом в руках, его глаза сверкали от ярости.

Когда я подошел ближе, Быки открыли мне дверь, и я вошел внутрь клетки, стоя напротив Дурова. Его глаза вспыхнули от волнения, мышцы шеи напряглись, что означало: он готов к моей атаке.

Не было смысла в выстреле пистолета, извещающего о начале боя.

Не осталось времени на любое вступление. Это было личным, были два разъяренных монстра, сражающихся насмерть.

Используя в свою пользу скорость и превосходство в массе, я обхватил руками торс Дурова и повалил его на пол, меня переполнял адреналин, когда он грохнулся спиной на поверхность клетки. Он тоже обхватил меня за спину руками, как стальным обручем, пытаюсь перевернуть, мы оба боролись за господство.

Приподнявшись, я занес вверх руку и со всего размаха ударил его в плечо. Мой клинок пронзил его кожу, но этот поддонок будто не заметил моего удара. Подергивая ногами, он повалил меня на спину, моя рука проскользнула по его покрытому потом бицепсу. В ту же секунду Алик поднял кинжал и направил его вниз, но мне удалось увернуться в самый последний момент, когда стальное лезвие скользнуло по полу.

Используя ноги, я пнул его, опрокидывая на спину и наваливаясь сверху телом, фиксируя за запястья над его головой. Безумный взгляд Дурова встретился с моим, я видел ненависть в его глазах, мои воспоминания подсказывали мне, что я и раньше много раз видел этот взгляд.

Алик боролся из всех сил, но мой захват был слишком сильным, из его ослабленного плеча, которое я пронзил своим кастетом с шипами, текла кровь. Я смотрел сверху вниз, смотрел на Дурова, сжимая его запястья, а он так сильно скрипел зубами, что я услышал

громкий треск, исходивший от его коренных зубов.

Наклонившись ниже, я выплюнул:

— Я собираюсь, бл*дь, убить тебя, Дуров.

Дуров затаил дыхание, его лицо стало ярко-красным, что служило доказательством его гнева.

— Наконец-то я отомщу тебе.

— Отомстишь? — спросил он, и под его кожей вздулась каждая вена. — Что еще за месть, мать твою?

Мои челюсти сжались, я наклонился еще ниже. Алик смотрел на меня, пытаюсь вывернуться из захвата. Но я не собирался отпускать этого негодяя.

— Посмотри на меня, — приказал я.

Здоровое плечо Алика поднялось до того уровня, что он мог вырваться, и в этот момент я ударил головой в его голову, и Дуров снова откинулся на пол. Он посмотрел на меня, и я знал, что этот мерзавец представляет, как убьет меня. Но этот бой не продолжится до тех пор, пока он не узнает, кто перед ним, или, по крайней мере, не разглядит черты мальчика, жизнь которого он однажды разрушил.

— Я сказал, мать твою, смотри на меня! — закричал я, глаза Дурова сузились, блуждая по моему лицу. — Рассмотрни внимательно мое лицо, Алик. Ты узнаешь меня? Был знаком со мной? Кого ты подставил когда-то?

Глаза Дурова сделались бешеными, мечась из стороны в сторону, онемевшие пальцы все еще сжимали кинжал.

— Что ты, бл*дь, несешь? — прошипел Дуров, дергая бедром в попытке сбросить меня.

Подняв запястья, я снова ударил его руки об пол, лишь щека Дурова дернулась от боли.

— Тогда давай напомню тебе. Там на закате были ты, я и Родион. — Алик замер под моими руками, он перестал дергать ногами. — Мы были неподалеку, валяли дурака, когда ты, чертов псих, внезапно появился, вытащил нож и, твою мать, ударил им своего друга прямо в сердце.

Поворачивая свои кулаки, я лезвиями уперся в запястья Дурова, от боли он пытался стряхнуть мои руки.

Его глаза сконцентрировались на моих, и я заметил, что он пытается понять, откуда мне все это известно. Мои глаза вспыхнули, когда из его запястий начала капать кровь.

— Затем ты ударил себя ножом в живот, — я поднял колено и надавил на его все еще заметный шрам, — а потом свалил вину на... — глаза Алика расширились, когда я сделал паузу. И я понял, что он увидел мой левый глаз... тот, который выводил его из себя, когда мы были просто парой влюбленных детей... тот самый, с пятнышком синего, как у Кисы.

Я посмотрел в упор и сказал:

— Меня... Луку.

Тело Алика замерло, а потом начало биться в конвульсиях. Но это было не из-за страха, этот ублюдок содрогался от ярости, она искажала его лицо, демонстрируя чертового демона, вырывающегося на свободу.

— Видишь ли, твоему отцу надо было прикрыть тебя, когда ты немного облажался. Ты напал на меня. Потому что я был единственным препятствием на пути того, чего хотела твоя неменяемая задница — Кису. Когда меня отправили на родину, в какой-то трудовой лагерь по приказу отца Кисы, то твой отец организовал аварию на дороге. Меня доставили в грузинскую тюрьму, ГУЛАГ, мы называли его... прикрытием гребаного ринга смерти, — я

кивнул в сторону толпы, — как и этот.

Алик до сих пор не шевелился, пока я все это говорил, но было заметно, как бешено, бьется пульс на его шее.

— Они накачивали меня наркотиками, пытали, делали много разного дерьма, я даже не помнил, кто я есть, били меня, пока я все не забыл, кроме как убивать... пока я не вернулся сюда, и только одна мысль занимала мой ум — убить тебя.

Я посмотрел на Алика. Он посмотрел за мою спину, и тут же толкнул меня, его тело наполнила сила, словно до этого не было никакого боя.

Тело Алика дернулось, и потом он будто сошел с ума.

— Ты трахал Кису! — кричал и плевался Алик, его руки и ноги оплелись вокруг меня, как у сумасшедшего сукина сына, каким он и был. — Ты трахал мою женщину! ТЫ! Надс было убить тебя, сука, когда у меня был шанс!

Кровь отхлынула от моего лица, когда его слова дошли до меня. Каждый миллиметр моего тела напрягся, я отпустил руки Дурова, откатываясь в сторону, и, удерживая его за волосы, поставил на ноги, с грохотом ударяя о стену клетки. Толпа взревела, зрители стали проталкиваться вперед, хлопая руками по металлическим прутьям, призывая меня убить его.

Но ублюдок Дуров лишь улыбнулся и провел пальцами у меня под носом.

— Понюхай это, Лука. Они только что были в киске этой шлюхи, — его глаза загорелись, и он продолжил: — Когда я избил ее за то, что она трахалась с тобой, — в его глазах бушевало безумство. — Я брал эту суку снова и снова, пока она уже не могла двигаться, пока она не прошла через всю боль... из-за того что трахалась с тобой.

Я пытался сделать вдох, но не мог. Киса. Бл*дь. Что он сделал?

— Да, ублюдок. Я видел, как ты вчера вечером трахал мою женщину, так что я преподаю ей гребаный урок. Если бы я знал, что ты — Лука чертов Толстой, то перерезал бы каждому из вас горло, чтобы вы могли вечно любить друг друга в той бухте.

Отступив назад, я соединил вместе кулаки, Алик же на это улыбнулся, пожимая плечами.

— И как мы поступим с этим дерьмом, Лука? — спросил он, вытянув губы и явно забавляясь тем, я был в аду, куда он отправил меня на двенадцать чертовых лет.

— Это закончится сегодня.

Алик продолжал улыбаться.

Толпа обезумела.

И мы рванули навстречу друг другу с жадной смертью во взгляде, мой удар пришелся в его живот, шипы достигли цели первыми.

21 глава

Киса

Во рту пересохло.

Мой язык был похож на наждачную бумагу, а губы распухли и потрескались.

Я приоткрыла глаз, веко нависало, словно налитое свинцом. Я окинула взглядом незнакомую комнату. Было темно. Мое дыхание участилось, когда я попыталась вспомнить, где нахожусь. Затем мой взгляд задержался на дальнем необставленном углу комнаты, застланным полиэтиленом... сверху по стенам от него виднелись капли крови.

Я приходила в себя.

Пляж.

Рейз... мой Лука.

Его воспоминания.

Спортзал.

Серж...

Серж!

Всхлип вырвался из меня, когда я вспомнила о событиях прошедшей ночи.

Алик!

Нет!

Алик узнал обо мне и Рейзе. Он угрожал Сержу, и Серж... нет, Серж погиб, пытаюсь защитить меня. Мой милый защитник Серж.

Слезы тяжелыми каплями сорвались с моих глаз, сожаление охватило меня, и я заставила себя подвинуться вверх на кровати. У меня болела каждая частичка, платье собралось на талии, кожа была покрыта кровью и синяками. Он избил меня до полусмерти.

Внезапно меня затошнило, я подползла к краю кровати, меня вырвала на пол, голова болела, словно били в барабаны.

Я едва могла видеть.

Непрекращающееся тиканье заставило вздрогнуть, доносящиеся резкие металлические удары сокрушали мой мозг. Я медленно повернула головой влево, замечая старые часы на потрепанном прикроватном столике. Вглядываясь в циферблат, видя время на часах, я пыталась понять, что это означает для меня.

Пытаясь сфокусироваться на том, что это было, проскользнула щекой по испачканным простыням. Я посмотрела на вторую руку с отметинами вокруг, мои веки становились тяжелыми от каждого удара, когда вдруг, мысль о «Подземелье» мелькнула в моей голове, и я замерла.

Чемпионат «Подземелья»!

И в этот момент я перестала дышать. Алик и Лука должны были сразиться!

Приложив все усилия и заставляя встать себя с матраса, я стала дышать спокойно, преодолевая боль, и смогла дотянуться до своих ног. Наклонившись, всхлипывая от сильной боли, я заметила свое платье, обувь, куртку, которые были разбросаны по полу.

Это была борьба, но я была настроена решительно, мой взгляд наткнулся на дверь, и, опираясь рукой о стену, я стала передвигать ноги шаг за шагом, удерживая себя в вертикальном положении.

Я понятия не имела, где находилась. Знала лишь, что где-то около доков, но нигде именно.

К счастью, дверь была не заперта. Алик, очевидно, думал, что в таком состоянии после его наказания я не смогу двигаться, иначе бы запер меня. Мне нужно было добраться до «Подземелья». У меня не было выбора.

Горячий соленый ветер ударил мне в лицо, когда я открыла входную дверь, и я вскрикнула, так как это затронуло мои раны. Пригибая голову, я продолжала двигаться вперед, молилась, чтобы найти телефон. Скрючившись по-старушечьи из-за измученного тела, я шла, и шла. С каждым шагом боль между ног усиливалась.

От этого я чуть не заплакала вновь. Алик изнасиловал и избил меня. Мой жених чуть не убил меня.

Все эти годы, защищая, подчиняясь ему, когда я — когда мы все — знали, что Алик не в себе... Алик был психопатом-убийцей. Пусть он и был наследником великой русской Братвы, но скрывать правду дальше нельзя.

Когда мой папа увидит меня в таком состоянии — если Лука не убьет Алика на арене клетки, — мой папа сделает это, и я не стану препятствовать.

Пока Алик жив, я никогда не смогу чувствовать себя свободной.

— Мисс? Мисс? Вы в порядке?

Я приподняла голову и заметила, что сбоку ко мне приблизился пожилой мужчина. Он был поход на рыбака или рабочего из доков.

— Мисс, вы в порядке? — спросил он снова. Потом его лицо побледнело, когда он рассмотрел меня. — Боже! Что, черт возьми, с вами случилось?

— У вас есть телефон? — едва слышно из-за саднящего горла спросила я.

— Мисс, мне надо отвезти вас в больницу!

— Нет! — возразила я. — Просто... у вас есть телефон, можете дать мне?

Мужчина кивнул и вытащил свой телефон, передавая мне.

— Мисс, мне кажется это неправильно, вам нужна помощь.

— Это и есть моя помощь, — ответила я, из последних сил набирая номер Талии.

Она ответила после третьего гудка.

— Алло.

— Талия? — произнесла я, стараясь сделать это как можно громче.

— Привет, Киса? Это ты? Я едва слышу тебя. — Она сделала паузу. — Почему тебя нет здесь? Сейчас начнется бой!

— Талия, пожалуйста. Мне надо, чтобы ты приехала и забрала меня... сейчас, пожалуйста.

— Хорошо-хорошо. Где ты? — спросила она, и я услышала, что она стала быстро двигаться, в ее руке звенели ключи.

Я повернулась к мужчине и спросила:

— Где мы находимся?

Он назвал мне адрес, и я повторила его Талии.

— Киса, какого хрена ты там делаешь?

Прижав руку к своему лбу, я ответила:

— Я все объясню тебе, когда ты приедешь. — Мой желудок скрутило от нервов. — Я... мне надо тебе рассказать тебе что-то важное. Но тебе надо поторопиться.

***

Спустя некоторое время свет фар осветил дорогу, ведущую к докам, яркими ослепительными лучами. Поднеся руку к лицу, я наблюдала за мужчиной, который помогал мне двигаться навстречу Талии.

Машина притормозила, из нее выпрыгнула Талия, направляясь прямо ко мне и прижимая ладонью рот.

— Киса... — прошептала она, ее карие глаза наполнились слезами. — Что с тобой случилось? — сказала она, протягивая руку, но тут же отвела ее обратно, опасаясь, что может причинить мне боль.

Я оттолкнулась от морского контейнера, Талия подхватила меня, помогая идти.

— Алик... Алик сделал это... со мной, — ответила я, затаив дыхание, когда добралась до машины Талии.

— Талия, пожалуйста, мы должны ехать! Я... я все объясню тебе по дороге.

Талия поддерживала меня, когда мы прошли мимо старика, и я, положив руку ему на плечо, произнесла:

— Спасибо вам.

Она помогла мне опуститься на пассажирское сидение, и я откинулась на спинку с подогревом и обтянутой кожей. Для моего измученного тела это ощущение было раем.

Не мешкая, моя подруга запрыгнула в машину, и я заметила, что при внутреннем освещении салона, она стала более пристально разглядывать мои травмы. Я не могла видеть себя, но чувствовала, что испугалась бы от того, насколько плохо выгляжу.

— Киса, — тихо произнесла Талия, начиная всхлипывать.

Я подняла руку и положила на ее колено, и это словно подстегнуло ее к действию, она развернулась и вырулила прочь из доков.

— Я отвезу тебя к доктору Чазову. Потом позвоню папе Кириллу и расскажу ему, что Алик сделал с тобой. Он выпотрошит ублюдка!

— Нет! — запротестовала я. Талия посмотрела на меня, будто я сошла с ума. — Мы должны попасть на бой. В «Подземелье».

— Киса! Ты, черт возьми, разум потеряла? Ты плохо выглядишь, дорогая. Я волнуюсь, что у тебя могут быть внутренние повреждения. Твое лицо... запястье! Дерьмо, Киса, думаю, оно сломано!

— Талия, мне надо попасть туда. — Я посмотрела на свою лучшую подругу и сделала глубокий вдох. — Мы обе должны попасть туда.

На ее лице отобразилось замешательство.

— Киса, ты знаешь, я не могу пойти туда. Все, что там... смерть... я не могу... я не в состоянии смотреть на это после того, как Лука...

Мы замолчали, пока Талия не спросила:

— Почему Алик сорвался? Что случилось, черт возьми?

Я смотрела в окно, вдаль показался склад «Подземелья».

— Я... я спала с Рейзом.

Машину вильнуло, потому что Талия ахнула от шока.

— Киса, — произнесла она в недоумении. — О чем ты только думала? Ты никогда в своей жизни не изменяла мужчине! Особенно Алику!

На мои глаза навернулись слезы.

— Рейз — не просто какой-то мужчина.

— Он — убийца, Киса! Убийца, которого ты нашла на улице и привела в «Подземелье»! Какого черта, я не понимаю? Ты знаешь его всего пару недель!

— Талия, пожалуйста. Пойдем со мной сегодня вечером, и я тебе все объясню.

Талия вздохнула, протянула руку и положила поверх моей.

— Хорошо, дорогая. Я просто... — ее руки начали дрожать. — Ты — все, что осталось у меня... все, что напоминает мне о брате...

Талия замолчала не в силах завершить предложение, и это почти добило меня. Мне захотелось сказать ей, что это и есть Лука, и что я была с ним, но ей надо увидеть все своими глазами. Я расскажу, когда они все соберутся вместе.

Повернувшись к ней лицом, я развернула ладошку.

Талия сжала мою руку.

— Через заднюю дверь, Тал. Доставь нас этим путем, чтобы мы не столкнулись с толпой.

Кивнув, Талия помогла мне войти в Подземелье с черного хода. У Макса, который возглавлял Быков моего отца и сейчас охранял входную дверь, округлились глаза, когда он увидел нас.

— Мисс Волкова! Что, черт возьми, случилось? Мистер Дуров знает, что с вами стряслось? — спросил он шокированный, помогая Талии и подхватывая меня.

— Макс, пожалуйста, помоги мне добраться до кабинки папы, — ответила я, оцетинившись, что в первую очередь он упомянул об Алике.

Алика боялись. Боялись все.

Макс посмотрел на Талию, и она кивнула в знак согласия. Вместе они помогли мне пройти по узкому проходу, люди моего отца, расступившись, были потрясены.

Из-за внезапного рева толпы я споткнулась, затем посмотрела на Макса.

— Сколько осталось до начала боя?

— Около пяти минут, мисс.

Мое сердце снова забило быстрее, я посмотрела на самый верх лестницы, где находился кабинет моего отца.

— Быстрее, мне надо поговорить с папой. — Я посмотрела на Макса. — Кто там с ним?

— Только ваш отец и мистер Толстой, мисс.

Я облегченно выдохнула, Макс с Талией помогли мне подняться по лестнице. Как только мы добрались до верха, Талия открыла дверь и помогла мне зайти.

Папа и Иван смотрели бой через большое пуленепробиваемое стекло, находясь поверх переполненной толпы.

— Папа? — позвала я тихо, и он повернулся ко мне, все еще продолжая улыбаться, наслаждаясь боем. Но как только его голубые глаза остановились на мне, выражение счастья тут же исчезло с его лица. Папа подскочил со своего кресла и подбежал ко мне, Иван сделал то же самое. Они провели меня и дали присесть, лицо моего отца было красным от гнева.

— Кто это сделал? — отрывисто спросил он. — Нам надо отвезти тебя к врачу.

— Она ничего не хочет слышать. Настояла на том, чтобы прийти сюда. И... и это был... Алик, — пояснила Талия, которая стояла около меня. — Он избил ее, я забрала ее из его лачуги в доках.

— АЛИК! — взревел папа, подскочив на ноги и глядя в окно.

Я наклонилась вперед и тоже взглянула на клетку. Пол был испачкан кровью, Алик и Лука катались по полу, сцепившись в борьбе за превосходство.

— Кто выигрывает? — спросила я, и мой отец посмотрел на клетку, затем снова на меня.

— Киса ...

— Кто? — Надавила я.

— Рейз берет верх над Аликом, но прямо сейчас, ничья, — ответил Иван, и я приложила ладонь к своему лбу.

Мое сердце застучало быстрее из-за того, что я собиралась сделать.

— Абрам около клетки рядом с Ивом?

Мой папа посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

— Естественно, Киса! Ты должна рассказать. Почему он это сделал с тобой? Он —

покойник!

Сделав глубокий вдох, не отрывая взгляда от клетки и наблюдая за моим Лукой, лицом Алика, я старалась не плакать, и произнесла:

— Я должна вам все кое-что рассказать.

Я посмотрела на Талию и Ивана.

— О... о Луке.

Иван побледнел, а взгляд Талии метнулся к ее отцу. По их лицам скользнула боль, затем Талия опустилась на колени и погладила мою голову.

— Киса, ты ударилась головой? Ты растеряна? Ты меня беспокоишь.

— Нет! — огрызнулась я, но потом сжала руку Талии. Мои глаза наполнились слезами, мое сердце грохотало сильнее, чем топот ног толпы ниже.

— Тогда что, Киса? — спросил Иван более мягким тоном. — Что с моим мальчиком?

— Он не делал этого, — выпалила я и сразу же почувствовала, как изменилась атмосфера в комнате. Я посмотрела на всех троих, уставившихся на меня. Они смотрели так, словно я сошла с ума. Закрыв глаза, я представила лицо Луки и произнесла: — Мне надо кое-что вам рассказать. Пожалуйста, не перебивайте меня. Мне нужно поделиться этим.

Иван, Талия и папа закивали головами в согласии.

— Это не Лука убил Родиона тогда. Алик его подставил. Что-то произошло, Алик зарезал Родиона, а затем заколол себя, чтобы это выглядело так, будто Лука виноват.

Я ухватилась за Талию, которая резко втянула в себя воздух, но я продолжала держать глаза закрытыми.

— Абрам сказал Алику, что он должен убить Родиона и тогда тот сможет стать следующим в очереди, якобы Родион не достаточно сильный, чтобы быть лидером, когда они подрастут. И Алик подставил Луку, потому что... — Я откашлялась и ощутила, что чувство вины стало огромным, — потому что он хотел меня для себя... и верил, что я никогда не выберу его, пока Лука рядом. Он был прав. Я бы ни за что на свете не отказалась от Луки. Вы все знаете об этом.

Абрам не планировал для Алика, чтобы тот навредил Луке. Зачем ему это? Алик был следующим в очереди из-за того, какое место занимал Абрам в Братве, но ему надо было защитить сына. Он не мог допустить, чтобы вы узнали правду об Алике. Это ставило под угрозу все, что он запланировал... запланировал у вас под носом.

В комнате стояла абсолютная тишина, и я продолжила:

— Когда папа отослал Луку прочь, Абрам приказал грузинской мафии перехватить транспорт. Они сожгли автобус, подменили тела мальчиков, отправленных в Россию, а выживших увезли на Аляску.

— Что... что было на Аляске? — тоненьким голоском спросила Талия.

Закусив нижнюю губу в попытке унять дрожь, я рассказала:

— Подземная тюрьма под названием ГУЛАГ, которой управляет грузинская мафия. Место наподобие этого, где заключенные вынуждены сражаться насмерть. Они избивают их, заставляют принимать препараты, чтобы они набирали устрашающий вес. Они превращают их в убийц, подсаживают на наркотики и избивают так сильно, что это блокирует любые воспоминания об их прошлом, любые воспоминания о жизни до ГУЛАГа. Любые воспоминания. Все воспоминания.

Слезы градом катились по моим щекам, грудь сдавило так, что было трудно дышать.

— Что случилось с моим мальчиком? — спросил Иван, и я наконец-то открыла

глаза. — Он умер? Он умер в этом ГУЛАГе? Мой мальчик умер? — Голос Ивана звучал надломлено, и тогда я бросила взгляд на Талию, которая похоже онемела от шока, а ее рука на моей ощущалась такой холодной.

— Нет, — прошептала я. — Он стал чемпионом, непревзойденным. Он выжил, Иван. Ему удалось сбежать, у него не было никаких других воспоминаний, только о Нью-Йорке. Он знал, что должен вернуться в Бруклин. — Я вздохнула, наблюдая, как Лука и Алик катались в схватке по клетке, и, молясь, чтобы Лука вышел победителем. — И о его потребности отомстить Алику.

Папа убрал локоны с моего лица.

— Откуда ты все это знаешь? Кто тебе рассказал? С чего ты взяла, что все это правда? Это серьезное обвинение против Абрама. Ты же знаешь, что если ты права Киса, то его ждет смерть за предательство.

Я кивнула головой.

— Я знаю, что это правда... потому что... — мои нервы напряглись, я сделала глубокий вдох и призналась: — Потому, что Лука снова нашел меня. Мы снова нашли друг друга, и он рассказал мне сам.

Талия резко подскочила.

— Он... он здесь? В Нью-Йорке? Мой брат вернулся?

Я кивнула.

— Я не... не верю в это. Почему он не пришел к нам? Почему ты не сказала нам раньше? — воскликнула она.

По щеке скатилась еще одна слеза.

— Он не помнит вас, Тал. Он едва вспомнил меня, лишь фрагменты из прошлого. Он вспомнил только, что Алик сделал с ним, когда был со мной прошлой ночью. Но затем я забрала его из тренажерного зала. Алик последовал за нами. — Я посмотрела на своего отца. — Вот почему он напал на меня, пап. — Я опустила глаза. — Я изменила Алику с Лукой, и Алик узнал. Он наказал меня. Сказал, что я предала его, но он понятия не имеет, что я была с Лукой. Он даже не знает, что Лука жив, что он вернулся. Абрам не рассказал ему, что Лука не умирал.

Мой отец подскочил и запрокинул голову в гневе.

Иван тут же подошел ко мне.

— Киса? Где мой мальчик? Где сейчас Лука? Я хочу увидеть его!

Я поднялась на ноги так быстро, как смогла, прижала неповрежденную руку к стеклу.

— Он в клетке, — взгляд Ивана, отражающий сомнение, переместился к стеклу. — Иван, Лука — это Рейз, наш новый боец... и он наконец-то получит свою месть.

— Нет! — закричала Талия.

Мой папа стремительно подошел к Максиму и приказал:

— Как только бой будет окончен, независимо от результата, вы должны схватить Абрама.

— Он не выглядит так, каким я его представлял и каким бы он мог быть, — сказал Иван, и я заметила, как его глаза заблестели от слез. — Он такой большой, весь в шрамах... все эти татуировки. Он похож на животное с этой клетке, на убийцу.

— Они делали ему больно, Иван, все эти годы в ГУЛАГе. Они причиняли ему боль. Но все-таки Лука там. Он там внизу. Мы просто должны вернуть его обратно.

Рыдания Талии стали прекратились.

— А что будет, если он не победит? Что, если Алик убьет его сейчас?

Иван обнял Талию за плечи.

— Он сможет, Талия. Бог не может быть настолько жесток, чтобы заставить нас потерять его дважды.

22 глава

Рейз

Я был изрезан. Поранен ножом. Истекал кровью.

Но и Дуров тоже. Он был ранен сильнее. Больше ран. Больше крови.

Каждая моя клеточка ныла от усталости, но и Алик тоже ослаб. Его тело было слабее моего, от моего первого удара вдоль живота из длинного пореза вытекало много крови, поэтому он не сможет продержаться долго.

— Давай! — прохрипел Алик. — Давай покончим с этим дерьмом.

Слова Алика были едва понятны. Я смотрел в его лицо, оставаясь неподвижным.

— Алик, нахрен, нападай! — Я посмотрел на человека, стоящего в стороне, который выкрикивал, и тут же мое сознание озарила вспышка воспоминания.

Отец Алика, Абрам Дуров.

Мои губы сжались от гнева, я посмотрел на толпу, люди призывали меня убить Дурова. Они все видели, что победа за мной. Они хотели крови.

Но потом движение выше привлекло мое внимание, мой взгляд упал на женщину, которая стояла за огромным стеклянным окном. Она была сильно избита. Я не мог оторвать от нее глаз, что-то заставляло меня смотреть на нее... и затем мое сердце ухнуло вниз.

Киса.

Сбитый с толку, Алик последовал за моим взглядом, его глаза скользнули туда, где стояла Киса, и он заметил ее.

В тот же миг я набросился на Алика, сбил его с ног. Он упал на пол, но ловким движением смог вывернуться и нанести мне удар ножом прямо в бедро.

Взревев от боли, я повернулся, перебрасывая его, обернул свою ногу вокруг его ног и заблокировал руки так, чтобы он не мог нанести удар.

— Ты сделал с ней это? — зарычал я и заметил ухмылку на лице Алика. Я сжал сильнее, его лицо стало красным.

— Я собираюсь заставить ее заплатить, — пригрозил он. — Когда я убью тебя, она будет сожалеть. Я собираюсь сломить ее.

И этого оказалось достаточно, чтобы добить меня. Он угрожал моей Кисе.

С меня хватит.

Хватит всего этого.

Используя свои ноги для захвата Алика, я уселся на него сверху и выпустил агрессию, которая наполняла мои мышцы на протяжении долгих лет. Алик занес лезвие и ударил меня в икру, но я сжал кулаки и стал наносить удары по его лицу, пробивая кожу шипами кастета, уродуя его черты.

Войдя в раж, я не мог остановиться, крики кровожадной толпы подстегивали меня еще больше. Руки стучали по прутьям клетки, проверяя ее на прочность. Абрам кричал, чтобы бой был остановлен, но я был неумолим и жаждал крови. Дыхание Алика замедлилось, его

тело дернулось, и мои кулаки зависло в воздухе, потому что я видел, как он умирает подо мной.

Я ждал облегчения. Я ожидал, что почувствую себя целым снова... но наблюдая, как он делает свои последние вздохи, я ничего не чувствовал... абсолютно ничего.

— Сделай это, — прошептал Алик, в его глазах едва теплилась жизнь, но он по-прежнему продолжал дразнить меня, как гребаный сумасшедший, каким и всегда был.

Взглянув на окно, за которым стояла Киса, я заметил слеза на ее щеках, и я знал, что должен спасти ее. Я должен был защитить ее.

Она была моей. Я хотел, чтобы она снова была моей.

Я хотел снова стать собой.

Подняв кулаки над головой и, вывернув их внутрь, я с победным криком вонзил шипы ему в грудь... прямо в сердце.

Алик стал захлебываться в собственной крови, его глаза сверкали огнем, пока не успокоились и не потухли.

Дуров был мертв.

Освободив свои кулаки, я упал на бок, мое сердце колотилось бешено и слишком быстро, из-за чего мне было сложно дышать.

Толпа ревела, звук был почти оглушающим. Клетка стала раскачиваться, и я заметил, что Быки проталкивались сквозь толпу, делая проход, угрожая людям на их пути пушками и делая предупредительные выстрелы вверх.

Место, которое наполнила заряженная волнением толпы атмосфера, гудело. Я убил действующего чемпиона.

Много денег только что было проиграно.

Но я не чувствовал ничего, оставаясь рядом с его трупом. Убеждаясь, что победил и только что убил его.

Все еще теплое тело Дурова кровоточило и в этот момент на меня нахлынули воспоминания. Обо мне в детстве, Родионе... и Кисе... моей Кисе. Которая всегда была со мной, поглаживая мои волосы, целуя меня, читая мне...

Неожиданно дверь клетки распахнулась, и в нее ввалился Абрам, опустившись на колени, чтобы посмотреть на мертвое тело своего сына, распростертое на полу, его лицо исказили шок и боль. И тут же, пройдя через толпу по образовавшемуся коридору, появился еще один человек.

Отпрыгнув от тела Алика, я поднялся на ноги, расставил ноги и приготовил кулаки к бою, как наказание за убийство их бойца номер один... и наследника Братвы. Я буду бороться за то, чтобы выбраться отсюда, если надо — убью всех. И заберу Кису с собой.

Мужчина с длинными седыми волосами вошел в клетку, два Быка, которые следовали за ним, подбежали к Абраму и подняли его с пола. Абрам был слишком слаб, чтобы оказать сопротивление, продолжая смотреть на тело убитого сына.

Когда он смотрел на своего сына, казалось, что он умер тоже.

Мужчина с седыми волосами подошел ко мне, его взгляд был оценивающим. Каждая моя мышца напряглась в готовности нанести удар, я опустил голову, сжал пальцы обратно в кулаки.

Мужчина протянул руки, успокаивая, от растерянности мое тело задрожало. Я наклонил голову в сторону, сощурился глазами.

Мужчина изучал меня. Я истекал кровью, но, нахрен, был готов драться с кем угодно,

кто встанет между мной и Кисой, когда неожиданно он упал на колени, из его глаз полились слезы.

Я попятился в замешательстве.

— Папа! — закричала плачущая женщина, лицо которой заливали слезы, ее рука с силой прижималась ко рту. Она упала рядом с мужчиной, они оба взглянули вверх на меня.

Мое тело горело, я чувствовал, как пот катиться по моему лбу. Я не мог оторваться от блондинки и седого мужчины, моя грудь вздымалась, а затылок пронзила сильная боль.

Оглядевшись вокруг, я заметил, что Быки очистили «Подземелье» от толпы, выталкивая людей в коридор и промозглый подвал. Человек, стоящий за спиной, привлек мое внимание — Виктор. Я кивнул ему, выражая благодарность, он приподнял шляпу и исчез в толпе.

На этот раз мужчина выглядел... счастливым?

Два человека стали медленно приближаться к клетке, и мое сердце замерло, потому что одним из них была Киса.

— Киса, — прошептал я, пока ее отец, Пахан, помогал подняться ей по лестнице в клетку. Киса вошла, от взгляда на ее лицо в синяках по мне прошла дрожь ярости.

По ее лицу текли слезы, но она не отводила своих глаз от меня.

— Киса! — закричал я и начал двигаться навстречу, тогда мужчина на коленях поднял руку ко мне.

— Подожди! — крикнул он мне, хватая своей рукой мою.

Растерянный, я вырвал руку обратно, занес кулаки с шипами, чтобы нанести удар.

— Нет! — выкрикнула Киса и, шатаясь, подошла ко мне. — Остановись! Пожалуйста, Лука, остановись.

Выждав, я заглянул в опухшие глаза Кисы, она покачала головой. Что-то внутри меня подсказало, что я должен доверять ей и опустить кулаки. Срывая кастеты, я бросил их на пол и провел пальцем по ее щеке.

— Он... он сделал тебе больно, — начал я, мой голос звучал подавленно.

Киса слегка потерлась о мою ладонь, ее кожа почти не касалась моей. Она чувствовала боль. Это наполнило меня еще большей яростью.

— Все позади, Лука, — прошептала Киса и притянула меня ближе одной рукой, тогда как другая ее рука была обернута вокруг талии, ее запястье было повреждено.

— Он сломал тебе запястье?

Киса кивнула, слезы продолжали стекать, но она повторила.

— Все позади. Он умер. Я свободна... ты свободен.

Ее голос сорвался, и я знал, что все это было уже слишком для нее. Она попыталась улыбнуться мне.

— Ты сделал это, малыш. Ты отомстил.

Я выдохнул и мгновенно почувствовал опустошение, но когда заметил движения на уровне пола, то обернул свою руку вокруг нее и стал подвигать за спину, защищая. Мое тело напряглось, готовое встретить любую опасность.

Седой мужчина встал вместе с той женщиной, протянув свои ладони, а Киса схватила меня за руку.

— Лука, послушай меня.

Мои глаза метались по клетке, оценивая и принимая во внимание, кто в ней находился: папа Кисы, Абрам, Быки, седой мужчины и женщина... и они все смотрели на меня, словно видели призрак. Прямо мне в глаза. Я тут же опустил голову.

Киса обошла вокруг меня, а я попытался оттолкнуть ее обратно.

— Нет, Лука. Малыш, пожалуйста, посмотри на меня.

Я колебался, но, в конце концов, ее глаза, которые заблестели, привлекли мое внимание. Она провела рукой по волосам, и я мгновенно расслабилась.

— Никто здесь не собирается причинить тебе боль. — Подушечкой пальца она провела под моим левым глазом. — Ты можешь смотреть на них. Они могут видеть тебя. Они могут видеть тебя настоящего. Ты в безопасности.

Я снова посмотрел на каждого в клетке, мой взгляд задержалась на седом мужчине и женщине с карими глазами. В моей голове пульсировала кровь, когда я смотрел на них. Но я боролся с этим. Вооружившись советом Виктора, я попытался принять те воспоминания, что приходило ко мне.

— Лука, мне надо чтобы ты попытался вспомнить кое-что, — мягко произнесла Киса. Тон ее глосса был странным, как бы подготавливая меня к чему-то.

Я нахмурился и уставился в ее голубые глаза, напрягшись.

— Я не могу, — ответил я. — Я не могу больше ничего вспомнить. Я пытался.

Киса кивнула в знак понимания, ее глаза вздрогнули от этого движения.

— Тебе больно.

— Это не имеет значения, сейчас речь не обо мне. Lyubov тоуа, мне надо, чтобы ты вспомнил.

— Что? Что мне надо вспомнить? — спросил я, чувствуя возбуждение, мои глаза начали быстро моргать, а боль в висках — усиливаться.

— О тебе. Откуда ты. Кто твои родители... твоя семья, — Киса сжала мою руку, а я ее.

Седой мужчина откашлялся и опять уставился на меня. Я закрыл глаза, пытаюсь прорваться сквозь пустоту в своей голове, но это лишь усиливало боль.

Я был сделан из гребаной боли!

— Я не... я не помню, solnyshko! — закричал я, тогда седой мужчина сделал шаг вперед, а блондинка стала рыдать.

— Ты... ты помнишь меня, сынок?

Я посмотрел на Кису, которая сжала мою руку и стала кивать одобряюще. Я держался за Кису, как за спасательный круг, мой пульс начал стучать еще сильнее.

Седовласый мужчина не отводил от меня глаз. Какие-то неясные образы стали всплывать передо мной. Я уставился на него, пытаюсь вспомнить о нем больше. Это был он... это был он.

Я был подростком, почти взрослым, и находился в машине вместе с этим мужчиной. Мы ехали на встречу. Это была моя первая встреча с Братвой...

— Я был частью Братвы, — прошептал я и посмотрел на Кису. Она кивнула и прижала губы к моей пораненной руке, ее прикосновения успокаивали меня.

— Продолжай, Лука. Продолжай.

Я кивнул и снова закрыл глаза.

Я был ребенком. Рождество. Елка, подарки. Я сидел на диване, мужчина протянул мне подарок. Мужчина с карими глазами и светлыми волосами... у него было лицо этого седовласого мужчины.

— С Рождеством, сынок! — сказал мужчина.

— Спасибо, папа, — ответил я.

Мне не хватало воздуха, я отшатнулся, ударяясь спиной о клетку. Посмотрел на седого мужчину, и, кажется, не мог дышать.

Он сделал шаг навстречу.

— Лука? Ты... ты помни... —

— Ты... мой папа? — спросил я, и его лицо расслабилось. Они кивнул головой не в состоянии произнести ни слова. — Ты мой папа, Иван Толстой, — повторил я и напрягся, когда он поднял руку и положил ее на мое плечо.

— Мой сын, — прохрипел он, по его лицу катились слезы. — Мой Лука... ты вернулся к нам.

Мое сердце забилось сильнее и, сделав шаг вперед, я попал в объятия своего отца. Сначала я замер, не отпуская Кису, а потом стало приходиться все больше и больше воспоминаний, из-за чего я утонул в его объятиях.

По сравнению с ним я казался огромным, но все же в его руках я снова почувствовал себя ребенком.

Рыдания, который исходили от блондинки, находящейся рядом с моим отцом, заставили меня взглянуть поверх его плеча: ее лицо светилось от счастья. В моей голове всплыла картинка того, как раздраженная девчушка, сидящая рядом со мной за столом, уколола меня вилкой в бедро. Затем снова сцена Рождества, более ясная, и я увидел, что она сидит рядом со мной около дерева, обнимая меня за пояс.

Мой папа почувствовал мое оцепенение, поэтому он отошел и заметил, что я смотрю на эту женщину. Рука Кисы выскользнула из моей. Я шагнул вперед и увидел, что она дрожит.

— Ты моя сестра, — начал я и женщина неуверенно закивала. — Тал...Тал.

Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить ее имя. Вокруг меня обернулись руки и женщина произнесла:

— Талия. Я твоя сестра Талия.

— Талия, — повторил я, ее имя звучало таким знакомым, правильным. — Моя... сестра.

Талия плакала, и я обнял ее. Почувствовав напряжение от такого близкого контакта, я боролся с желанием перебросить ее и атаковать. Я не знал, что делать.

— Ты жив, — всхлипывала она. — Ты вернулся. У меня снова есть брат.

Взглянув на Кису, я заметил, что она обнимает моего отца. Она была счастлива за меня, ее голубые глаза светились от радости.

Талия отстранилась, я отошел к Кисе, протягивая ей руку.

— Киса, — сказал я, отчаянно needing быть ближе к ней. Все это было слишком для меня. Мое тело и разум были истощены, она была всем, в чем я действительно нуждался. И как только я протянул руку, Пахан — Кирилл... его звали Кирилл — схватил ее и притянул меня к себе.

Мое тело снова напряглось, но он произнес:

— Я и не догадывался, Лука. Я не знал... Я верил, что это ты убил моего сына, и это мой грех. Я был так опечален, что не подозревал Абрама или Алика. Абрам был мне как брат, я и представить не мог, что он способен так поступить. Ты был невиновен и заплатил за преступление, которого не совершал.

Кирилл посмотрел на Кису.

— И я забрал тебя у нее. Моя жена перевернулась бы в могиле, когда узнала бы, что я неоправданно разделил вас, — он опустил голову, — и отдал ее такому ничтожеству... больному человеку... убийце.

Я посмотрел на Пахана и увидел, что он говорит искренне.

— Папа! — заплакала Киса, но Кирилл поднял руку.

— Это правда, — Кирилл бросил взгляд на Абрама, который находился за моей спиной, и вытащил пистолет. Он подошел к моему отцу и отдал ему пистолет.

— Это твое право — убить его, Иван.

Мой отец расправил плечи и его взгляд стал холодным. Он засунул руку в карман и достал пистолет, протягивая его Кириллу.

— Это право у нас двоих. Он приказал Алику убить Родиона.

Чувство близости наполнило меня. Это были мужчины Братвы. Это были мужчины, которые не потерпят дерьма. Это была моя семья... это было то, чему я принадлежал.

Мой отец подошел к Абраму, Кирилл шел за ним. Абрам так и продолжал смотреть на своего мертвого сына, лежащего на полу. Мой отец снял пальто, под ним оказался черный костюм, и тут же со всех размаха он ударил Абрама по лицу. Казалось, что тот даже не заметил этого.

Кирилл и мой отец подняли свои пистолеты. Никто не проронил ни слова. После нескольких напряженных минут они выстелили прямо в грудь Абрама, он упал на пол рядом со своим мертвым сыном.

Киса прижалась ко мне крепче, я поцеловал ее макушку и сжал сильнее в объятиях.

Мой отец подошел ко мне и спросил:

— Лука, ты помнишь свою маму?

Мое сердце бешено забилося, мышцы напряглись, но сейчас двери в мое прошлое были открыты, я вспомнил лицо темноволосой женщины и тяжело выдохнул, словно перед этим завершил многочасовую пробежку.

Киса обняла меня за пояс и подняла голову.

— Она будет так счастлива. Она никогда не теряла веру в то, что ты невиновен. Она знала, что ты не мог сделать этого. Всегда верила в твою невиновность.

И тут я занервничал, наклонился и прижался лбом к Кисе.

— Но я не тот Лука, которого она знала. Я — монстр, убийца. Эта версия ее сына не такая уж невиновная.

— Ты наш Лука. Ты наш сын, — строго сказал мой отец, который стоял рядом со мной.

— Киса, мы должны поехать домой, чтобы доктор Чазов осмотрел тебя, — сказал Кирилл, приближаясь к Кисе. — Тебе надо наложить гипс на запястье. Еще нужны швы и лекарство.

Киса неохотно кивнула, положила руку на мою щеку. Я и не замечал, насколько бледной она была, как ей было больно.

— С тобой все будет в порядке, Лука. Я приеду в дом твоих родителей попозже. Тебе тоже надо показаться врачу. Ты ранен, у тебя кровь

— Нет, — решительно ответил я. — Я поеду с тобой. Увижусь с твоим врачом.

— Лука... —

— Нет! Киса, solnyshko. Я еду с тобой, — наклонившись ниже к ее уху, я пояснил: — Мне нужно, чтобы ты была рядом. Я чувствую себя дома только когда рядом с тобой. Я не... я не знаю этих людей, как знаю тебя. Ты мое настоящее, а они пока еще мое прошлое. — Я

взглянул на нее беспомощно. — Не могу без тебя. Ты нужна мне. — Я сглотнул, задержал дыхание, а потом признался: — Я чувствую страх... боюсь всего этого.

В глазах Кисы отразилась печаль, и я знал, что все слышали меня. Киса взяла меня за руку и обратилась к моему отцу и Талии, пока я стоял, опустив голову вниз.

— Я покажусь доктору вместе с Лукой, потом мы приедем к вам. У вас будет время, чтобы подготовить маму Толстую.

Я все еще, как трус, не решался поднять глаза. Но я почувствовала за прошедшие пять минут намного большего, чем за всю свою жизнь, и это было слишком.

Чья-то рука дотронулась до моего бицепса, я поднял голову и увидел своего отца.

— Хорошо, Лука. Поезжай с Кисой. Уладь там все. Скоро увидимся... сынок.

Я кивнул, чувствую, словно тяжесть упала с груди, обнял Кису за плечи и вывел ее из клетки. В комнате ожидания мы не разговаривали, но я чувствовал, что она наблюдает за мной. Я накинул свою старую серую толстовку, которую носил после ГУЛАГа, и пошел за Кисой к черному входу. Прижимая к себе свою вторую половинку, я впервые за все время шел с опущенным капюшоном.

23 глава

Киса

— Ты готов, *lyubov moyu*?

Я повернулась к Луке, он даже не шелохнулся, неотрывно глядя на роскошный особняк своих родителей, его лицо отражало озабоченность.

Я сжала его руку и, наконец, Лука опустил взгляд на меня. Он моргнул, затем снова. Он выглядел полностью потерянным.

— Я не знаю, — хрипло ответил он. — Я вспоминаю столько всего, но это все бессвязно. Отрывки воспоминаний появляются как вспышки. Все как-то лихорадочно. Словно проблески, какой была моя жизнь раньше.

Он указал на особняк, который был для меня таким же домом, как и для него.

— Как этот дом. Я сидел с тобой на этих ступеньках. Помню, чем занимался в своей спальне... с тобой. — Лука встал напротив меня, взял меня за руку и поднял ее, положив себе на грудь. — В каждом отрывке памяти — ты. — Он наклонился, чтобы посмотреть в мои глаза.

Я же не могла произнести ни слова, казалось, слова застряли в горле. Всего лишь несколько часов назад он убил человека, который разрушил мою жизнь. Думаю теперь, достигнув цели, он понятия не имел что делать дальше.

Неистовый убийца из клетки исчез, его место занял потерянный мальчик.

Я подвинулась ближе и провела пальцем по его подбородку. Когда наши взгляды встретились, я увидела в его карих глазах, слева, пятнышко моих синих, и мое сердце забилося быстрее.

— Все потому что мы никогда не были порознь. С детства мы были одним целым. И всегда так будет. Мы нашли путь, чтобы снова быть вместе, моя любовь.

Глаза Луки впилась в мои, в них отразилась вспышка обладания.

— И всегда будет так, — подтвердил он. — Я никогда не потеряю тебя снова.

Слезы застилали мои глаза.

— И всегда будет так.

Дверь дома его родителей открылась, на крыльцо вышел папа Иван. Я подняла руку в приветственном жесте, в ответ Иван печально улыбнулся мне.

Лука замер, его выразительный взгляд отражал всю глубину опасения и растерянности.

— Пойдем, малыш, — прошептала я тихо ему на ухо.

Я потянула его за руку и повела к дому. Он держался позади, как только мы вышли из моего дома, где каждого из нас осмотрел доктор Чазов. Один из папиных охранников принес ему пару синих джинсов и белую рубашку.

Его внешний вид ошеломлял, я не могла насмотреться. Его огромные мышцы тестировали на прочность джинсы и материал рубашки, светлые волосы были спутаны самым очаровательным способ.

Я хотела его больше, чем когда-либо.

Лука схватил меня за руку, сильно сжимая ее, когда мы стали подниматься по лестнице. Иван обнял меня, потом неловко — своего сына, из-за чего я не могла сдержать наворачивающиеся слезы.

— Твоя мама в отчаянии и хочет увидеть тебя снова, сынок. Она... — голос Ивана дрогнул. — Она отказывается верить, пока не обнимет тебя снова. Она почти обезумела.

Иван проводил нас в фойе, я почувствовала, как у Луки ускорился пульс, он все еще продолжал сжимать мою руку. Он тут же резко притянул меня к себе, прижимая к груди, и вот так, используя меня практически как живой щит, мы вошли в гостиную. Талия сидела на стуле и нервничала, что выдавало подергивание ноги и то, как она грызла ноготь.

Мама Толстая ходила перед мраморным камином, а когда она заметила, что мы вошли в комнату, то замерла и пристально посмотрела.

Я почувствовала, что и Лука застыл позади меня, затем повернулась и заметила, что его глаза были прикрыты, голова наклонена набок, а полные губы были поджаты.

Он вспомнил ее. Теперь я знала, каким было выражение его лица, когда возвращалась память. Мою грудь наполнило ощущение счастья. Он вспомнил свою маму.

Мама Толстая зарыдала, и ухватилась за камин, чтобы устоять на ногах.

— Лука? Лука... это ты...?

Лука отпустил мою руку и обошел меня.

— М-мама?

Мама Луки кинулась вперед, услышав его голос, и крепко обняла его своими руками.

— Лука. Это ты... мой сын... мой мальчик...

— Да, — выдохнул Лука, и мама обняла его за талию, ее миниатюрная невысокого роста фигура против его большого, широкоплечего и мускулистого тела.

— Ты вернулся домой, — плакала она. — Ты вернулся к нам... Я знала, что ты живой. Я чувствовала это всем своим сердцем. — Она отступила и положила руку на его покрытую щетиной щеку, стоя на цыпочках, чтобы дотянуться. — Мой сын, мой сын...

Мне не хотелось нарушать момент воссоединения матери с сыном, поэтому я отступила в коридор, а потом через кухню вышла на задний двор. Как только я вдохнула свежий воздух, то сразу почувствовала себя лучше.

Дойдя до белой скамейки в маленьком дворике, я опустилась на нее и прикрыла глаза, собираясь с мыслями, пока делала глубокий вдох.

Не могла поверить во все, что произошло. Все это казалось нереальным. Как во сне, и я собиралась проснуться.

Ощущение тяжести от всего, что произошло со мной за последнее время: обнаружить, что Лука жив, что Алик виноват, боль Луки, которая сопровождала его на протяжении многих лет, смерть Алика, возвращение Луки в мои объятия — все представляло собой смесь противоречивых чувств горя и радости.

Опустив голову на открытые ладони, я просто ощущала, как отпускаю все это, как мои эмоции выходят вместе со слезами.

— Киса?

Испугавшись, я подняла голову, быстро вытирая лицо неповрежденной рукой и глотая рыдания.

— Талия, ты меня напугала, — ответила я, прочищая горло, когда она села рядом со мной, уставившись в ночное небо.

Не произнося ни слова, Талия протянула руку и сжала мою. Я закрыла глаза, стараясь просто дышать бруклинским летним воздухом, когда она прошептала:

— Спасибо тебе.

Открыв глаза, я посмотрела на Талию, и заметила, как изменилось ее лицо, его выражение стало расслабленным. Мое дыхание сбилось, когда я поняла, что за все это время, пока Лука был «мертв», она впервые выглядела умиротворенной.

Как же я раньше этого не замечала?

— Тал...

— Я бы никогда не поверила, если бы ты рассказал мне о подозрениях, что... Рейз... что он может быть моим братом. Я не поверила бы ни на секунду. Даже если бы увидела собственными глазами, я бы не узнала его. Он такой огромный, и выглядит таким агрессивным. — Талия вздохнула. — Киса, я бы не узнала собственного брата.

— Он изменился, Тал. Он не такой, каким был, — сказала я, стараясь ее утешить. — И он всегда надевал мастерку так, чтобы капюшон свисал на его глаза. Думаю, он каким-то образом догадывался, что кто-то может узнать его по левому глазу. Он не знал этого. Он многого не знает. Ему предстоит узнать жизнь заново. — Я сжала руку Талии. — Никто бы его не узнал.

Она повернулась ко мне.

— Никто, кроме тебя. Тебя тянуло к нему с той самой ночи, когда он спас тебя в том переулке. Ты отыскала его и поняла, кто он. Привела его обратно. Ты никогда не сдавалась. Разглядела его сквозь гору мышц, тату и шрамов. Ты видела, кем он был на самом деле.

Я открыла рот, чтобы ответить, но мои эмоции взяли верх. Поэтому мы просто сидели там, дышали, и это была самая правильная вещь, впервые за долгие годы.

— Ты спасла его, — прошептала она потом, мы сжали руки чуть крепче, я знала, что с сегодняшнего дня наши жизни изменятся к лучшему.

Немного погодя я встала со скамейки и пошла в дом. Мама Толстая была на кухне. Как только я вошла, ее взгляд упал на мое избитое и хромящее тело.

— Киса... доченька моя, — тихо сказала она, протягивая мне руку, перед тем как обнять.

— Все в порядке, мама. Теперь все будет хорошо.

Она прижала меня к груди и прошептала:

— Бог вложил часть души моего сына в тебя, и когда он сбился с пути, он последовал зову и смог найти путь обратно. Ты — половинка его души. Ты — его спасительница... спасительница для всех нас.

Еще больше слез хлынуло из моих глаз, я отстранилась и поцеловала ее в щеку. Словам не было места.

— Твоя мама будет радоваться за тебя на небесах.

— Мама... — произнесла я, борясь с подступившим комком.

— Ш-ш-ш... теперь все будет хорошо. Не надо никаких слов или объяснений. Все случилось, как должно было случиться. Прошое в прошлом. Следуй новым путем в будущее. Мой сын вернулся, человек, который забрал его умер, а ты любишь его каждой своей частичкой. Разве я могу желать чего-то еще?

Выслушав ее, я улыбнулась, испытывая чистейшую радость, и спросила:

— Где?..

— В своей комнате, — прервала мама Толстая.

Все еще улыбаясь, я поцеловала ее в щеку, прошла через гостиную к лестнице и стала подниматься вверх, когда услышала, как поет мама Толстая, впервые за много лет.

Папа Иван был в своем кабинете, сидел за письменным столом, на мгновение мне показалось, что и не было этих последних двенадцати лет. Он говорил по телефону, и я нахмурилась, когда услышала его разговор о ГУЛАГе... он упоминал номер 362.

— Я хочу знать его имя, откуда он и кто те люди, что отправили его в это место.

С того конца телефонного разговора послышался другой голос, но Иван прервал его и ударил кулаком по столу:

— Я оплачу, сколько нужно, деньги не имеют значения, это для моего сына! Найдите ответственных за это и убейте их.

На мгновение я закрыла глаза и почувствовала сожаление. Лука получил шанс на мсть благодаря 362, своему другу... чтобы отомстить людям, которые его ложно обвинили.

Лука хотел сделать то же самое для своего единственного друга. Это чуть не сломало меня.

Открыв дверь в комнату Луки, я вошла и увидела, что он сидел на своей старой узкой кровати, свесив голову. На фоне всего этого комфорта в голубых тонах он казался таким огромным. Мне стало не по себе. Это было так невероятно видеть его тут, в его комнате.

— Лука?

Он поднял голову и его карие глаза засветились. Закрыв дверь, я подошла к кровати. Мне захотелось сесть рядом с ним, но прежде чем я смогла сделать это, Лука сгреб меня в свои большие объятия, прижался головой к моей шее и вдохнул мой запах.

Это заставило меня улыбнуться, поскольку это было одним из того, что он не утратил.

Я погладила его по волосам, прижалась к его голове в долгом поцелуе.

— Ты в порядке, малыш?

Он покачал головой, давая понять, что «нет», и я обняла его крепче. Я и представить себе не могла, что ему приходится переживать прямо сейчас. Шок из-за того, что он вернулся сюда. Шок от понимания, что он не был одинок в этом мире. На самом деле, наоборот.

Его любили. Как же чертовски сильно его любили.

— Все будет в порядке, ты же знаешь, — успокаивала я его.

Лука поднял голову и наши взгляды встретились.

— Я не знаю, что делать теперь. Я так долго прожил лишь с одной целью, с единственным намерением, и не знаю, как теперь быть. — Он выглядел расстроенным. — Что теперь, solnyshko? Что мне теперь делать? Что мне делать, если все что я умею — это

убивать?

Я обхватила его щеки и прижалась лбом к его голове.

— Ты научишься жить заново. И я буду рядом с тобой.

Глаза Луки наполнились слезами, и одна упала на лицо, скользя по шрамам... и это была невозможная, самая душераздирающая вещь, которую я видела.

— Малыш, не плачь, — сказала я, мое горло пересохло. — Все хорошо. Я люблю тебя, люблю тебя очень сильно.

Глаза Луки встретились с моими, его длинные темные ресницы были мокрыми. Он поднял руку и положил поверх моей, которая лежала на его щеке.

— Я — свободен... наконец-то свободен... я не...я не...

Сердце взрывалось в моей груди от выражения смятения на его лице, я прижала свою вторую половинку так близко к себе, как могла.

Поднеся рот к его уху, я спросила:

— Будешь моим?

Лука успокоился в это же мгновение. Затем я почувствовала как десять лет боли и потерь покидают его.

— Я твой, solnyshko. Я весь твой. Так было и будет всегда.

Эпилог

Шесть месяцев спустя...

— Lyubov moya... — простонала я, когда Лука двигался во мне. Я царапала его спину, наклонив голову, чтобы он целовал мою шею.

— Solnyshko, — стонал Лука, его бедра стали двигаться быстрее, член был твердым, как сталь, я была на грани, и мы были близки к тому, чтобы кончить вместе.

Наше дыхание участилось, мои руки скользнули в его волосы, и я потянула их. Лука же вытянул свои руки, ухватившись за спинку кровати, толкаясь сильнее внутрь меня, заставляя меня терять контроль.

— Малыш! — вскрикнула я, чувствуя, как накатывает оргазм, и сжимая ноги вокруг его талии. Лука поднял голову и прижался ртом к моему. Наши языки мгновенно столкнулись, дико и беспорядочно.

— Киса... Киса, — взревел Лука, отрываясь от моих губ, его шея напряглась, как и мускулы, когда он кончил, уводя меня за край вместе с собой.

Лука дернулся внутри меня, а затем рухнул на мою грудь, его кожа была влажной от занятий любовью часами подряд.

Вчера мы поженились.

Наконец. В нашей церкви, отцом Хрущевым.

Официально я была женой Луки, и не было никого счастливее на Земле, чем я прямо сейчас, прямо в эту секунду.

Я провела рукой по белокурым спутавшимся волосам Луки, он затаил дыхание. Подняв голову, Лука прижался к моим губам в долгом ленивом поцелуе и произнес:

— Я люблю тебя, Solnyshko.

Я провела пальцем по его щеке и ответила:

— Я тоже люблю тебя.

Застенчиво улыбаясь, Лука, который каждый день на протяжении шести месяцев был со мной, до сих пор не мог привыкнуть к свободе, он чувствовал, что не заслуживает моей безусловной любви.

Воспоминания о своем прошлом в ГУЛАГе возвращались к нему кошмарами, он просыпался в холодном поту, лица сотен мужчин и мальчиков, которых он был вынужден убить, не давали ему нормально спать. Кошмары были настолько ужасными, что первые ночи Лука отказывался засыпать. Я не могла видеть его таким, поэтому бросила вызов папе и проигнорировала православные традиции. На следующую ночь я спала рядом с Лукой в его детской кровати, и он ни разу не проснулся.

Он нуждался в том, чтобы я спала рядом.

Я отгоняла прочь его ночные кошмары.

С того момента мы ни одного дня не провели порознь.

Приблизившись к нему, я пристально посмотрела в его глаза и сказала:

— Я всегда любила, и всегда буду любить тебя, всю свою жизнь.

Лука подарил мне ослепительную улыбку и поцеловал шею, спускаясь вниз к моей груди, потом — к животу, и усыпал меня там поцелуями.

Взглянув на меня с надеждой в глазах, он спросил:

— Как думаешь, ты уже беременна?

Смеясь, я обхватила его голову руками и подтянула к себе обратно.

— Мы поженились только вчера, Лука.

Его лицо приняло серьезное выражение.

— Я хочу ребенка от тебя.

— Я знаю, что хочешь, *lyubov moyu*. И однажды это случится. Ничто не заберет меня у тебя снова. — Я пробежалась пальцем по его обручальному кольцу. — Теперь мы женаты. Вместе навсегда, помнишь?

Он выдохнул и кивнул, тут же падая рядом со мной и положив голову на мою обнаженную грудь. Он уткнулся головой в нее, а я улыбнулась, понимая, что означает это небольшое действие.

Я пробежалась пальцами по его спутавшимся светлым волосам, обожая те ощущения, которые дарят его руки, когда он обхватывает меня. Ему нравились мои поглаживания по волосам. Он говорил мне, что чувствовал, словно и не было этих последних двенадцати лет.

Это разбивало мое сердце, потому что он не был Лукой из нашего детства.

Он был разбит.

Изнурен.

Измучен своим прошлым.

Нестабилен... но он был мужчиной, которого я любила сейчас, и который всегда был моим защитником. Теперь даже больше, чем раньше. Хотя ему сейчас приходилось нелегко, но со мной он находил покой.

Каждый из нас был для другого целым миром.

— Почитай для меня, — пробормотал Лука, полностью расслабившись в моих руках. Улыбаясь, я потянулась к нашей старой любимой книге, которая хорошенько поистрепалась за эти годы. Я не смогла избавиться от нее.

Может быть, я знала, что когда-нибудь она пригодится мне снова.

— Ты готов, *lyubov moyu*? — спросила я.

— М-м-м, — пробормотал он в ответ. — Читай.

Он приподнялся и взял меня за свободную руку.

Я улыбнулась.

Я была так невероятно счастлива от того, что мы лежим здесь, в нашей новой кровати, в нашем новом доме, нашем новом особняке рядышком с домом его родителей.

«Им было предназначено быть вместе, один мальчик и одна девочка, две половинки сердца, посланные странствовать по свету. Бог захотел проверить, насколько искренней была любовь и сможет ли она выдержать испытания. Он хотел увидеть, как половинки одной души смогут найти друг друга, несмотря ни на что. Пройдут годы, каждому из них будет больно, они будут грустить, но в один из дней, когда они меньше всего ожидали, их пути пересекутся снова. Вопрос в том: смогут ли их души узнать друг друга? Сможут ли они найти путь, чтобы возродить любовь...?»

Опустив взгляд на Луку, я заметила, что его глаза были закрыты, он водил пальцем по моему животу, на его губах играла легкая улыбка, и я догадывалась, он молился, чтобы я была беременна.

Я тоже.

— Ты узнала меня, — пробормотал он сонно, медленно открывая глаза. Я прервалась и опустила книгу. — Ты узнала мою душу, когда я был потерян.

Сквозь подступившие слезы я ответила:

— Узнала, малыш.

— И ты вернула меня себе, — закончил он и поцеловал мой живот.

Я покачала головой.

— А вот тут ты не прав.

Лука поднял голову, наклонил ее в сторону, и поджал губу в замешательстве. Мое сердце забилось быстрее от этого и, отпустив его руку, я погладила большим пальцем его щетину, а затем снова взяла его за руку и прижала к своему сердцу.

— Я не могла вернуть тебя, потому что ты никогда не исчезал. Отсюда — никогда.

Я похлопала себя по груди в области сердца.

Лука улыбнулся и положил голову обратно. Закрыв глаза, он взял мою руку и направил ее так, чтобы я снова гладила его по волосам.

Мое сердце растаяло, когда пальцы стали двигаться туда и обратно, скользя по шелковистым светлым прядям. Я взяла книгу и продолжила читать с того момента, где остановилась.

— Их история любви началась в тот день, когда она родилась...

Бонусные сцены

Свадьба Луки и Кисы

Киса

Свадьба не была похожа на ту, о которой я всегда мечтала и какой ее представляла. Это была не красочная, похожая на сказку свадьба, которую я рисовала в своем воображении в детстве, но от этого она не была менее совершенной.

Моя свадьба. День, который я ждала всю свою жизнь. День, когда я поклянусь в преданности моей родственной душе... мужчине, которого мне суждено было любить вечно,

перед Богом и нашими семьями.

Мое сердце трепетало, в животе танцевали бабочки от нереальности происходящего, что сегодня я стану миссис Толстая.

Миссис Лука Толстая.

Как только я закрыла глаза и стала наслаждаться этими звуками, то мои губы расплзлись в медленной улыбке. Взять фамилию моей единственной настоящей любви, фамилию, которую я всегда буду носить с гордостью...

Киса-Анна Толстая.

Я знала, что для большинства личные амбиции были подчинены стремлению достижения успеха в выбранной ими сфере деятельности, желанию стать «кем-то» в этом мире, добиваясь «чего-то», чтобы сохранить о них память в истории и сделать легендой. Но для меня всегда существовала только одна цель, одно желание, о чем я молилась, чтобы это стало реальностью: выйти замуж за мальчика, который украл мое сердце с момента рождения. Мужчину, о котором я скорбела на протяжении двенадцати лет, думая, что потеряла его навсегда, и вот он вернулся, как гром среди ясного неба, вернулся, распалая огонь и принося с собой пробуждение, спасая меня от удушающей темноты, которая наполняла мой мир.

Он был создан для меня... *lyubov moyu*... моя любовь.

Вытирая одинокую слезу, выступившую на глазах, я посмотрела на свое отражение и сделала медленный глубокий вдох. Мои руки, опущенные по бокам, слегка дрожали, ярко-голубые глаза блестели на фоне макияжа, который сочетал коричневые тени для век и едва заметный слой черной туши на ресницах.

Сбылось.

Это все происходит на самом деле... мое желание сбылось.

На мне кружевное платье Vera Wang, подчеркивающее изящные линии, мой отец сделал эксклюзивный заказ — только самое лучшее для наследницы российской Братвы из Нью-Йорка. Мои длинные каштановые волосы были подхвачены инкрустированной бриллиантами заколкой от Тиффани с витиеватым рисунком — другой подарок моего отца — не давая рассыпаться прическе.

Я выглядела идеально, как и подобает принцессе Братвы.

Двойной стук в дверь привлек мое внимание.

— Войдите, — крикнула я, не отводя глаз от отражения.

Скрипнула дверь, сзади послышались тяжелые шаги. Я заметила папу, такого красивого в его черном безупречном смокинге, с проседью волос, зачесанных назад, и суровостью, отражающейся на лице мужчины из Восточной Европы.

— Киса, — пробормотал мой папа, когда я встретилась с его взглядом в зеркале. Я наблюдала, как обычно эмоционально сдержанный, он застыл в шоке, пытаясь сдерживать наворачивающиеся слезы, а слова застряли у него в горле. — Ты выглядишь... ты такая красивая, Киса... как ангел...

— Папа, — прошептала я, не в силах ответить, развернулась к нему лицом. Потянувшись, я взяла его грубую руку, а другую — подняла, чтобы вытереть скатывающиеся по щекам слезы. — Я люблю тебя, папочка, — добавила я и наклонила голову.

Он глубоко вздохнул, его рука сжала мою крепче.

— Твоя мама... ей бы очень понравилось то, как ты выглядишь, сегодня... понравилось, что... ты выходишь за Луку... наконец-то... после всего того, что вам обоим пришлось

вынести.

Мой желудок сжался.

— Папа, — плакала я, обнимая его за талию и прижавшись щекой к его широкой груди. Папа обхватил рукой мой затылок, пытаясь не испортить прическу.

— Ты хорошая дочь, Киса, — прохрипел он, а я улыбнулась, уткнувшись в его смокинг. — Хорошая девочка, которая всегда следовала своему долгу. Делала все, о чем бы я ни просил. Я... я люблю тебя, моя девочка. — Мой отец не был хорош в выражении своих чувств, и я знала, что ему пришлось сильно постараться, чтобы произнести это. Он был жестким и грозным Паханом, грозным, но справедливым. Но я была его слабостью, его самым уязвимым местом. Даже если он никогда не говорил мне об этом, я знала, что это так и есть.

— Я тоже люблю тебя, папочка... очень сильно.

Сентиментальный и редкий момент разрушил звук, исходящий со стороны дверного проема. Отступив от моего отца, я посмотрела через его плечо и увидела единственную подружку невесты — Талию, мою лучшую подругу и сестру Луки, которая стояла в длинном, до пола, платье лилового оттенка. Ее длинные светлые волосы струились каскадом по плечам. Она улыбалась, заметив меня в объятиях отца и, поймав мой взгляд, протянула мне свадебный букет.

Мой папа, оглянувшись назад, увидел стоящую в дверях Талию, вздохнул и наклонился ко мне, прижимаясь в мягком поцелуе ко лбу.

— Я буду ждать снаружи, поеду вместе с вами в церковь.

Он поколебался немного, перед тем как еще раз сжать меня в объятиях, и прежде чем он вышел из моей спальни, на его лице вновь появилась маска Пахана.

Услышав, что дверь спальни закрылась, Талия расплылась в широкой улыбке. Аккуратно положив букет на кровать, она подбежала ко мне и обняла.

— Киса! — завизжала она и оттолкнула меня слегка назад, чтобы просканировать своими темно-кариими глазами мое тело. — Ты выглядишь невероятно! Само совершенство!

— Спасибо тебе, — ответила я с улыбкой, — ты тоже очень красива. Впрочем, как всегда.

Талия покачала головой, не соглашаясь со мной, и отступила назад.

— Не могу поверить, что этот день наконец-то наступил. Ты — моя лучшая подруга, выходишь замуж за моего старшего брата. — На ее лице отразилось легкое изумление. — Через час ты официально станешь моей сестрой. Я так счастлива, что могу взорваться.

Широко улыбаясь, я опустила взгляд на мягкий ковер под ногами. И тут же моя улыбка исчезла, потому что я представила Луку сегодня утром... без меня рядом с ним.

— Как он? Я ушла сегодня утром, перед тем как он проснулся. Не хотела, чтобы он видел меня утром в день нашей свадьбы. Хотела придерживаться хоть каких-то традиций ради моего папы.

Талия молчала, пока я не подняла взгляд вверх. В ее карих глазах было заметно сочувствие и напряженность. Она пожала плечам.

— Держится. После того, как он проснулся без тебя, мы успокоили его, он... он старался держаться изо всех сил ради нас, пока мы не попадем в церковь, и он снова сможет быть с тобой, Киса.

Мой желудок сжался, сердце забилось быстрее. Когда меня нет рядом даже пару часов, Лука чувствует себя очень плохо. Он все еще ощущал дискомфорт, его мучили и терзали

обрывки воспоминаний из прошлого, чувство покоя от вины за его многочисленные убийства он находил, только если я находилась рядом. У меня получалось успокаивать скрывающегося в его голове монстра.

Приподняв подол платья, я направилась к двери.

— Может, мне пойти и...

Талия преградила путь, схватила меня за руки и ответила:

— Нет.

Я закрыла глаза и вздохнула. Все, что рисовало мое воображение, — неистовый Лука, вышагивающий по полу своей детской, его пальцы, сжимающие волосы, как он борется в одиночку со своими демонами, его красиво лицо, пронизанной болью о воспоминаниях своего прошлого и прерывистом дыхании. Я не могла вынести этого.

— Но...

— Только не это. С ним мама и папа, а вы встретитесь в церкви. Он в безопасности. Совсем скоро вы снова будут вместе.

Я кивнула в согласии, и напряженные плечи Талии расслабились. Она нежно погладила мою руку.

— Это ваш особенный день, Киса. С этого дня ты и Лука будете вместе навсегда. Мой брат может подождать один час, прежде чем увидит тебя. Он должен научиться справляться сам со своим прошлым, без тебя, постоянно находящейся рядом, чтобы успокоить его. В конце концов, он должен найти собственный путь. В ближайшее время ему предстоит научиться быть Паханом, и тебя не будет рядом. Эта разлука пойдет ему на пользу.

Я не спорила с ней. Лука и я разделили что-то очень глубокое, что не каждый мог понять, но я также знала, что прямо сейчас у меня не было выбора. И наши семьи не могли до конца понять, что не только Лука боролся в одиночку. После того, как думала, что потеряла его десять лет назад и, подвергаясь насилию со стороны Алика Дурова с подростничества, находясь рядом с Лукой и прикасаясь к нему, соединяясь с ним, я ощущала себя в безопасности... ощущала себя цельной.

Талия отпустила мои руки, подошла к шкафу и взяла длинную кружевную вуаль, которая была накинута поверх дверцы. После этого она закрепила ее на моей голове, отступила, и ее нижняя губа начала дрожать, пока Талия смотрела на меня.

— Лука будет сражен, когда ты подойдешь к нему. Ты невероятно красивая.

Волна восторга пробежала сквозь меня.

— Ты так думаешь? Думаешь, ему понравится, как я выгляжу?

Мой вопрос рассмешил Талию, она закатила глаза и подняла букет.

— Я знаю, что так и будет. Ты могла бы одеть на себя хоть мешок, а мой брат бы считал, что ты послана небесами. — Она рисовала все в лучшем свете. — То, как он смотрит на тебя... словно ничто больше не имеет значения для него, только ты. — Талия покачала головой и повернулась.

Я смотрела вслед своей лучшей подруге, которая выглядела такой ошеломляющей в этом идеально подогнанном по фигуре платье. Она была такой красивой и готовой для любви.

Талия почувствовала на себе мой взгляд, обернулась и, нахмурившись, спросила:

— Что?

— Я хочу, чтобы у тебя было то же, что и у меня с Лукой. — Я подняла голову и добавила: — Не хочу, чтобы ты была одинокой. Хочу, чтобы ты была счастлива, как и я.

Показалось, что по лицу Талии пробежала вспышка боли, она замахала рукой.

— Я в порядке, подруга. Кроме того, для начала мне надо выйти из-под железного кулака Братвы. Тебе повезло, у тебя есть мой брат прямо с момента твоего рождения, он всегда был огромной частью твоей жизни. А где я? Как, черт возьми, пойти на свидание в этом городе, когда твой папа и брат — двое самых грозных людей в государстве и среди Быков, которые следуют за тобой повсюду?

— Он где-то есть, ты знаешь это, — сказала я, веря в каждое слово. — Твоя истинная любовь, твоя половинка, он где-то есть и ждет встречи с тобой. Бог просто ждет подходящего момента, чтобы подтолкнуть его на нужный путь.

Карие глаза Талии блеснули в ответ на мои слова, ее горло сжалось, она с трудом скрывала реакцию. Подняв букет из лаванды, роз и лилий оттенка слоновой кости, Талия подошла ко мне и протянула его.

— Пора идти, Киса. Пришло время воплотить мечту в реальность

Я не могла произнести ни слова, только покачала головой и последовала за своей лучшей подругой, будущей сестрой, к автомобилю, который ожидал снаружи. Был ясный день, холодный воздух ласкал мое разгоряченное лицо.

Это был самый прекрасный день из всех.

Свадьба Луки и Кисы. Бонус 2.

Лука

Я закрыл глаза, делая вдох, чтобы справиться с чертовым беспокойством, пронизывающим мое тело. Эта церковь была слишком большой. Слишком много шума и эхо, которое разносилось по всему старому каменному зданию. Все было таким странным, когда Кисы-Анны не было со мной рядом. Она стала моим якорем спасения. Заставила меня почувствовать, что мне есть за кого зацепиться в этом странном внешнем мире. В мире, который я все еще не понимал... мире, в котором я не был уверен, что когда-нибудь найду свое место.

Этим утром, когда я проснулся и обнаружил, что она уже ушла, я не мог встать с кровати. Вчера вечером, перед сном, она сказала мне, что встанет и уйдет раньше, ей надо подготовиться. Я же, проснувшись в одиночестве, застыл в страхе... это вернуло воспоминания о бесконечно холодных утрах в ГУЛАГе, об испорченных днях моего детства, когда не знаешь: будет этот день последним или нет.

Киса дарила мне спокойствие, когда спала в моих объятиях или пробегала пальцами по моим волосам, целовала мою шею. Она сдерживала демонов ГУЛАГа в моей голове. Я нуждался в ней... Я нуждался в ней как в следующем вздохе, чтобы жить... чтобы, твою мать, быть Лукой, а не 818... не безжалостным убийцей... не Рейзом, а Лукой Толстым, наследником Братвы Волкова и половинкой души Кисы.

Мои родители пытались отвлечь меня от хождения по комнате туда и обратно, чтобы я не нервничал, покрываясь холодным потом... пытались меня усадить, но они не могли помочь.

Мне нужна была Киса. Я чертовски нуждался в том, чтобы она была рядом.

Неожиданно я почувствовал, как на мое плечо опустилась рука. Вздвогнув от прикосновения, я поднял кулаки вверх, резко открыл глаза, готовый к драке. Позади меня

стояла мама, выражение ее лица оставалось спокойным, а во взгляде промелькнуло понимание:

— Это всего лишь я, сынок, — сказала она мягко. Втянув воздух и сделав глубокий вдох, я расслабился, и напряжение покинуло мои плечи.

Она не угроза... она твоя мама... я говорил себе это снова и снова. Я окинул взглядом маленькую комнатку, расположенную в задней части церкви, где мы были одни.

Моя мама шагнула вперед, держа ладони перед грудью:

— Пора, Лука, — произнесла она, ее губы вздрагивали от робкой улыбки. — Твоя Киса скоро придет. Ты сможешь быть рядом с ней уже через несколько минут.

Как только ее слова проникли в мой разум, мое сердце стало успокаиваться и меня стало покидать чувство беспокойства.

Она скоро придет... будет рядом... успокоит демонов...

— Нам надо ждать ее у алтаря. Отец Хрущев ждет.

Повернувшись, я встретился с взглядом мамы и кивнул. Я почти подошел к двери, когда мама резко остановилась передо мной, преграждая мне путь. Нахмурившись, я посмотрел вниз на ее уже немолодое лицо, и заметил, что глаза блестят от слез.

Я понятия не имел, почему она плачет.

Подойдя ближе, мама поправила бабочку и расправила лацканы моего смокинга.

— Вот так лучше, — сказала она слегка напряженным голосом. — Ты никогда не беспокоился о том, как выглядишь. Мне всегда приходилось поправлять твои вылезшие рубашки, чистить обувь или, — мама подняла голову и немного улыбнулась, разглаживая мои волосы, — приглаживать твои непослушные волосы.

Заметив, как по ее щеке скатилась слеза, я наклонил голову в сторону, поднял руку и обнял ее, прижимая к себе.

— Мам? — спросил я, и мама покачала головой.

— Я глупая женщина. Слишком эмоциональная. Мне просто жаль. Я... я...

— Мама? — снова спросил я, и свободной рукой, подперев подбородок пальцем, поднял голову вверх. — Почему ты плачешь? Я не понимаю, разве тебе не нравится, что я женюсь?

Ее дыхание перехватило, она сжала мою руку и покачала головой.

— Конечно, я... просто, видеть тебя таким. Сломанным жизнью, — фыркнула она, — спокойным... терзаемым дурными воспоминаниями... я не знаю, как исправить это...

Я нахмурился еще больше, потому что знал ответ на этот вопрос.

— У меня есть моя Киса. Он делает меня лучше, — ответил я прямо, моя мама надолго задержала дыхание, постепенно из ее глаз стала уходить печаль.

Ее верхняя губа растянулась в улыбке.

— У тебя все получится, сынок. Я каждый день благодарю Бога за то, что ты нашел свою половинку. Киса вернула тебя нам... она поддерживает тебя.

Мама опустила руки и отступила назад, боль в ее глазах сменила гордая улыбка.

— Ты такой красивый, мой сынок. Прекрасный русский мальчик, — она снова протянула руку, чтобы погладить мои волосы, — даже с такими непослушными кудряшками. — Она отступила назад и вытерла слезу. — Очень, очень красивый.

Я смотрел на себя и не знал, что ответить. Мне было странно видеть себя в этом костюме. Ничего из этого дерьма не имело для меня никакого смысла... ничего из этого. Вся эта свадьба была странной. Киса была со мной рядом с той самой минуты, как я увидел ее несколько месяцев назад. Я больше не расставался с ней, но ее отец настоял на том, чтобы

мы поженились в этой церкви. Он хотел сделать все правильно. Поскольку он был Паханом, то никто не мог ему перечить.

Неожиданно мама взяла меня под руку и сопровождала в основную часть церкви.

Когда мы подошли к алтарю, то мой отец и отец Хрущев улыбнулись нам. Мама отпустила меня, направилась к моему папе, а я остался стоять на месте, осматривая убранство церкви: с красочных икон на меня взирали безмятежные лики святых.

Мое сердце вновь стало бешено биться, поэтому я перевел взгляд на пустые скамейки. Церковь была очень большой, и пустой... Я знал, что ее должны были наполнить сотни людей. Пахан хотел этого, чтобы уважить своих людей и дать им поприсутствовать на свадьбе, но я не мог представить нашу свадьбу иначе, чем такой. Я не мог находиться в окружении стольких людей. Разговоры обо мне, вернувшимся в Бруклин, вызывали много сплетен о том, где я был, и это привлекало ко мне еще больше внимания. Все члены нашей организации в течение полугода не упускали возможность увидеться со мной, пока я пытался стать нормальным и исцелиться. Они все хотели увидеть долбаное шоу. Они жаждали увидеть монстра, которым я стал... вот почему их не было здесь сегодня.

Киса настояла на этом.

Здесь был только я, Киса, Талия, мама, папа и Пахан. Во всяком случае, для меня больше никто не существовал, никто не имел значения, кроме моей Кисы и наших семей.

И после сегодняшнего дня Киса будет моей... полностью моей.

Мое плечо сжала рука. Повернув голову, я увидел своего отца, он кивнул головой.

— Она здесь, сынок.

Выдохнув, я проследовал за отцом к алтарю и уставился на деревянные двери, желая, чтобы они открылись.

Где-то наверху заиграла музыка. Я не знал, что это была за мелодия, мне было все равно. Все, что я мог — только смотреть на двери, ожидая момента, когда мое солнышко шагнет через порог, и у меня появится ощущение дома.

Я был очень напряжен, когда мой папа встал рядом. Он моим свидетелем, моим шафером...

И тут же в моем сознании промелькнула вспышка, когда я вспомнил лицо З62, своего единственного друга, и как обычно вместе с воспоминанием пришло чувство опустошения. Он должен был быть моим шафером, ведь он был моим лучшим другом. Я отодвинул в сторону болезненное воспоминание, сосредоточив внимание на своей будущей жене, которая должна стоять рядом.

Ничто не испортит этот день.

Опустив взгляд вниз, я заметил, что мои руки дрожат. Сделав глубокий вдох, я сцепил руки, и в этот момент заиграла другая мелодия, широкие деревянные двери в дальней части церкви открылись.

Я направил взгляд на просвет, пробившийся между дверьми, и заметил Талию, мою сестру, которая широко улыбалась, глядя на меня.

Вокруг все замерло, когда я сосредоточился на движении Талии, а потом, как луч солнца, прорвавшийся сквозь темное небо, в проходе показалась моя Киса-Анна, которая шла под руку со своим отцом.

Остатки гнева, боли, смутения, которые терзали меня, миг исчезли, как только я увидел Кису. Она затаила дыхание, когда шагнула ко мне, ее стройная фигура выглядела идеально в длинном белом из кружева платье.

Мои руки зудели от желания обнять ее, я сдерживался из последних сил, чтобы не побежать ей навстречу и обнять ее... почувствовать ее прикосновение... удостовериться, что происходящее было реальным.

Отец схватил меня за руку, удерживая на месте. Я слышал, как он засмеялся, пытаюсь удерживать меня на месте.

Когда Киса подошла к алтарю, я посмотрел сквозь опущенную многослойную вуаль в ее глаза, с ярко-голубой радужкой, которые также пристально смотрели на меня.

Через меня прошла волна спокойствия, я почувствовал, что снова могу дышать... Я, твою мать, мог дышать впервые с того момента, как этим утром она покинула мою постель. Ничто не сдавливало мои легкие, не скручивало в тугий узел живот... просто... спокойствие.

Отец Хрущев показал мне, чтобы я выступил вперед и взял руку Кисы у ее отца. Я двинулся быстро, как мог, и остановился около Кирилла Волкова, моего Пахана.

Он наблюдал, как я приближаюсь к его дочери, с ухмылкой на лице и оценивающим взглядом. С невозмутимым видом, с которым я уже успел познакомиться ранее, Кирилл повернулся к Кисе и медленно поднял вуаль.

Я глубоко вздохнул, когда увидел ее идеальное лицо... она была самым красивым созданием из всех, кого я когда-либо видел.

Знакомые голубые глаза метнулись к моим, на ее розовых губах появилась любящая улыбка. Позади нас слышались всхлипы, но я не мог оторвать взгляда от своей Кисы, чтобы заметить, кто издает эти звуки.

Кирилл сжал щеки Кисы, она отвела от меня взгляд и посмотрела на своего отца сияющими от слез глазами. Наклонившись вперед, он поцеловал ее лоб и молча, отступил.

Кирилл протянул мне руку Кисы, чтобы я взял ее, и я, не колеблясь, сжал ее ладонь, но до этого пожал руку ее отцу.

Во время крепкого рукопожатия он произнес:

— Позаботься о моей малышке, Лука. Я доверяю тебе ее защиту.

Я был потрясен незнакомым мне до этого проявлением любви со стороны сдержанного босса Братвы, но в ответ я уверенно кивнул.

— С ней ничего не случится, сэр. Она — мое все... причина моего существования. Она — весь мой мир. Для нее нет места безопаснее, чем рядом со мной.

Лицо Пахана смягчилось, и он коротко кивнул. Когда он отошел, я занял место с solnyshko, пытаюсь сдерживать улыбку... она была здесь... она, наконец, становилась моей.

Киса сжала мою руку и прошептала, что мог услышать только я:

— Я никогда не была счастлива так, как сейчас рядом с тобой. Я никогда не была настолько влюблена, как сейчас, когда через несколько минут стану твоей женой.

Слушая, как она на выдохе тихо произносит свои слова, я поднял наши переплетенные ладони и коснулся ее рук губами.

Отец Хрущев, сдерживая улыбку, шагнул вперед, и начал церемонию. Это была традиционная служба Русской Православной церкви, она длилась долго, но я наслаждался каждой секундой благодаря Господа снова и снова, за этот шанс. Благодарил за то, что моя Киса узнала меня, когда я был потерянным... она вытянула меня из моего ада... она не разочаровалась в этом испорченном человеке, которым я теперь был, и изо дня в день старалась вернуть нас прежних.

Как только мы обменялись обручальными кольцами, были зажжены свечи, наши руки священник перевязал тканью и над головой находились короны, и когда мы выпили из

общей чаши, обошли вокруг алтаря, я чувствовал, как меня покидает постоянное ощущение боли и печаль.

По мере того, как произносились благословения, и наши свидетели принесли клятвы на Ветхом Завете, мое сердце наполнялось удовлетворением и еще большей любовью к моему solnyshko... женщине, которая вернула мне дом... женщине, которая вернула меня к жизни.

Отец Хрущев провел нас по проходу и вывел из боковой двери церкви в закрытый сад, только для нас. Он поцеловал нас на прощание, дал нам минутку побыть наедине, без нашей семьи и, наконец... наконец, оставил нас одних.

Оставил меня наедине с женой.

На нас с Кисой обрушился холодный зимний ветер, и мне казалось, что весь мир исчез, все, что я мог видеть и чувствовать, — это были мы. Голубые глаза Кисы наполнились слезами, она подняла их на меня, прижала свою ладонь к моей щеке и улыбнулась так ярко, что почти затмила солнце.

Затем она вздохнула и произнесла два слова, которые сжали мое гребаное сердце:

— Наконец-то...

Я сделал глубокий вдох, наблюдая за всепоглощающим выражением счастья на ее лице, и прислонил ее к стене. Киса вздрогнула, когда я прижал ее к холодной каменной стене церкви. Наклонившись, я прижался губами к ее губам, и сразу же ощутил вкус языка, который проник в мой рот.

Постанывая, Киса пробралась через мой пиджак и рубашку к животу и положила на него руки. Член моментально стал твердым, потому что ее ноготки скользили по моему прессу, и я сдавался под натиском приятной боли.

Мои руки сжались в кулаки, я тяжело дышал, борясь с желанием взять ее под открытым небом, прямо около стены этой церкви. Но когда наши глаза вновь встретились, я почувствовал что-то новое, до меня дошло... она была моей.

Официально.

Полностью моей.

Киса, мое solnyshko, моя жизнь... теперь была моей женой, наши души теперь были связаны... и нам не придется больше ни дня провести порознь.

— Lyubov moyu? — мягкий голосок Кисы проник сквозь мои мысли. — О чем ты думаешь? Поговори со мной.

Я пристально взгляделся в ее прекрасное лицо, поднял руки, чтобы кончиками пальцев дотронуться до ее полных губ. Глаза Кисы затрепетали, когда я пробежал пальцами по ее высоким скулам и вниз вдоль тонкой шеи, только чтобы спуститься вниз и почувствовать, что обручальное кольцо теперь навсегда на ее пальце.

— Малыш? — спросила она снова, и на этот раз на моем лице появилась легкая улыбка.

У Кисы перехватило дыхание, потому что она не часто видела мою улыбку. Переведя дыхание, я ответил:

— Моя... наконец-то ты — моя.

Из глаз Кисы по щекам полились слезы:

— Да, малыш. Твоя... навсегда... в этой жизни, в следующей и во всех остальных.

В моей груди колотилось сердце, я прошептал:

— Я люблю тебя, solnyshko. Ты — единственная причина, по которой я живу.

— Лука, я тоже тебя люблю. Больше, чем кого-либо.

— Мне нужно отвезти тебя домой. Мне нужно быть внутри тебя... как муж и жена. Мне

нужно почувствовать твоё голое тело... Мне нужно кончить в тебя... Я хочу, чтобы ты носила моего ребенка.

Киса всхлипнула от восторга и, прижимаясь своим лбом к моему, ответила:

— Тогда отвези меня домой, *lyubov moya*. В наш дом. Сделай меня своей всеми возможными способами,... наконец... зная, что мы теперь связаны друг с другом, навечно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плейлист

The Avett Brothers — I and Love and You

Little Big Town — Live Forever

Labrinth — Jealous

Lana Del Ray — Gods & Monsters

Coldplay — Lost

The Script — Superheroes

JAY Z — Young Forever (feat Mr. Hudson)

Jennifer Nettles — This Angel

Marina and the Diamonds — Happy

Eminem ft. Sia — Guts Over Fear

One Republic — I lived

Whiskeytown — Everything I Do

Breaks Co-Op — The Otherside

Emeli Sande — River

Greg Holden — The Lost Boy

Jonny Fears — Boyfriend

Ellie Goulding — How Long Will I Love You

Adele — Don't You Remember

A.A.Bondy — Killed Myself When I Was Young

Sam Smith — Stay With Me